

ლიტერატურა

გრეკია

11

1975

Деятели литературы и искусства, работники культуры! Высоко несите знамя партийности и народности советского искусства, совершенствуйте художественное мастерство, отдавайте свои способности воспитанию активных строителей коммунизма!

(Из Призывов ЦК КПСС к 58-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

Морис ПОЦХИШВИЛИ

О к т я б р с к о е

Паруса трепет,
Паруса пенье, —
День вдохновенья,
Время волненья!
Пламенность солнца,
Моря метанья,
Грома раздумья,
Крови кипенья,
Пламя желанья,
Жажда мечтанья,
Преображенья и обновленья!

Время горения и постижения —
Неудержимо движение к цели!
Время решений и достижений,
Время качания колыбелей...
Время борения мрака и света,
Исповеди — и принесенья обета...

Веры отцов героических наших,
На баррикадах под пулями павших,
Без вести на поле брани пропавших...
День бесконечный:
Вечность — мгновенье,
Время признаний и откровений,
Воспоминания и преклонения...

Человечество в космос идет, не робея,
Двойником несдающего Прометея, —
И с бунтарскою силой Адамова рода
Все светлее душою горит год от года.
В фолианте истории мы заполняем
Дня и ночи пока что пустые страницы

Нашей жизнью, в которой покоя не
знаем, —
Сочетанием поисков, сдвигов, традиций...

Человечество в космос идет, не робея,
Отражением, тенью борца Прометея,
С волевою душою Адамова рода —
Все светлей, все мудрее оно год от года...
И побегу раздумья —
Снарядами мысли,
Разорвавшись,
На радуге чистой повисли...
Мчится Терек.
Летит и звенит, крутолобий, —
Кровь и страсть и дыхание Светицховели,
И ни боги, ни люди,
Ни зависть, ни злоба
Усмирить, затуманить его не сумели...

День настал —
Взять из сердца нам
Правды рассаду,
Чтоб зажглась над землею,
Как света награда!..

Небо высокое, ветер над миром,
Жизни дорога, трепетность лиры...
Алых гвоздик под ногами горение, —
Духа возвышенного проявление:
Время рождения, произрастания,
Время парения — молний метания!..

Паруса трепет,
Паруса пенье,—
Время волненья,
День вдохновенья!..

Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

11
НОЯБРЬ

19 Издательство 75
ЦК КП Грузии

«ლიტერატურული გრუზია»

ქართველი
წიგლიერთა
კავშირი

(რუსულ ენაზე)

ქოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-19

№ 11

ნოემბერი 1975 წელი

საქართველოს საზოგადოებრივი კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**
- Гиви ЖВАНИЯ,**
- Марк ЗЛАТКИН,**
- Исидор КОЗАЕВ,**
- Георгий ЛОМИДZE,**
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,**
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**
- Гурам ХАРАИДZE**
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ**
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН.**

Год издания

19-й

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —

93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

Отдел прозы и очерка

(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —

93-31-43

Отдел поэзии и искусства

(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики

(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —

93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание:

С ДУМОЙ О ДНЕ ЗАВТРАШНЕМ... (Беседа с первым секретарем Руставского городского комитета Компартии Грузии тов. В. И. Кобахидзе)	5
--	---

ПОЭЗИЯ

АМИРАН АБШИЛАВА. Монолог о стадионе и убийцах. Головокружение. Голубая Техури. Перевод Леонида Темина	11
АЛЛА БЕРИДЗЕ. Из книги «По белому дыму»	13
ИРИНА ГРИЦКОВА. Край любви моей. «Бьется, мечется огонь...» Риони	14

ПРОЗА

ОТИА ИОСЕЛИАНИ. В плену у пленников. Повесть. Продолжение. Перевод Александра Эбаноидзе	15
АЛЕКСАНДР КАЛАНДАДЗЕ. Водоворот. Роман. Продолжение. Перевод Маргариты Гржендзица	28
ГЕОРГИЙ ГЕЛАШВИЛИ. Город теплого сердца — Тбилиси. Повесть. Окончание. Перевод Камиллы Коринтэли	36

ОЧЕРК

ВАЛЕРИИ КАДЖАЯ. Ния-грузинская	45
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВИОЛЕТТА ЦИСКАРИДЗЕ. На подступах к главному герою	50
ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Певец «нескончаемой жизни»	55

**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПАОЛО ИАШВИЛИ**

ГУРАМ АСАТИАНИ. Рыцарь грузинской поэзии . . . 66

**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА**

ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. «Грузия меня очаро-
вала...» 73

ПУБЛИЦИСТИКА

АНТОН КЕЛЕНДЖЕРИДЗЕ. Выполняя интернацио-
нальный долг 78

ВЛАДИМИР ХОМУТОВ. Вечная вахта «Авроры» . . . 85

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И
ЭСТЕТИКИ**

МАМИЯ ДУДУЧАВА. Проблема прогресса искусства . . 89

В МИРЕ КНИГ

ДЖУМБЕР ТИТМЕРИЯ. Ценою жизни 94

С ДУМОЙ

О ДНЕ ЗАВТРАШНЕМ...

БЕСЕДА С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ РУСТАВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КОМПАРТИИ ГРУЗИИ ТОВ. В. И. КОБАХИДЗЕ

ВОПРОС: ЗАВЕРШАЕТСЯ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ. ПО ВСЕЙ СТРАНЕ РАЗВЕРНУЛАСЬ ПОДГОТОВКА К XXV СЪЕЗДУ КПСС. С ЧЕМ ПРИДУТ РУСТАВЦЫ К ЭТОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ СОБЫТИЮ, КАКОВ ИХ ТРУДОВОЙ РАПОРТ?

— Да, до высшего форума коммунистов нашей страны осталось совсем немного. Настало время подводить итоги проделанной работы за истекший период девятой пятилетки.

В настоящее время трудящиеся города Рустави добились высоких производственных показателей в хозяйственном и культурном строительстве. Достаточно сказать, что за последние два года труженики промышленности города завоевали переходящее Красное знамя ЦК КП Грузии, Совета Министров Грузинской ССР, Совпрофа республики и ЦК ЛКСМ Грузии. Коллективы промышленных предприятий города к 24 сентября 1975 года досрочно выполнили девятимесячный план по объему валовой продукции, а к 27 сентября — план реализации продукции. Сверх плана выпущено на 6 миллионов рублей продукции — сколько и было предусмотрено годовым обязательством. Это и есть вклад руставцев в осуществление главного обязательства тружеников Грузии — дать в этом году по республике сверхплановой продукции не менее чем на двести миллионов рублей. Многие промышленные коллективы выполнили свои годовые обязательства раньше срока. Они уже работают в счет 1976 года.

Этот успех к руставцам приходил не легко. Первые два года девятой пятилетки по промышленности города фактически по всем основным показателям государственного плана было допущено большое отставание. Стране было недодано продукции почти на 28 миллионов рублей — чугуна, стали, готового проката, труб, минеральных удобрений, цемента... Чугуна, стали, готового проката, труб, минеральных удобрений, цемента... Причины было много: ослабление трудовой и производственной дисциплины, просчеты в организации производства, в планировании, снижение уровня организаторской и политико-воспитательной работы и ряд других.

Сейчас в нашей республике все более утверждается атмосфера подлинной деловитости, непримиримости к недостаткам в работе, критики и самокритики, происходит оздоровление морально-политического климата. К чести партийных организаций промышленных предприятий города, и в первую очередь таких крупных заводов, как металлургический, химический, химического волокна, цементный, «Центролит», следует сказать, что они смогли не только вскрыть все причины этих недостатков, но и наметить эффективные пути вывода этих предприятий и в целом промышленности города из прорыва.

Третий, решающий год пятилетки стал для руставцев переломным во многих отношениях. Тогда и пришел первый успех. Промышленность города справилась с выполнением государственных планов и взятых социалистических обязательств по всем основным показателям. Успех надо было закрепить.

В 1974 году впервые за годы пятилетки была получена сверхплановая прибыль в объеме четырех миллионов рублей, обеспечен опережающий рост производительности труда над ростом среднемесячной заработной платы, более чем на два процента. Путем усиления борьбы за рациональное использование сырья, материалов, энергоресурсов была достигнута их экономия на 4,5 миллиона рублей. Почти вдвое сократились убытки от недоброкачественной продукции, иррациональные потери рабочего времени.

Можно было бы перечислить немало факторов, способствующих этим достижениям. Однако главным, на мой взгляд, явилось значительное укрепление партийной и государственной дисциплины, создание в большинстве трудовых коллективов такой атмосферы, которая позволила наиболее полно раскрыть возможности каждого предприятия, цеха, участка, способности каждого труженика, создать обстановку нетерпимости ко всякого рода недостаткам. Высокие темпы роста развития производства сохраняются и приумножаются и в нынешнем, завершающем году девятой пятилетки, и в этом основная заслуга нашего рабочего класса, семитысячной армии руставских коммунистов, всех трудящихся города. Характерным для нынешнего года является еще и то, что если до сих пор успехов в выполнении государственных планов, социалистических обязательств добивались коллективы промышленных и транспортных предприятий, то в текущем году высокие производственных показателей достигают представители всех отраслей народного хозяйства.

Высокие темпы труда демонстрирует коллектив металлургического завода. Уже седьмой квартал подряд он выходит победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий металлургической промышленности страны. По итогам работы за 1974 год коллектив металлургического завода, достойно носящий звание правофлангового девятой пятилетки, был удостоен переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Нельзя не радоваться тому, что грузинские металлурги не успокаиваются на достигнутом и добиваются более высоких экономических показателей. Сейчас можно с уверенностью сказать, что столь высоких показателей, которых достигли труженики металлургического завода, пока не помнит ни один из ветеранов этого многотысячного коллектива.

Высоких показателей добивается коллектив химического завода, а ведь не так давно руставские химики подвергались острой критике из-за больших перерасходов сырья, основных материалов, энергоресурсов, высокой аварийности.

Значительный вклад в экономику республики вносят заводы химического волокна, цементный, «Центролит», управление «Грузмонтажремонт», предприятия пищевой промышленности города.

Обеспечивают успешное выполнение директив девятой пятилетки краностроители. Коллектив краностроительного завода уже справился с директивными цифрами по росту производительности труда. В текущем году стройки получают 520 башенных кранов — на 30 кранов больше, чем предусматривалось контрольными цифрами.

Успешно справляются с заданием транспортные организации города, среди которых выделяется коллектив железнодорожников. Значительно лучше, чем в прошлые годы, работают строители и монтажники. В этом году их руками были введены в строй производство электролитической двуокиси марганца и аммиачно-холодильная установка на химическом заводе, участок прямоугольных труб на металлургическом заводе, производственный корпус института «Автоматпром», Дом быта, больница, более тридцати тысяч квадратных метров жилой площади.

Однако подготовку к XXV съезду нашей партии мы не рассматриваем лишь с позиции досрочного выполнения и перевыполнения плановых заданий и взятых социалистических обязательств на завершающий год девятой пятилетки.

Городской комитет партии нацеливает партийные организации, всех трудящихся города на глубокий анализ того, что сделано по выполнению решений XXIV съезда партии. Вся эта работа проводится в едином русле с подготовкой к десятой пятилетке.

Мы стараемся оценивать со всей взыскательностью наметившиеся за последние годы сдвиги и положительные тенденции, сосредоточить внимание на нерешенных еще задачах и проблемах. А их у нас еще много, и решение их — дело не только сегодняшнее, это дело будущего.

Сегодня же коммунисты и все трудящиеся города достойно несут трудовую вахту в честь предстоящего XXV съезда КПСС, и я уверен, что они и впредь будут успешно справляться с заданиями партии и правительства.

ВОПРОС: КАКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ, НАМЕЧАЮЩИЕСЯ СЕГОДНЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ РУСТАВИ, МОЖНО СЧИТАТЬ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫМИ?

— Говоря о предстоящей десятой пятилетке, Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «Исходя из общих направлений нашей экономической политики, можно, пожалуй, сказать, что это должна быть прежде всего пятилетка качества, пятилетка эффективности во имя дальнейшего роста народного благосостояния. Основная особенность нынешнего этапа развития состоит в том, что на первый план все более и более выдвигаются наряду с количественными качественными факторы экономического роста нашей страны».

Так со всей отчетливостью проступает задача всемерного внедрения на промышленных предприятиях новой техники, автоматизации и механизации производственных процессов, их технического перевооружения. Необходимо свести до минимума ручной труд рабочих, механизировать все трудоемкие и тяжелые работы.

Хозяйственное и партийное руководство должно принять все меры к развитию социалистического соревнования за внедрение наиболее эффективной техники, всех научно-технических достижений с целью увеличения на этой основе мощности для выпуска продукции высокого качества. В этих условиях особое значение приобретает установление тесных деловых связей между промышленными предприятиями и научно-исследовательскими, проектно-конструкторскими коллективами.

Необходимо решительно изменить критерии оценок результатов нашего труда. Довольствоваться ныне тем, что тот или иной коллектив стал работать лучше, чем в прошлом, уже недостаточно. Это ведь не отражает главного — насколько достигнутое соответствует реально имеющимся возможностям и условиям, которыми располагает данное предприятие, насколько эффективно здесь используются производственные фонды, трудовые и финансовые ресурсы. Мы должны тщательно, по-научному, критически проанализировать нашу работу, глубже заглянуть в суть явлений, дать соответствующую оценку положительным тенденциям, отметить просчеты и упущения, вскрыть конкретные причины допущенных ошибок. Только такая постановка дела правильно нацелит рабочих, служащих, инженерно-технических работников на успешное решение поставленных перед коллективами задач.

Ставка на то, чтобы соревнование не только поддерживало начинания передовиков, выявляло отстающих, но и несло на себе определенную эмоциональную нагрузку, воспитывало в людях государственный подход к делу, хозяйскую бережливость, чувство профессиональной гордости и высокой ответственности, помогла, например, партийной организации металлургического завода сплотить труженников, нацелить их на борьбу за эффективность общественного производства.

И, пожалуй, наиболее ярким проявлением зрелости многотысячного трудового коллектива завода было предложение коммунистов, родившееся в ходе подготовки к встрече XXV съезда нашей партии: скорректировать ранее взятые обязательства и выпустить дополнительно 1,5 тысячи тонн чугуна, 6 тысяч тонн стали, 5 тысяч тонн проката, 500 тонн труб. По металлургическому заводу ставится задача в будущем увеличить выпуск товарной продукции по сравнению с 1975 годом на 17 процентов, а затраты на ее производство снизить на 14 процентов.

Успешное осуществление намеченных мероприятий даст возможность предстать на получение Знака качества 35 процентов производимой продукции. Это будет большой победой. Но реализация этих планов, конечно, немислива без осуществления больших реконструктивных работ, без широкого внедрения автоматизированных систем управления производством.

Нам предстоит большая последовательная и систематическая работа, направленная на повышение эффективности, качественных изменений производства. Необходимо решить немало наиболее важных вопросов во всех сферах народного хозяйства; касается это промышленности, строительства, транспорта, торговли, медицинского или бытового обслуживания населения, где, не допуская ни малейшего ослабления усилий, надлежит бороться за образцовый порядок, за коммунистический быт, за коммунистическую культуру, труд и отдых.

ВОПРОС: ПРОИЗОШЛИ ЛИ КАКИЕ-НИБУДЬ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛИКЕ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО, В СОСТАВЕ РАБОЧИХ КАДРОВ, ПОЯВЛЯЮТСЯ ЛИ НОВЫЕ СТИМУЛЫ, ДВИЖУЩИЕ МОЛОДЫМ РАБОЧИМ СЕГОДНЯ?

— Безусловно. Во-первых, высокая техническая оснащенность современных промышленных предприятий, все возрастающая необходимость в реконструкции, расширении производственных участков, а зачастую и полное обновление технологических процессов и оборудования потребовали от рабочего необычайно высокого уровня подготовки, роста его производственной квалификации.

Рабочая молодежь сейчас очень интенсивно овладевает научно-техническими знаниями, старается расширить профессиональный и общеобразовательный кругозор, увлекается научно-техническим творчеством. Это помогает ей активно вторгаться в процесс совершенствования производства.

Только в 1974 году молодежи Рустави было подано 563 рационализаторских предложения, из них 538 внедрено на производстве с экономическим эффектом в 837 тысяч рублей. Все это продиктовало и новые формы работы по подготовке молодых кадров.

Традиционными стали конкурсы на звание «Лучший молодой рабочий в своей профессии», которые способствуют повышению квалификации, росту технического творчества, являются важным фактором трудовой активности молодежи.

На Руставском металлургическом заводе существует стройная система организации научно-технического творчества молодежи, в которой немалое место отведено школам молодых рационализаторов. При основных цехах завода функционирует шесть таких школ.

Одним из важнейших элементов работы с молодежью является организация общественно-конструкторских бюро и других творческих объединений, которые служат хорошей школой, где молодежь получает необходимый минимум производственных навыков.

В последние годы значительные изменения претерпела учебная сеть, многие учебные программы были пересмотрены с учетом потребностей каждого предприятия. Большая часть учебных программ направлена на повышение практических навыков и мастерства. Резко изменилось отношение к профтехучилищам. Если раньше учащиеся средних школ очень неохотно шли в профтехучилища, то в этом году мы имели возможность наблюдать, как туда за приобретением специальности хлынул поток учащихся и в некоторых профтехучилищах (их в Рустави пять) был даже конкурс.

Опыт показал, что наиболее эффективной формой воздействия на формирование молодого рабочего является индивидуальное шефство опытного, квалифицированного, авторитетного производственника. Так, большое развитие на руставских предприятиях получило движение наставничества. Возникло оно давно и уже имеет свои традиции, свои Советы наставников на предприятиях. Руководство ими осуществляет городской Совет наставников (председатель — Герой Социалистического Труда, старший мастер доменного цеха РМЗ Арчил Дзамашвили). Сегодня около 600 кадровых рабочих, новаторов, передовиков производства шефствуют над двумя тысячами молодых рабочих. Руставские рабочие получают специальное среднее образование в химико-металлургическом техникуме, имеют возможность без отрыва от производства заниматься на подготовительных курсах по поступлению в вузы, которые организованы при заводах, и так же, не оставляя своего рабочего места, оканчивать вечерние факультеты Грузинского политехнического института. Это один из немногих, но очень действенных стимулов для закрепления молодежи на производстве.

Неизмеримо возросший культурный уровень населения нашего города потребовал еще большего внимания к настолько же возросшим нуждам и запросам рабочих. Сейчас совершенно недостаточной кажется нам сеть культурно-бытовых учреждений, явно не хватает кинотеатров, библиотек, спортивных залов, домов культуры.

Выполнение и перевыполнение производственных планов сказались на росте заработной платы рабочих. Если в 1970 году средняя заработная плата по городу Рустави исчислялась 139 рублями, то сегодня она выросла до 158 рублей. А на Руставском металлургическом заводе она еще более ощутима: против 140 рублей в прошлом сегодня она исчисляется 192 рублями.

Мы стараемся принимать все меры к улучшению условий труда и быта рабочих. Резко улучшилось снабжение города. Большое внимание уделено обслуживанию в рабочих столовых. Организовано горячее питание в вечернее и ночное время, бесплатное питание на заводах химического волокна, «Центролит», цементном, ремонтно-механическом тресте «Закметаллургстрой», льготное двухразовое питание введено во всех цехах металлургического завода, а в маргеновском, трубопрокатном и листопрокатном — трехразовое.

«Зеленый цех» города — теплицы металлургического завода — круглый год обеспечивают рабочие столовые Рустави свежими овощами. Расширяется сеть оздоровительных учреждений, созданы базы отдыха в Манави, Уреки, строятся два профилактория на 120 мест для металлургов и химиков, где они будут отдыхать и пользоваться медицинским обслуживанием.

Одной из своих важнейших задач мы считаем необходимость создать каждому молодому труженику нормальные условия быта и отдыха, в соответствии с его новыми запросами.

ВОПРОС: ГОРОДУ РУСТАВИ ВСЕГО ОКОЛО ТРЕХ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ, ЗА ЭТОТ СРОК НЕ УСПЕЛИ СОСТАРИТЬСЯ ДАЖЕ ЕГО СТАРОЖИЛЫЕ ВЕТЕРАНЫ ПРОИЗВОДСТВА. ОН ОДИН ИЗ САМЫХ МОЛОДЫХ В РЕСПУБЛИКЕ. КАК ЭТО ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА, КАК СКАЗЫВАЕТСЯ НА ЕГО ТРУДОВОЙ АТМОСФЕРЕ?

— Да, городу Рустави всего 28 лет. И хоть он уже вышел из комсомольского возраста, мы, руставцы, давно ощущаем его не по годам развившуюся зрелость. Биография Рустави богата замечательными свершениями, интересными событиями. В городе уже давно выработался свой четкий ритм, сложились добрые традиции. За эти годы он расширил и свой производственный профиль. Если поначалу его именовали городом металлургов, а затем — городом металлургов и химиков, то сейчас права хозяев разделили в нем и машиностроители. Рустави — один из крупнейших промышленных узлов Грузинской ССР. Все 24 крупных промышленных предприятия города осуществляют между собой тесные внутренние и технологические и производственные связи. Они и определяют узловой характер размещения промышленности — наиболее рациональной формы размещения промышленного производства.

В чем прежде всего проявляется его молодость? Давайте снова обратимся к цифрам. Средний возраст руставцев — 27 лет. 271 депутат избран в Руставский городской Совет. Из них 71 — представители молодежи до тридцати лет и 73 — люди до сорока лет. 47 депутатов — комсомольцы. Большой удельный вес в успехах промышленных предприятий выпадает на долю молодых. В городе трудится 38 комсомольско-молодежных бригад, из которых 29 уже выполнили обязательства девятой пятилетки, а некоторые работают в счет 1977—78 годов. По этому можете судить, что молодежь причастна ко всем делам города.

Поначалу в Рустави на руководящую работу приглашались опытные и квалифицированные работники из других городов. За годы своего существования у нас выросла прекрасная плеяда хороших и знающих руководителей промышленного производства.

Сорокалетний директор Руставского химического завода Георгий Трофимович Гоголадзе прошел на этом заводе все ступени от аппаратчика до руководителя такого сложного производства. На этом же заводе вырос и его главный инженер Зураб Ясонович Кервалишвили. Многие руставские специалисты проходят здесь жизненную и производственную практику; заочно окончив вузы, они заняли руководящие посты. Лауреат Ленинской премии Павле Церетели, в прошлом рабочий, сейчас заместитель главного инженера Руставского металлургического завода, Герой Социалистического Труда Арчил Дзамашвили от горного вырос до старшего мастера доменного цеха.

Руководители руставских предприятий очень серьезно задумываются над подготовкой своих руководящих кадров. Завод химического волокна — самое молодое предприятие, на котором директор завода ввел такую практику: периодически он вверяет свое директорское кресло кому-либо из молодых специалистов, на которого в течение одного рабочего дня возлагает все директорские обязанности, решение любых производственных вопросов (за исключением финансовых). Это потребовало от молодых специалистов особой подготовки, работы в библиотеках, чтения большого количества специальной литературы. Ведь никому не хочется ударить лицом в грязь...

Для многих ветеранов руставских промышленных предприятий подошло время уходить на заслуженный отдых. Только на Руставском металлургическом заводе предстоит скоро провозжать на пенсию более 1200 кадровых рабочих. Но ни у кого из них не прервется связь с родным производством, каждый из них сделал все, чтобы подготовить достойную смену руставских металлургов. Здесь еще раз хочется упомянуть о прекрасном начинании завода, создавшего Совет рабочей династии и наставничества. Сейчас на заводе все знают о фамильных династиях Кухалишвили, Коберидзе, Климиашвили, Вашикидзе и других. Это кадровые рабочие завода, которые трудятся здесь всей семьей.

Возможно, многие наболеешие и трудные проблемы Рустави тоже продиктованы тем, что он очень молод. Мы пока не можем разрешить транспортную проблему: планировка города осуществлена так, что промышленные предприятия в основном размещены в левобережной части, а жилые массивы — в правобережной. Единственная магистральная артерия через мост-акведук в часы «пик» настолько перегружена, что с трудом обслуживает весь пассажирский поток. В перспективе интенсивность движения будет неуклонно увеличиваться, и строительство второго моста уже сегодня стало остройшей необходимостью.

Конечно, ненормально, что в таком городе, как Рустави, нет еще горячего водоснабжения, в неудовлетворительном состоянии некоторые больницы, не хватает детских садов и яслей. Город необычайно разросся, и сегодня уже нас

не удовлетворяет дислокация средних школ, где 40 процентов учащихся обучаются еще во второй и третьей сменах.

Трудностей и нерешенных проблем много, и преодолевать их руставцы намерены настойчиво и целеустремленно.

ВОПРОС: ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ В ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОЯВИЛОСЬ НЕМАЛО ИНТЕРЕСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ СОВРЕМЕННОСТИ, ГЕРОЯМИ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ПЕРЕДОВЫЕ ЛЮДИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. НАПИСАНО МНОГО ОЧЕРКОВ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, КОТОРЫЕ ВОШЛИ В СЕРИЮ «ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ВАХТЕ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ», ВЫПУЩЕННУЮ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «МЕРАНИ». В СБОРНИК «ВРЕМЯ И ЛЮДИ», ВЫШЕДШИЙ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАКАДУЛИ». В КАКОЙ МЕРЕ, ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВАЖНЕЙШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ПРЕДМЕТОМ СЕРЬЕЗНОГО И ГЛУБОКОГО ИЗУЧЕНИЯ И АНАЛИЗА НАШИХ ЛИТЕРАТОРОВ?

— Должен отметить, что руставцы — очень чуткие и взыскательные читатели. Об этом свидетельствует тот факт, что и в производственных коллективах, и в библиотеках очень популярны читательские конференции. У нас очень любят встречи с писателями, где можно высказать свое отношение к тем или иным литературным новинкам. К книгам вообще и к художественной литературе в частности в нашем городе отношение очень, я бы сказал, любовное и по-настоящему серьезное.

Но, пожалуй, до сих пор из произведений современной грузинской литературы самым популярным остается роман Г. Панджикидзе «Седьмое небо». И это вполне объяснимо. Об этом всегда говорят на всех читательских конференциях. Роман родился в городе Рустави, где в ту пору жил автор, в цехах Руставского металлургического завода, где он какое-то время работал. Это и обусловило то, что все, о чем сказано в романе, особенно близко и дорого нашему читателю.

Дело отнюдь не в том, что в Рустави у Гурама Панджикидзе больше читателей, чем у кого-либо из других грузинских писателей. Это не так. Здесь одинаково интересуются всем, что выходит из-под пера многих грузинских писателей, но я думаю, что выражаю мнение большинства руставских читателей — современный рабочий со всеми его устремлениями, запросами, переживаниями, проблемами еще не занял достойное место в литературе. Кое-где появляются скудные штрихи к его портрету, но все его величие, грандиозность совершаемых им дел, значимость их еще не нашли достойного художественного отображения. Чаще всего писатели бывают в Рустави в роли гостей, приезжая на встречи со своими читателями, но уже давно никто не пытается на более долгий срок получить руставскую «прописку» с тем, чтобы взглянуть на жизнь рабочего класса и интеллигенции молодого промышленного города не со стороны, а глубоко проникнуть в те жизненные процессы, которые для него сегодня характерны. И хотя сейчас очень многое делается для осуществления самых тесных контактов писателей с жизнью и пишется немало ярких и талантливых произведений, рабочий сегодня еще испытывает неудовлетворенность от того, как он представлен на страницах художественных произведений.

Что касается очерков и публицистики — то в этой области сделаны интересные попытки анализа и изучения многих проблем, но все это требует еще большей глубины и дальнейшего развития.

И я надеюсь, что поистине прекрасные трудовые будни нашего рабочего класса, все те новые социальные сдвиги, происходящие в нашей жизни, вдохновят грузинских писателей на новые глубокие реалистические произведения.

Беседу вела Л. БРАЙЛОВСКАЯ

Монолог о стадионе и убийцах

Прямоугольник поля
 Всегда одноцветен:
 Удивительно вечнозеленый,
 Точно изумруд или апрель.
 Трибуны подвластны смене времен года,
 Подвластны всеисильной моде...
 Но трибуны — не стадион!

Весной трибуны похожи на Крцанисское
 поле—

Одежды горят и вспыхивают, как
 полевые цветы,
 В жгучем мареве лета трибуны
 напоминают

Плантацию спелого хлопка,
 А осенью поздней
 И южной грузинской зимой
 Кажется:

Гаснут трибуны, цвета и одежды —
 теплеют,

Ослепительные лучи прожекторов
 Выхватывают из полутьмы лица,
 Которые могут заставить побледнеть
 от зависти и Рембрандта...

Время здесь меняет одежды,
 Но — не людей:
 Десятки тысяч болельщиков
 Дышат здесь единой грудью,
 Делят, как яблоко, радость и боль...

И тут же, у высокой арки, рядами —
 мотоколяски инвалидов:

Сидят мужчины, искалеченные,
 меченные свинцом,
 Кажется им, что снова они — в строю,
 В горячих, горящих танках,
 Рвутся, кричат — словно еще впереди
 Берлин!..

Волнуется стадион!
 Ах, как сжимается сердце и холодеет
 кровь...

На трибунах инфаркты отыскивают
 себе жертвы,

Властвует гипертония, взлетает
 ртутный столбик,

И выигрывает иногда
 Опасен не менее, чем поражение...

Прорыв игрока к воротам...
 Красивый удар! —

И опять сердечная спазма,
 И девятибалльный взрыв страстей
 Напоминает штормовое Черное море,
 Доплеснувшее вал до самых высоких
 трибун.

Порой воцаряется и тишина — мажорная
 или минорная,
 Вершатся комедии, взрываются драмы,
 Нервы напряжены тетивой
 (С таким напряженьем, должно быть,
 смотрел императорский Рим
 Смертельную игру гладиаторов
 древнего Колизея!)...

Человек здесь живет необыденной
 жизнью:

Кто бы он ни был, но здесь — он
 частица Народа,
 Правящего на стадионе.

Народ-самодержец нечестности не
 простит,

Не одобрит грубость,
 Он, всемогущий, всевидящий и
 справедливый,

Безошибочно знает —
 Кого любить, кого защищать, а кого
 ненавидеть!

Так повелось на всех стадионах мира—
 В Уэмбли и Маракана, в наших
 Лужниках,

Так везде...

Но никто никогда не думал,
 Что футбольное поле
 С легкостью может быть превращено
 в поле смерти, в Освенцим:

Оказывается, трибуны вполне заменяют
 камеры,

Поле, украшенное колючей проволокой,
 Напоминает загон для скота

И может служить лагерем,
 Куда загоняют невинных, чтоб пытать
 их током!

Значит, бывает и так?

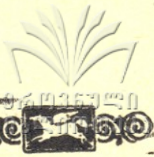
Значит, на честном футбольном поле
 Можно воздвигнуть черные виселицы
 для певцов Свободы?!

Значит, бывает и так..

Но ведь конец любого злодейства —
 злодейский,

Страшен для палача этот конец,
 А он — предрешен,
 И приговор народа обжалованию не
 подлежит.

Чили — мужество и справедливость,
 Море, волнующееся подспудно,
 Чили борется и победит.

Головокружение

Скорость — за сто километров!

Кажется книгой, листаю ее:
Это уже не забава, ей-богу, —
Головокружение, забытье...

Ночь.
И сквозь толщу пелен ее темных —
Фары, как два закаленных ножа,
Моцарт, ликуя, вселился в приемник,
Ветер по скалам гуляет, визжа.

В Джвари, еще не забывшем о Мцыри,
Демон бесстрастный покинул карниз —
Крыльями режет небесные шири
И в темноту низвергается, вниз...

Ночь — точно пытка,
Черней освенцимов...
Здесь я Куру перережу,
                                взлечу
Промеж подсвеченных исполинов —
Джвари и Светицховели!

Лучу

Уподобляясь,
                                лечу над хребтами:
Лихи — застежка на строгом кафтане,
Дальше, скорее, за Лихи —
                                туда,
Где мое детство дрожит в ожиданье,
Как эта утренняя звезда!

Вот я — мальчишка:
                                река бирюзова,
Плещут форели, и все нипочем,
Потороплюсь же! Он, честное слово,
Ждет и волну рассекает плечом...

Мчится машина,
                                и Моцарт, как хочет,
Правит эфиром.
На склоне крутом
Злобствует ветер...
                                И в сумраке ночи
До головокружения Демон хохочет:
Хохочет над Мцыри—он стал стариком!..

Голубая Техури

Гонит она голубые волны —
С гор голубых скакунов голубых,
Девять ущелий и девять горных
Гряд
                только взвихрили гривы у них.

Буйная, с кровью горячею
                                лихо
Скалы клинком разрубила река,
И осуждает она Годжисцихе:
«Что же ты отдал руно чужакам?».

О, крепость Годжи, Археополис —
Слезы и кровь, и сражения звон,
И проклиная я с болью немою
Вас, аргонавты и хитрый Язон...

А голубые ветры погони
К радуге мчатся, что в небе—мостом

Между волнами Фазис—Риони
И голубыми верхами хребтов,

Шепчутся мифы, и словно не тают
В воздухе отзвуки давних былин...

В синем потоке по пальцам считаю
Синие точки форелевых спин.

Мчится Техури!
                                Мчится
                                и гонит
Все табуны — голубые подряд,
А ветер Колх
                                в сумасшедшей погоне
Треплет им грив голубых водопад!

Перевод Леонида ТЕМИНА

Из книги „По белому дыму“

* * *

Я у людей в долгу, я знала доброту.
Она меня спасала не словами.
Ее глаза в окружьях пристывали,
Ловя мое дыхание в бреду.
Они всплывали, дальние-предальные...
И снова лоб, как долу ветвь, клоню.
И снова жар во мне.

Не жар —
как есть, предание
Огню.

А губы я запомнила в улыбке.
Ох, отупленье боли... Груды льда!
И отступленье медленней улитки
беды бедовой. Вот уж ни следа —

А губы я запомнила в улыбке.
Чужие губы... Меркнувшая тень.
Нет, в прошлое такое не уходит.

Чужие руки,
добрые, как день.
Как добрый день! Я верю в это

сходство.

Я всматриваюсь в них все как-то вдруг,
И столько доброты в их узловатости.
Но сколько остроты в той виноватости,
которую не выронишь из рук.

Да, я в долгу. Я делаюсь все зорче.

Я всматриваюсь в скрытые черты
Ведь вот: и не настроивших
чертогов —

Но и никем не превзойденных зодчих
Доброты.

* * *

Ты принес мне добрый ветер,
человек, —

Бесподобный в вешнем свете белый
снег.

Ты принес мне удивительный
лоток —

Что угодно для души!..
и рук,
и ног.

— Вот те варежки: играй себе
в снежки.

— Вот те валенки: вяжи свои стежки.

Вот те на! — проложена лыжня...
Бухнут пышные сугробы — что квашня.

А березы точно свечи вокруг горят.
Вот уж, кажется, нет чуда, говорят:

Ровно-ровно только ступишь
на порог —
Разом скатерть-самобранка!
И пирог.

Именинницей хожу, всему дивлюсь.
Но случится ль так, что, вникнув
волшебства, — в суть

сама когда-нибудь
В утлый дом волшебницей явлюсь!

* * *

Пусть будет целость неразменной
Монетой той.

Пусть будет ценность несомненной,
А цель — святой.

Пусть будет суть непреходящей —
Как твердь с лучом,
В ком с убедительностью вящей
Жизнь бьет ключом.

* * *

О, раскалиться б докрасна:
Труды — плодами-гроздьями!

(Была бы ранняя весна,
Была бы осень поздняя).

И расколоться, как орех,
Чтоб жажду утоляли...

И только б жара, как на грех,
Из душ не удаляли.

Мой плод и гроздь...

А в чем-то гвоздь!

Пробить глухую стену —
И видеть, видеть все насквозь,
Как зрителя и сцену.

И чтоб прозреньем помогло —
Пусть до самосожжения —

Жить для добра, а не во зло,
Чтоб верить в продолжения.

...По отношению ко многим молодым людям, приходящим в поэзию, в литературу сегодня, в середине семидесятых годов, критика обычно считает нужным отметить весьма высокий уровень их, этих молодых людей, филологической культуры. Порою такое соображение высказывается для того, чтобы оттенить достоинства — уверенное владение (с первых шагов!) поэтической образностью, по-хорошему изощренной строфикой и ритмикой, что идет от «начитанности» молодого автора, от знакомства его с многообразным (и разнонациональным) опытом поэтов предшествующих поколений. В иных же случаях начитанность превращается в «книжность», широта знаний — в «эклектичность», «несамостоятельность».

О филологической подготовленности поэтессы Ирины Грицковой следует, по-моему, говорить в первом смысле, хотя превентивные опасения насчет «книжности» высказать, может быть, тоже бесполезно. Бесспорно, что значение русской поэзии у нее неважно, что переводческая работа — из немецкой поэзии, языком которой она владеет отлично, — есть для поэтессы дело души. Собственные стихи И. Грицковой несут отпечаток ее знаний, ее переводческой практики: слова и строки — точны, строфы — строги и законченны. Она дерзает переводить «трудных» поэтов, даже Гете, великого Гете.

В семьдесят пятом году, когда в Грузии проводились Дни советской литературы, молодая поэтесса впервые увидела грузинскую землю, и я был свидетелем живых восторгов москвички. Надеюсь, что впечатления эти — источник рождения более глубокого и постоянного интереса к замечательной советской республике, к богатствам грузинской поэзии. От зарисовочности — в глубину!

И пусть появится среди многочисленных друзей грузинской поэзии еще одно имя — молодой *я*, я убежден, даровитой московской поэтессы.

Юрий СУРОВЦЕВ

Ирина ГРИЦКОВА

Край любви моей

Звук гортанный, гибкий, гордый
Заворожит, заманит,
И подобно речке горной
Речь грузинская звенит.

Подкрадется и погладит,
И позволит пригубить.
Только с ней не каждый сладит —
Прежде надо полюбить.

И надменна, и достойна,
Всюду слышится окрест.

Бьется, мечется огонь
По глухому саду,
Словно дикий красный конь,
Что попал в засаду.

Подожди! Куда спешишь?
Посмотри на это:

Дома вскарабкались на свай
На берегу твоем, Риони.
Как будто птиц усталых стаи
К тебе слетелись от погони.

В ней лихая смелость воина,
Кротость трепетных невест.

Тамада неугомонный
Произносит новый тост —
Бесконечный и мудреный,
Несказанно добр и прост.

Мне бы вновь сюда вернуться
Под сплетение ветвей,
Задохнуться, захлебнуться,
С головою окунуться
В этот край — любви моей.

* * *

Дождь не может потушить
Ликованье цвета.

Знаю — сменят листопад
Снежные лавины.
Пусть в ушах моих горят
Серьги из рябины!

Риони

Их путь отсюда невозвратен.
Они с тобой вступили вговор.
И только им одним понятен
Твой сладкий и тревожный говор.

●
П о в е с т ь
●

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вдоль берега мутной стремительной реки галопом мчались два всадника. Взмокшие кони скакали то по левому, то по правому берегу, когда же по берегам прохода не оставалось, шли прямо по воде. Река была неглубокая, но холодные, свинцового цвета волны словно связывали коней по ногам.

Вахо обогнал всадника на белой кобылице и, перебравшись на правый берег, спешился.

— Вот здесь... — как бы оправдываясь, сказал он второму всаднику. — Здесь я их оставил.

Подъехавший недоуменно оглянулся.

— Наверное, где-нибудь поблизости...

Перепрыгивая через валуны, Вахо бросился к небольшому укрытию у самой реки. И тут же послышался его голос:

— Сюда, Гуа, сюда!

Гуа неторопливо пошел по камням.

Внешне Гуа казался не старше Вахо, но держался солидно, ступал твердо и неторопливо. Он походил на мальчика, которому доверили серьезное дело и который отлично справляется с ним.

Белая кобылица пошла следом за хозяином, время от времени, как человек, заглядывая ему в лицо.

В укрытии между камнями на спине лежал раненый. Тутара с ним не было.

Гуа наискось разрезал раненому гимнастерку. Пуля прошла чуть правее сердца.

Они натаскали плоских камней, сложили их у скалы, подгоняя друг к другу, застелили двумя бурками и перенесли на это ложе раненого. Рана открылась, на бурку натекла лужа крови.

— Воды! — приказал Гуа голосом человека, знающего, что нужно делать. Сам же снял хурджин с остановившейся перед ним лошади и движением руки приказал ей: «Отойди». Лошадь попятилась.

Вахо принес воды в войлочной шапке.

Вахо работал, стиснув зубы и насупив брови. У Гау мелькнула надежда на благополучный исход, и он тут же вспомнил о Тутаре: ушел ли Тутар? не дождавшись их, или его убили?

— Гау!

Гау оглянулся.

— Что-то Тутар не появляется, надо поискать...

Гау, не отвечая, попросил приподнять раненого.

Вахо осторожно просунул руки раненому под мышки, приподнял его, но, не дождавшись, пока Гау закончит перебинтовывать, опустил Сюша на бурки:

— Нет, я пойду!

— Ты что, спятил? — крикнул Гау так, что белая кобылица отступила еще на два шага и, подняв уши торчком, подождала, что будет дальше.

Вахо виновато вздохнул и послушно приподнял умирающего.

Кобылица догадалась, что хозяин больше не сердится, и, сделав два шага, вернулась на прежнее место.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Судьба и обер-лейтенант опять были на ножах. Макс ошибся, полагая, что чаша весов склонилась в его сторону, — просто в этот раз судьба съехидничала: когда далеко по тропинке вели пленных, она посмеивалась. И Макс посмеивался от удовольствия. Глупейшее положение: тебе впору плакать, а ты смеешься... И даже злобу свою излить обер-лейтенант не мог: кто виноват в том, что он оказался запертым среди скал?

Обер-лейтенант и не пытался допрашивать пленниц. Дороги назад нет, и как бы ни были хороши показания пленниц, Макс придется возвращаться той самой тропой, по которой он забрался сюда. Ему интересно было узнать, почему эти женщины оказались среди ночи на чертовых тропинках, но Макс не страдал чрезмерным любопытством. Времени же оставалось так мало, что расходовать его на праздные вопросы было бы слишком расточительно.

Сворачивали лагерь довольно долго.

Шнайдер был в полной растерянности. Он знал, что обер-лейтенант винит во всем его, но командир похода оборонил две-три иронические фразы в его адрес, чем и ограничился. Это еще больше напугало унтер-офицера. Он метался по площадке и, не смея громко командовать, свирепым вращением глаз торопил солдат. Штуте он избегал, в глубине души люто ненавидел его. Когда они взяли пленных, капрал молчал. Шнайдер не очень огорчился по поводу того, что пленными оказались женщины. Ему было приказано захватить местных жителей, и задание он выполнил. Конечно, тех двух, что убежали, нельзя было выпускать, но это легко говорить при свете дня, а тогда... Теперь дело обернулось худо, и все беды, которые им придется пережить, будут валить на него. А Штуте вышел сухим из воды. Все в десанте знают цену Гансу. Ганс Штуте вырос в Баварских горах, и в Германии не много найдется альпинистов его класса. Это вам не Шнайдер, наспех обученный на ускоренных курсах!..

Унтер-офицеру любой ценой нужно было завоевать расположение командира. Он давно знал обер-лейтенанта и немало удивился тому, что Макс не наказал участников ночной операции, да и к пленницам отнесся очень мягко, едва ли не галантно (по нынешним временам)...

— Шнайдер!

Резкий голос обер-лейтенанта зажег искорку надежды в душе Шнайдера. Он молча вытянулся перед командиром.

— Ты возглавишь цепочку.

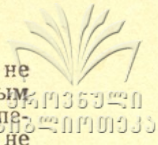
Шнайдер повернулся, готовясь бежать.

— Погоди, пойдешь осторожно... Бегать не надо, мы очень спешим. Ты меня понял?

Когда Шнайдер спустился к роднику, солнце клонилось к закату. Оставленные внизу кони щипали траву, росшую между камнями. Сверху медленно, с предосторожностями спускался десант. Впереди пленник шел Клаус Бауман, позади них — Ганс Штуте.

У родника женщины посадили на коней. Таков был приказ командира, и Шнайдер опять недоуменно пожал плечами.

Обер-лейтенант выделил двух снайперов — груз навьючили на лошадей — и приказал им идти впереди цепочки. Этих снайперов — Вальтера и Йоган-

на — командир берег как зеницу ока. Вот и прошлой ночью, когда Шнайдер, не смыкая глаз и каждую минуту рискуя свернуть шею, таскался по чертовым тропинкам, снайперы спали под крыльшком у обер-лейтенанта в большой пещере. Обер-лейтенант понимал, что никакой крупнокалиберной батареи не пошатнуть этих гор, здесь меткий выстрел стоил десяти танков.

Обер-лейтенант, казалось, не спешил и не нервничал. Ганс Штуте с интересом наблюдал за ним — такое самообладание удивляло его. Макс умел воевать, и его огорчения по поводу невысокого чина показались Гансу обоснованными — он даже мысленно посоветовал себе держаться осторожнее с этим человеком. Особенно удивляло его отношение обер-лейтенанта к пленницам. Мать, покинувшая отца, и изменница-жена внушили Максу презрение к прекрасному полу. Он не уважал женщин. Нынешнее его поведение диктовалось умом.

Когда цепочка потянулась вверх по тропинке, шедшие впереди снайперы вдруг остановились. Один из них распластался на камнях, подполз к небольшому валуну на краю тропинки и выглянул. Обернувшись, он что-то сказал второму и рукой показал на каменную стену, вознесенную над тропинкой. Второй снайпер пополз назад и, добравшись до обер-лейтенанта, сообщил, что Иоганн кого-то заметил.

— Что скажешь, Вальтер? — казалось, даже это известие не взволновало Макса. — Как нам быть?

— По тропинке не годиться, герр.

— Но и здесь оставаться нельзя.

— Пока что можно...

— Я думаю, не долго, — обер-лейтенант призадумался. — Шнайдер! Унтер-офицер щелкнул каблукми.

— Как вам помнится, сколько человек от вас сбежало?

— Два, герр!

— А скольких вы убили?

— Одного.

— Убили?

— Да, герр, он упал с коня в пропасть.

— Вальтер!

— Слушаюсь!

— Что делать? Поделись своими соображениями.

Обер-лейтенант всегда интересовался соображениями своих подчиненных. Он знал, что солдат, оставшись один, поступит так, как считает нужным, к тому же свое решение он исполнит с большим старанием и толком.

— Надо подняться на скалу, герр обер-лейтенант, и сверху расчистить дорогу! — Вальтер замолчал, глазами отыскивая кого-то.

— Что нам мешает?

— Нужна помощь Штуте.

— Ганс, — мягко сказал Макс.

Ганс осторожно обошел пленниц и вышел вперед.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тутар наметом скакал по опасной тропе. Вероятность столкновения с немцами с каждым шагом увеличивалась.

Тутар решил при появлении немцев укрыться и дожидаться их в засаде. Он знал, что немцы не так глупы, чтобы подставить голову под его пули, но в конце концов они вынуждены будут идти вперед: назад дороги нет, одна только тропка, уводящая в туры скалы — оттуда через хребет не перевалить.

Он знал, что у подножья скал бьет родник, а над родником в скале зияют две пещеры, в которых обычно ночевали охотники. Однажды и они с отцом заночевали там. В большой пещере лежала вязанка хвороста. Они сожгли ее, а взамен оставили новую. Таков закон охотников... Завидев стадо туров, охотник не выстрелит в вожака... А столкнувшись с врагом, лучше стрелять в командира.

А дорога... Да какая к черту дорога! Если б не осторожные горские кони, тут и пули не надо — смерть поджидает на каждом шагу.

Тутар придержал коня. Встреча, по его расчетам, была близка. Сейчас лучше влезть на скалу и оглядеться. По его предположениям, сверху он увидит пещеры.

Он спешил, ружье повесил на луку, а карабин закинул за спину. Не найдя на скале опоры для рук, он встал на седло и полез по почти отвесной скале. Лез медленно, тщательно нащупывая трещины, выступы и щели. Чем выше он взбирался, тем труднее было. Наконец он перевалил через вершину

и оглядел другую сторону. Сердце у него оборвалось. И с этой стороны скала отвесно уходила вниз. Снизу доносился шум реки.

Он попробовал отползти в сторону, но почувствовал ненадежность опоры и тут же отстранился.

Камень все-таки съехал. Сперва скатился немножко, задержался, словно раздумывая, потом сорвался и покатился с сухим, кремневым стуком. Тутар посмотрел ему вслед и по другую сторону ущелья увидел на скале парашют. Сквозной ветер, гулявший вдоль ущелья, раздувал угол парашюта. На стропах неподвижно висел человек.

Может быть, немцы надеются, что парнишка обманется, начнет палить в мертвого и выдаст себя? Так нет!... Если фриц жив, скорее он выдаст себя...

Тутар насадил свою шапку на ствол карабина и приподнял. Взвизгнула гуля, от скалы над головой брызнули осколки.

— Так! — проговорил Тутар, надевая продырявленную шапку. Парашютист неподвижно висел на стропах; стреляли совсем с другой стороны.

Тутар переменял место, выбрал средних размеров камень и прижал его к скале. Он хотел выглянуть через оставленную щель, но опять раздался выстрел, и прижатый к скале камень вышибло из рук.

— Хорошо стреляют, гады! — Тутар огорчился, отметив про себя, что сам стреляет хуже. Надо быть осторожнее...

Он решил еще раз переменить место. Немножко пониже в неширокой расщелине застряла гранитная глыба. Тутар спустился туда, привалился набок и выглянул в щель под камнем.

Не оставалось сомнений — стреляли со стороны пещер. Он присмотрелся, но не заметил ничего подозрительного. Потом выставил в щель ствол карабина и стал ждать. Из нового укрытия не было видно висевшего на скале парашютиста.

Тутар понимал, что раз уж враг выстрелил, теперь он будет стрелять по всякому подозрительному предмету. Не оставалось ничего другого, как ждать.

Если Вахо и Гуа сразу выехали из села, сейчас они, в лучшем случае, добрались до Сиоша. Если Сиош еще жив, они долго будут перевязывать и лечить его.

Немцы могли при помощи веревок спуститься от родника в ущелье, но подняться по другую сторону ущелья было невозможно. Их и без того слишком высоко заманила единственная тропа, соблазнила неприступностью пещер и близостью воды. Теперь же, опасаясь оказаться запертыми в этом каменном котле, они всеми силами стараются вырваться.

Но тот, кто пойдет по тропинке, не избежит пули Тутара.

А Таджики и Гуца?..

Тутар замотал головой, отгоняя страшные мысли. Он вдруг почувствовал, как жутко устал. Он больше не мог думать ни о чем и, смирившись с судьбой, махнул рукой: будь что будет!

Сверху на тропинку скатился камень и с разгону, словно оттолкнувшись, полетел в пропасть. Потом, почти следом за камнем, кто-то прыгнул и тут же скрылся из глаз. Тутар не шелохнулся: он все равно не успел бы прицелиться и выстрелить. Но теперь было ясно, что стрелок маскировался на скале над тропинкой, а остальные ждали его внизу.

Тутар был уверен, что с минуты на минуту кто-то появится на тропинке и надо будет стрелять. Но ведь могут же немцы выпустить вперед пленниц... Не стрелять в тех, кто в бурке? Бурку нетрудно накинуть поверх мундира.

Далеко над ледником показались самолеты. Донесся приглушенный рокот.

Солнце перевалило за полдень и закуталось в облаке.

Поднялся ветер, Тутару стало холодно между стынущих камней. И в это время он увидел, что там, где тропа переваливала через небольшой бугор, что-то смутно замаячило. Тутар не шелохнулся. Любое движение могло его выдать. Внизу что-то медленно вырастало из-за бугра. Еще немного, и показалась лошадиная голова, грива... Лошадь неторопливо шла по тропинке, и Тутар без труда узнал гнедую кобылу, на которую дедушка посадил молодую учительницу.

Видимо, бездействие и неопределенность доконали немцев: и они зыгнали на тропинку лошадь, узнать, кто и откуда будет стрелять. Если бы выстрелили одновременно из нескольких ружей, даже промахнулись они все, враг не посмел бы высунуться, потому что там, где три-четыре ружья стреляют в одну цель, десять и двадцать безмолвствуют.

Враг должен был усомниться в своем превосходстве — тогда у него появится терпение. А время для Тутара было очень дорого. Он с первого же выстрела убьет гнедую кобылу и задаст немцам задачу: тут в одну цель вдвоем не стреляют...

— Во имя отца и сына... — прошептал Тутар слышанное на охоте, прижал приклад к плечу и затаил дыхание. Он замер, целясь в лоб кобылы, но потом раздумал и сдвинул прицел пониже. Попасть в грудь легче, и сразу ли он не сразит кобылу наповал, раненая, она отпрянет и полетит в пропасть.

Тутар нажал курок и закрыл глаза.

Не успел он раскрыть глаз, как раздался ответный выстрел, и сразу за первым второй — пули с визгом впились в гранит. Он все-таки выглянул из укрытия. Кобылы на тропинке не было.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Единственная пуля, сбросившая кобылу с тропинки, не на шутку напугала обер-лейтенанта. Вздумай он со своим десантом продвигаться вперед, притаившимся в скалах стрелкам пришлось бы стрелять всего одиннадцать раз.

Сложность положения определилась так неожиданно и грозно, что Макс, невозмутимо-ироничный до этой минуты, растерялся. Единственное, что он сейчас с отчетливостью сознавал, — это что он имеет дело с опасным противником, и ему пришло в голову поговорить с пленными. Если стреляли местные жители-горцы и делали это ради спасения похищенных женщин, могло статься, что жизнь Макса и его людей зависела от пленниц.

Гуца и Таджи стояли, прислонясь к скале, словно две большие куклы. Ганс с автоматом на коленях сидел на корточках и слушал Клауса, шептавшего ему что-то. Обер-лейтенант почувствовал, что Штуте не собирается встать при его появлении, и жестом позволил ему не вставать.

— Сидите, сидите...

Ганс улыбнулся.

— Фройляйн! — обойдя Ганса, обратился Макс к Гуце.

Гуца покосилась на него.

Таджи, дичась, отступила на шаг.

— Ваша... маленькая... слишком горяча! — заметил Макс.

Гуца взглянула на Таджи.

— Я не собираюсь просить у вас прощения, — продолжал обер-лейтенант более суровым тоном, почувствовав, что мягкостью он только пугает женщин. — Как вы знаете, мы прибыли в вашу страну не для того, чтобы плести вам венки из альпийских цветов. Дама, разумеется, есть дама, даже если она среди ночи разрезает верхом по горам, но в нынешних условиях мы враги, ничего не попишешь...

Гуца исподлобья оглянула обер-лейтенанта взглядом, исполненным ненависти.

— Вижу, что сказал вам правду.

Гуца отвернулась.

— Я слышал, что грузины — смелый народ. Но времена смельчаков прошли. Сейчас судьбу войны решает оружие, а перед немецким оружием склонила голову вся Европа... Вам как женщине образованной должно быть известно это. Не знаю, какую судьбу готовят вам фюрер и история, но знаю, что жизнь сладка. И если этот отменный стрелок только ради вас подставляет свою бедовую голову под дула моих снайперов, я вас отпускаю.

Гуца с трудом удержалась, чтоб не оглянуться на обер-лейтенанта.

— Да, да, вы не ослышались. Я могу повторить: вы мне не нужны. Правда, вы хороши собой, но в наших условиях даже это не имеет значения. Как вы понимаете, я руководствуюсь не заботой о вас. Нет, просто я ничего не теряю. — Макс начинал злиться. — Почему вы молчите? Я отпускаю вас, только уберите с дороги этих чертей. Обойдемся без особых церемоний, можете пойти и передать мои условия, а эта девочка подождет вас здесь.

И на этот раз ответа не было.

Обер-лейтенант засмеялся.

— Кажется, она неглупа, — обернулся он к стоящему рядом Кнопсу. — Боятся, как бы мы не подставили ее вроде кобылки под пулю... Напрасные опасения. Судя по выстрелу, у ваших соотечественников острое зрение, они разглядят даже тень от ваших ресниц...

Макс помолчал, потирая подбородок. Потом подошел к Гуце поближе и негромко доверительно сказал:

— Поднимите голову... Вас удивляет наша гуманность? Не скрою, мы хотим как можно скорее выбраться отсюда. У нас есть дела поважнее, чем приятные разговоры.

Макс не знал, что, согласись даже пленницы передать его условия, немцам не открыли бы дорогу. Ведь на них была кровь тысяч и тысяч людей, целой страны, и вчера еще добавилась кровь Сиоша.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тутар приходил в отчаяние при мысли о том, что скоро стемнеет и повазние в ловушку немцы сделают все возможное, чтобы спастись. А один Тутар был бессилен. Окажись он сейчас на тропинке, нашел бы укрытие понадежней и, пока был жив, не дал бы врагу продвинуться ни на шаг.

Опустить на тропинку до темноты нельзя. Немцы же начнут движение только тогда, когда прицельиться будет невозможно. К тому же тропинка — ниже, там стемнеет раньше... Пока что солнце ярко освещало вершины скал и багряные тучи окутывали далекый ледник.

К вечеру небо совершенно очистилось. Тутар подумал с надеждой, что в хорошую погоду стемнеет попозже и, быть может, Вахо успеет вернуться...

Сумрак наполнял ущелье, поднимаясь все выше. Вот он поглотил тропинку. Враг не станет больше ждать. Как только он покажется, Тутару придется стрелять.

И тут появился — первый! Прижимаясь к скале, сделал несколько шагов... Тутар прицелился, уверенный, что это немец. Выгнанные из укрытия пленные не так пошли бы по тропинке: для них враг оставался сзади и они не стали бы прижиматься к скале. Тутар только собрался спустить курок, как темный силуэт отделился от скалы, пробежал несколько шагов и шмыкнул за валун у края тропинки.

Тутар утер рукавом слезившиеся глаза.

Стоило первому укрыться, на тропинку выбрался другой. Тутар попробовал прицельиться, однако сделать это было уже невозможно. Тогда Тутар решил спуститься поближе к тропинке. Но только он приподнялся, свистнула пуля. Стреляли оттуда же, откуда и в первый раз.

Пришлось подождать, пока темень добралась до вершин.

Лежа в своем укрытии, Тутар, казалось, видел воочию, как две темные фигуры приближаются к его коню, оставленному на тропинке под скалой.

Перевесив карабин, он осторожно пополз вниз. И тут громыхнуло два раза подряд. Он прижался к скале, но почти сразу же оторопело приподнял голову. Звук был как из охотничьего ружья; его не спутаешь ни с автоматом, ни с карабином. Тутар торопливо пополз дальше. За ним по одному катились камешки и падали вниз.

— Тутар! — он не поверил своим ушам.

— Вахо...

— Тсс! — донеслось в ответ. — Спускайся живее! — это был голос Гуа.

Тутар скользнул вниз. Потом скалы под ним не стало, и он шмякнулся на камень, но боли не почувствовал.

— Ох, ребята!..

— Ложись! — зашипел на него Вахо. — Только сделай одолжение, не реви!

Тутар покорно лег, хоть теперь он не боялся немецких снайперов. Погодя он снял с плеча карабин и через головы притаившихся друзей глянул вниз. Тропинка хорошо просматривалась под усеянным звездами небом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Наступила холодная ночь.

Гибель двух солдат заставила немцев отказаться от задуманного: их планы рухнули. Теперь надо было придумать что-то новое.

— Ганс, пойдемте со мной! — Обер-лейтенант прошел мимо растерянных солдат и, отойдя подальше, присел на камень у края тропинки.

— Ганс, — начал он тоном, каким в трудную минуту обращаются к другу. — Как ты думаешь, тут в самом деле нет дороги, кроме этой злосчастной тропы?

Штуте ответил не сразу.

— Герр обер-лейтенант...

— Обращайся ко мне по имени, — прервал его командир. — Когда мы одни, обращай ко мне по имени. — Простота есть первейшее условие дружбы, а Максусу никогда не нужен был друг так, как сейчас. — Присяжь! — он подвинулся, давая место рядом с собой.

Капрал сел.

— Я знаю не больше вас, — начал Ганс. — Тропинка, уходящая в горы, по-моему, уведет нас недалеко. К тому же не все наши смогут идти по ней.

— А вниз? Вниз нельзя спуститься?

— Вниз можно спуститься, но там мы рискуем угодить в худшую переделку: ущелье отлично просматривается с тех точек, откуда стреляют.

— Мы потеряли больше, чем могли потерять.

— Если нас запрут в ущелье, трудно сказать, скольких мы еще потеряем.

Обер-лейтенант понял, что Штуте не собирается перекладывать ответственность на себя. Как бы там ни было, дорогу среди этих скал способен найти только этот человек, если же и он считает, что лазейки нет, значит, дело плохо, совсем плохо.

— Что если мы отпустим пленниц?

— Освободим? — Макс не спросил: «Выпустят ли нас в таком случае?»

— Да.

Но Ганс понял его.

— Не знаю, они могут не поверить мне.

— Поговори с ними от моего имени. А пока надо что-то решать. Может быть, стоит вернуться наверх, в пещеры?

— Пожалуй. Только как бы нас и там не заперли.

— Это маловероятно. К тому же мы будем в неприступном укреплении. Здесь поблизости нет частей действующей армии. Если захотят прочесать квадрат, выделяют отделение-другое, от силы взвод. А взвод нам не страшен. Будь мы где-нибудь на перевале — другое дело, а о девяти немцах, засевших в пещере, никто и не вспомнит... А через неделю Кавказ будет завоеван и дороги откроются сами собой.

Теперь обер-лейтенант говорил уверенно. Это означало, что он больше не будет спрашивать совета. Собственно, в эту минуту и капрал Штуте не видел другого выхода.

— Я протяну веревку от родника к пещере, — сказал он, когда обер-лейтенант встал. — Устрою блок: при необходимости можно будет поднимать воду наверх.

— Тебе виднее, Ганс. Предоставляю тебе полную свободу действий. — Капрал ушел. Он знал, до каких пор предоставлялась ему «полная свобода действий», но сейчас они оба были в одинаковом положении, а пуля, если она хорошо нацелена, не разбирает правого и виноватого.

Устроившись в глубине пещеры, обер-лейтенант вызвал Ганса.

Высокий Штуте подошел, слегка согнувшись.

— Как вы думаете, пленниц... — Макс вспомнил, что его слушают и другие, и переменял тон. — Пленниц посадите во вторую пещеру. Не связать ли их? Как сочтете нужным! Один солдат поступает в ваше распоряжение. — Обер-лейтенант не назвал — кто именно, и Ганс понял, что мог оставить при себе Клауса.

Первыми в караул вышли снайпер Вальтер и Пауль. Австриец Пауль был живой поджарый парень, единственный наследник богатого бездетного дядюшки. Он не раз говаривал: мне бы только унести отсюда собственную шкуру, пусть даже продырявленную в нескольких местах, и — вот вам крест — я откажусь от наследства.

На это Карл хохотал в три глотки и громогласно молил бога о спасении Пауля и о смерти его богатого дядюшки.

Когда Ганс вышел из пещеры, Пауль не сказал ему ни слова. Один из солдат, убитых в этот вечер на тропинке, — Клеменс — был его другом.

Ганс заметил, что Пауль враждебно посматривает на пленниц, стоящих у входа в маленькую пещеру.

— Фройляйн, — обратился он к Гуце, — войдите в пещеру.

Гуца повернулась к чернеющему зеву, но не смела ступить ни шагу. Легко ли в окружении девяти фашистских солдат войти в темную пещеру?..

— Входите, входите, сейчас не до вас.

Из пещеры, пригнувшись, вышел Бауман.

— Все в порядке. Пещера совершенно пуста.

— Ничего, они возьмут свои бурки.

Пещера была низкая и узкая. Мрак словно камень завалил выход, который охраняли немцы. Гуце стало страшно...

Штуте велел Клаусу принести воды для пленниц, а сам присел у входа, положив автомат на колени.

Женщин весь день мучила жажда. Но пленных поят и кормят не тогда, когда они хотят есть и пить, а тогда, когда они стоят воды и хлеба.

— Фройляйн, — сказал Ганс, когда Клаус прошел мимо него. — Как вас зовут?

Гуца так и похолодела и сильнее прижалась к Таджи. Хотела ответить, но язык не подчинялся ей.

Бауман вернулся. Принес котелок с водой.

Кто-то вышел на площадку: по звуку шагов Штуте узнал обер-лейтенанта. Макс пересек площадку и остановился возле замаскированного караула. Он стоял долго не двигаясь. Наверное, оттуда он пойдет к пленникам... У Ганса была одна жизнь, и он не мог встать на пути у обер-лейтенанта. Но все же он решил поговорить с пленниками.

— Наш командир хочет отпустить вас.

— Если это откроет вам дорогу? — после долгого молчания спросила Гуца.

— Разумеется.

— Но мы не знаем, кто сражается за нас и стоим ли мы для них девяти немецких солдат. Может быть, мы узнаем завтра. Дайте нам время до завтра.

Штуте вышел к командиру.

Когда он вернулся, усталый, измученный Клаус спал, прислонясь к скале.

— Сядь, Клаус! — Ганс набросил шинель на плечи другу.

Издали доносился гул самолетных моторов и грохот взрывов. Ганс не слышал их.

Сегодня убили Генриха и Клеменса. Не исключено, что завтра настанет их черед... Он взглянул на небо. Неужели это те самые звезды, что сияют над его родиной? Нет, кажется, нет... Он не узнавал их. Может быть, это были другие?..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Когда неожиданные тучи обложившие скалы, ребята решили, что немцы воспользуются этим и попробуют прорваться. Они не знали, что у обер-лейтенанта каждый солдат был на счету.

Тутар совсем омяк, веки у него налились, отяжелели, но стоило ему закрыть глаза, как ему мерещились немцы, перебегающие через тропинку, и он, вздрогнув, просыпался.

Вахо что-то шепнул Гуа и переполз к Тутару.

— Да тебе же башку продырявят! — выслушав его, возмутился Тутар.

— Продырявят, как же! Они оба мертвые.

— А вдруг раненые?

— Я в лоб стрелял.

— Ты-то стрелял. А где второй?

— Вон, внизу, шагах в десяти.

Тутар посмотрел, куда указывал Гуа, но ничего не разглядел в темноте.

— Ты уверен, что оба убиты?

— Гуа стрелял из своей флинты.

— Сумасшедшие. Почему подпустили так близко?

— Ждали, пока второй вылез на тропинку. Он долго раскачивался. Вадно, духу не хватало.

— А если б вас опередили... Знаешь, как они стреляют?

— Знаем, знаем... Мы тут засветло были. Хорошо, что ты коня на тропинке оставил.

— В селе никого, кроме Гуа, не видел?

— Кого я там должен был видеть? Не с дедушкой же мне было здороваться?

— Помолчи! От тебя и этого можно ждать...

Послышалось лошадиное ржание, и Тутар и Гуа, как по команде, вскинули свои ружья.

— Отбой, это лошадь, — проговорил Вахо, приподнимая голову, — немцы не умеют ржать...

— Помолчи.

— Давай я хоть к лошадям спущусь, — понизил голос Вахо. — Переве-ду подалее и спрячу понадежнее. Здесь все равно ни зги не видать.

— Черт с ними, с лошадьми, волки их ешь! До лошадей ли сейчас!

— Мне-то что, но у Гуа кобылка больно умная, умнее нас троих, жалко волкам скармливать, — прошептал Вахо, потом сложил руки рупором и шепотом позвал: — Гуа! Сдажи ему что-нибудь, а то не опускает.

— Пусть идет, — сказал Гуа, — он дело говорит. Пусть идет. — Только Гуа лег рядом с Тутаром, Вахо исчез, словно его и не было.

Тутар положил руку на плечо другу.

— Прямо не верится, что ты здесь! Как Сиош?

Гуа покачал головой.

— Что, не выживает?

— Нет, убить человека легко, а вот спасти трудно...

В это время громыхнуло с такой силой, что мальчишки в ужасе упали ниц. Только когда вслед за грохотом хлынул ливень, они поняли, что это был мел гром, и подняли головы.

Рассвело. Промокший, подрагивающий от холода Тутар сидел на той самой скале, откуда вчера в него стреляли немецкие снайперы. Сверху он как на ладони видел тропинку вплоть до укрытия, где прятались Вахо и Гуа. По другую сторону, приподнявшись, можно было разглядеть родник под скалами — рядом на небольшой полянке пасся конь Таджи. Над родником, как два немигающих глаза, темнели отверстия пещер. И хорошо просматривалась площадка перед пещерами.

Незадолго до рассвета Гуа должен был покинуть Вахо и проведать Сиоша. Скользя по размытым тропинкам, Гуа убежал к реке, туда, где на берегу, в небольшом углублении они оставили завернутого в бурку умирающего Сиоша, и остановился, в ужасе глядя перед собой: камни, на которых лежал умирающий, заливала река. Свирепые волны, словно стадо яростных секачей, подтачивали нависающую над рекой скалу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дождь лил как из ведра. Со скалы водопадом стекали потоки воды, и стоявшие в карауле солдаты промокли до нитки.

Обер-лейтенант всю ночь просидел без сна, подпирая руками отяжелевшую голову. Только рассвело, он пожелал сам поговорить с пленниками. Ганс Штуте знал, что из этого разговора ничего хорошего не получится, и предпочел уйти: стоять на площадке было опасно, он перешел в большую пещеру.

Вальтер спал после караула. Австриец Пауль тоже лежал, отвернувшись к стене, но Штуте чувствовал, что глаза у него открыты: бывалый солдат Пауль повидал немало смертей, но никак не мог примириться с гибелью Клеменса...

Даниэль неподвижно сидел в темном конце пещеры, лицо у него было горестное, как у измученного обетом монаха. Пустой котелок стоял у него в ногах. Даниэль не слышал хрипа привалившегося к его спине Кнопса.

В маленькой пещере командир десанта спокойно допрашивал пленник, но спокойствие это было кажущимся, наигранным и могло взорваться в любую минуту. Пленница то ли считала своим долгом не отвечать обер-лейтенанту, то ли ей нечего было сказать...

Когда неожиданно раздался женский крик, Ганс бессознательно кинулся к выходу, но запутался в брезенте и изо всех сил налетел на кого-то лбом. Он отпрянул, потом сдвинул брезент и увидел распростертого на площадке обер-лейтенанта. Макс был в ярости. С искаженным от злости лицом, давясь ругательствами, он приподнялся на четвереньки, и тут раздался выстрел. Макс подскочил, словно его пнули сади, и упал.

Выстрел раздался со скалы над тропинкой, где вчера сидели их снайперы. Штуте выполз из пещеры на площадку. За ним последовал заспанный Кнопс.

Раненого командира потащили в укрытие. У входа в пещеру попробовали поставить его на ноги, но Макс не мог стоять; пуля, раздробившая берцовую кость, вышла слева под ребрами.

Кнопс молча пополз сменять стоявшего на часах фельдшера Альфреда. Альфред так же молча вполз в пещеру.

Обер-лейтенанта уложили на шинель. Альфред засучил рукава мундира и скомандовал:

— Воды!

Все нашарили свои фляги, слили воду в котелок и поставили перед Альфредом.

Ганс вышел. В два прыжка перебрался к Клаусу, сидевшему у входа в маленькую пещеру. Молодой солдат посмотрел ему в глаза. Оба промолчали.

Бауман был растерян. Его пугало не столько то, что произошло, сколько неопределенность будущего.

Штуте тоже не знал, чем обернется сегодняшнее событие.

Штуте стоял в полоборота к маленькой пещере. Бауман, присев на корточки, что-то рисовал камнем на земле. С тех пор как ранили обер-лейтенанта, солдаты редко разговаривали. Каждый замкнулся в себе.

Ганс избегал глаз пленницы, говорившей по-немецки. Наверное, она думает, что Ганс знал, с каким намерением направлялся в пещеру их командир. Знал и спрятался, не заступился. Этим женщинам все немцы вокруг них кажутся одинаковыми. Штуте взглянул на Баумана, на его худую шею, торчащую из широкого воротника, на слабые худые ключицы.

— Клаус!

— Слушаю, Ганс!

Капрал рукой позвал его.

Штуте молча указал на лежащий в углу вещмешок. Клаус удивленно оглянулся на мешок, потом опять на Ганса.

— Вынь консервы, сахар и сухари. — Ганс кивнул в глубину пещеры. — Дай им поесть!

Бауман вынул из рюкзака продукты и занес в пещеру. Девочка спала, положив голову на колени второй пленнице. На губах и на подбородке у нее застыла кровь, он положил на банку с консервами сухари, на сухари сахар и побрел назад. Взяв вещмешок, хотел разложить все на мешке, но вспомнил, что банку с тушенкой нужно открыть. Найдя для себя занятие, он словно обрадовался. Возился намного дольше, чем было нужно. Несколько раз порывался заговорить с пленницами, но не сумел.

— Что тебе, бедняга? — спросила женщина.

— Ничего, фройляйн, — он оглянулся на вход в пещеру и прошептал. — Вы знаете, ваши ранили «его».

— Знаем.

— Ему плохо, очень плохо. Наверное, он умрет.. — он сам не понимал, для чего говорил это. — Вот я открыл для вас тушенку.

— Не надо, — холодно отказалась Гуа.

Клаус отошел и опять присел на корточки у входа.

Гуа посмотрела на этого молоденького парнишку, и ей стало жаль его. Даже сейчас, когда она так ненавидела всех немцев.

Вернулся Ганс и тоже присел на старое место.

— Ганс, — Клаус покосился на брезент, закрывавший вход во вторую пещеру, — что говорит обер-лейтенант?

Штуте ответил не сразу.

— Обер-лейтенант ничего не говорит, Клаус.

— Что же мы будем делать?

Ганс покачал головой.

— Я собирался спросить об этом тебя.

— Меня?

— Да, что ты посоветуешь?

Бауман пожал худыми плечами и засунул кулак с камнем за широкое голенище сапога.

Капрал знал, что пленница слышит их, но не считал, что разглашает военную тайну. Во всяком случае, от этого разглашения ничего не менялось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда разлившаяся река смыла раненого Сиоша, жажда мести охватила мальчишек с удесятеренной силой. Уже которую ночь они горящими глазами смотрели на тропинку, ожидая появления врага, но никто не появлялся. Ожидание превратилось в настоящую муку.

Днем двое из трех бывали свободны и могли немного поухаживать за конями и вздремнуть по очереди.

Вчера Тутар поднял на скалу Вахо и строго-настрого наказал не выдавать тайника, а следить за противником через махонькую щель в камнях: если кто-нибудь из немцев вздумает выйти на тропинку, он может не спешить — прицельтесь всегда успеет.

Спускаясь вниз, Тутар как будто заметил кого-то по другую сторону ущелья. Он долго присматривался и ждал, затаившись, но тщетно.

Вдвоем с Гуа они спустились к коням и дальше поскакали верхом. Тутар знал, что, обогнув гору, они увидят немецкого парашютиста, висящего на скале. Но парашютиста на скале не оказалось.

— Гуа! — проговорил пораженный Тутар. — Он висел вон там. Мертвый.

Бауману приходила пугающая мысль, что сами горы ополчились против них... Выслать двоих солдат на тропинку, когда первая же пуля сбросила в пропасть лошадь, было, по мнению капрала, ошибкой. Теперь они знали твердо, что тропинка закрыта намертво, днем отсюда даже в шапке-невидимке не выбраться. Оставалось попробовать ночной прорыв, в туман или в ливень, с неизбежными жертвами, но с надеждой на спасение. Вот уже пятый день никто из немцев не знал, сколько у них врагов. Стреляли столько раз, сколько было нужно. Сперва убили лошадь, потом убрали с тропинки двух высланных вперед наблюдателей, и для этого понадобилось всего два выстрела. Упал обер-лейтенант, и ружье громынуло только раз.

Дела обер-лейтенанта из рук вон плохи. Он мог протянуть только несколько дней. При обдумывании планов прорыва его не следовало брать в расчет. Тот, у кого сильные ноги и хорошее зрение, имел шанс вырваться из этого каменного мешка. Вырваться, а что дальше — неизвестно. Но хотя бы уйти от этого обреченного, беспомощного ожидания. Если днем вход в пещеру охранял один часовой, то ночью их выставлялось двое. Они свободно прохаживались по площадке перед пещерой, поскольку оттуда, откуда стреляли в командира, разглядеть их ночью было совершенно невозможно. Враг мог взобраться по тропинке, но для того-то и выставлялись часовые, чтобы следить за тропинкой.

С тех пор как обер-лейтенанта ранили, фельдшер не ходил в караул. Не ходил и Бауман, вместе с Штуте приставленный к пленникам. Со временем для всех стало очевидно, что незачем двум вооруженным до зубов десантникам охранять тихих, примирившихся с судьбой пленниц.

Поздно вечером Альфред и Клаус заступили на площадку, не пригибаясь и не прячась. Было холодно. Он застегнул верхнюю пуговицу мундира. Потом, разминая ноги, затекшие от долгого сидения, прошелся по площадке. Задержался перед большой пещерой: он не заходил туда с тех пор, как там лежал умирающий Макс.

Альфред, ссутулясь, сидел возле камня в начале тропинки.

По небу ползли облака. Если б не облака, ночь была бы светлая.

Поначалу караульным было приказано бречься ночью так же, как и днем. Но потом эту предосторожность сочли ненужной: оттуда, откуда враг стрелял, в темноте нельзя было различить людей.

Луна выглянула из-за редких облаков и тускло осветила горы. Клаус пошел к краю площадки и глянул вниз: скала круто обрывалась. Вокруг высокого камня был намотан конец веревки, протянутой Гансом от родника. Пущенный сверху на блоке пустой котелок с разгону нырял в воронку с водой. Легкая алюминиевая посуда едва наполнялась до половины, но часовым по ночам делать было нечего, и они запасались водой. Ганс это ловко придумал. Он умница!..

Бауман присел на камень. Фельдшер Альфред буркнул: «Похолодало» — и стал притопывать на месте, ударяя пяткой о пятак.

Клаус нащупал конец тонкой веревки, прикрепленной к котелку, подумал: попить, потом еще наберу, кто-нибудь захочет... Ах, да... девушкам отнесу, пленникам... Ула теперь в деревне, и наверное, крепко спит... Ему хотелось представить, как спит Ула, но он не сумел.

А в этой стране девушки хороши. Или так кажется, потому что он давно не видел девушек? Клаус сразу же догадался, что одна из пленниц понимает по-немецки...

Со скалы скатился камешек и упал неподалеку. Бауман не поднял головы; он сосредоточенно подтягивал котелок.

Вдруг точно каная-то вспышка осветила площадку, Клаус замер: при луне запрещено было поднимать воду. Еще раз вспыхнуло, но это не было похоже на свет выглянувшей из-за туч луны. И что-то сильно садануло его в бок. Не камень, нет.

Стреляли? Упаси бог, здесь так метко стреляют...

Он не отпустил веревки, веревка сама выскользнула из пальцев. Ему казалось, что он сжимает ее в кулаке, но веревка все скользила между пальцев.

Видно, луна опять ушла за тучи. Веревка больше не скользила. Теперь он держал ее крепко-крепко...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Два почти одновременных выстрела словно подбросили Штуте. Он выскользнул на площадку и остановился. В руках у него был автомат. Он не помнил, когда схватил его, и стоял, держа палец на курке. Выстрелы раздались так близко, что ему казалось, он увидит стрелявших. Справа за брезентом, закрытым вход в пещеру, защелкали затворы.

34736340
202 000 010133

— Клаус! — крикнул Ганс.

В ответ — ни малейшего движения. Камень с веревкой на краю площадки казался выше и больше.

— Клаус! Альфред!

Ответа не было. Кровь, бросившаяся в уши, отхлынула. Ганс опустил руку с автоматом.

В этот раз было два выстрела. Штуте знал, что означает эта размеренная стрельба, да еще с такого близкого расстояния, почти над их головами.

— Клаус, парнишка! — проговорил он. Ему трудно было что-нибудь предпринять. Страх смерти, знакомый даже самым смелым, мешал ступить вперед. Противник каким-то образом оседлал их укрытие и стрелял оттуда, откуда меньше всего ждали нападения.

Всех охватило оцепенение. Ужас был вызван не выстрелом и не гибелью часовых, а полным неведением и беспомощностью. Впереди никого не видать, назад дороги нет. Враг, способный на такую пугающую неожиданность, ужасен вдвойне.

В пяти шагах от Штуте лежали двое убитых товарищей, а он не смел сделать к ним ни шагу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Выстрелы раздались так близко, что сначала Гуца и Таджи решили — пришло спасение!

Очевидно, пули попали в цель. Будь Клаус жив и невредим, он прибежал бы укрыться в пещере.

Когда все смолкло и наступило леденящее душу безмолвие, Таджи прошептала:

— Это Тутар и Вахо..

Гуца живнула не дыша. В такую минуту разве что только Таджи могла разговаривать.

Ганс, застывший у выхода из пещеры, вдруг шагнул вперед. Его шаги отчетливо звучали в тишине. Минуту спустя он вернулся, неся что-то на руках, и опустил свою ношу там, где обычно сидел Клаус. В пещере запахло кровью.

Штуте на мгновение осветил фонариком лицо Баумана. Сейчас этого ни в коем случае нельзя было делать. Будь Ганс ранен сам, он не смотрел бы на свою рану, но Клаус.. Он присел, положил голову Клауса к себе на колени и рывком расстегнул наглухо застегнутый мундир — Клаус был мерзляк.

Гуца словно видела, как Ганс дрожащей рукой нащупал рану, схватил край рубахи, и в пещере раздался треск рвущейся материи; потом он как ребенок приподнял Клауса и, сняв с него мундир и рубаху, перевязал всю грудь.

— Клаус! — услышала Гуца хриплый шепот. — Клаус! — Видно, Штуте все время твердил это имя про себя, но вот его непроизвольно произнесли губы.

Вода! Гансу нужна была вода, чтобы обмыть раны. Он нашел флягу, но, прежде чем взболтнуть ее, вспомнил, что фляга пустая.

— Воды!

Между Гуцей и Таджи стоял котелок, в котором Клаус приносил им воду. И прошлой ночью принес: там еще осталась половина. Наверное, он и сегодня наполнил бы..

— Воды!..

Ганс наклонился, шаря рукой в поисках котелка.

Гуца взяла котелок, стоявший рядом с ней, и протянула Гансу. Их пальцы соприкоснулись. Гуцу передернуло от смешанного чувства отвращения, жажды и страха.

Окончание следует

Перевод Александра ЭБАНОВИДЗЕ

●
Р о м а н
●

Один лишь человек не участвовал в общих веселых разговорах — это Копаладзе. Он лежал под кухонным навесом, на подстилке, изредка стонал. Ему уже ничем нельзя было помочь, и тем не менее то один, то другой из нас относили ему кусок повкуснее, кружку вина.

Отойдя в сторонку, наш Фома обхаживал румяную, как яблочко, пригожую девчонку.

Поодаль, за отдельным столом, сидели пленные немцы. И их кормили и поили, и они с таким же волчьим аппетитом, как мы, ели мясо и потягивали вино. Успокоившись, они держались обыденно, как ни в чем не бывало. Один рассказывал что-то потешное соседям по столу, они смеялись. И французы, и наши ребята вели себя с ними беззлобно. Казавшиеся совсем недавно чудовищами, немцы никого больше не пугали, им даже вроде бы сочувствовали, как попавшим в клетку хищникам, которые уже не страшны, но с которыми все-таки надо держать ухо востро, ибо это были представители той породы, которая еще продолжала нагонять страх на людей.

Окинув немцев взглядом, Савва сказал:

— Да их, ребятки, кажется, скоро можно будет и в наш отряд зачислить!

— Вот-вот, только это нам и осталось! — издевательски отозвался Нико Саванели.

Набив животы, немцы, видимо, все-таки призадумались о своей судьбе, и некоторые стали расспрашивать, что с ними будет. А унтер, воспринимавший мир только с позиции собственного желудка, продолжал с восхищением и завистью повторять: «Ай да молодцы! Вот это откололи! Нашли же для себя такое злачное местечко!» — и ворочал взглядом по бочкам с вином и женщинам.

Василь Мирошко и Герасим Игнатьич двинулись обратно в Кармо. Прогнать туда сейчас было огромным риском. Но вмешаться мы не могли и только проводили их сочувственными взглядами.

Продолжение. Начало в №№ 9, 10.

Артуро оставался в Жукевиле. Поскольку товарищи из Сан-Бенуа знали его лучше нас, Энвер заговорил с ним, чтобы узнать о дальнейших наших действиях.

— Камрад Артуро!

Испанец обернулся.

— Капитэн Артуро! — поправил он.

— Капитэн? — удивился Энвер.

— А как же! Разве тебе неизвестно, что все испанцы капитэны? — Артуро весело расхохотался.

К сожалению, и он не знал, что нам предстоит делать дальше.

Ребята бродили как неприкаянные, не находя, чем себя занять. Кто стал чистить оружие, кто прилег под деревцем, кто бродил, разглядывая незнакомые места.

Немцы, потоптавшись возле столов, стали расползаться. Один даже предался идиллическому занятию — начал собирать полевые цветы. За ним и другие. Медленно и незаметно они отошли к опушке леса. Стасик закричал, чтобы они немедленно вернулись, и вскинул автомат. Любители цветов живо повернули обратно и с невинными лицами снова сгрудились возле своего стола.

Внезапно раздался хриплый крик. Это умирал Копаладзе. Мы бросились к нему. Кто-то поднес умирающему стакан воды, но ему уже ничего не было нужно. Нико Саванели повернул Копаладзе на спину, закрыл ему глаза, выпрямил ноги и скрестил руки на груди.

Все стояли вокруг молча, с опущенными головами. Веры в то, что он выживет, ни у кого не было, и все-таки смерть его оказалась неожиданной.

Появились Фернан и Анжо. Решили предать тело Копаладзе земле не откладывая.

По другую сторону склона, упавшего в цветах, мы присмотрели местечко для погребения. Земля была совершенно сухая, но Копаладзе хоронили без гроба, и могилу пришлось вырыть поглубже.

Подняв Копаладзе на руки, медленно пронесли его к месту вечного упокоения мимо стоявших в строю макизаров. Тишину нарушил голос Фернана. Он горячо призывал нас к мести, предав анафеме фашистов, которые принесли столько горя миллионам людей. Потом предоставили слово мне. О чем я гозорил тогда? О судьбе погибшего и о нашей, о невосполнимых потерях и о высочайших подвигах, о надежде и вере в грядущее, ради которого мы жертвуем всем...

Грянул залп, и мы, стоя у свежесыпанной могилы павшего товарища, произнесли клятву бесстрашно сражаться и не щадить своей жизни для победы над врагом. Вместе с нами присягал на верность и Макс Финке.

Пленные немцы издали следили за похоронами и принятием присяги. Стасик погнал их обратно в лагерь.

Мы тоже медленно разбрелись и, подавленные, принялись блуждать по лагерю каждый сам по себе.

На меня вдруг напала тоска. Я никак не мог справиться с собой. Нахлынули какие-то странные мысли, которых я сам стыдился. «Неужто этого беднягу Копаладзе, — размышлял я, — занесло на чужбину только ради того, чтобы мы могли торжественно похоронить его, произносить речи?..» Я совсем расклеился от своих тяжелых дум. Но все мы были в те дни в полубредовом состоянии. Что-то для нас закончилось, а другое еще не начиналось, и мы томнились в неопределенности. Требовалось живое дело. Но делом пока и не пахло. Все казалось сумбурным, хаотичным, похожим на пестрый балаган, куда мы собрались для потехи.

Есть мне не хотелось, и, чтобы рассеяться, я пошел побродить. Лесная тропа вывела меня на вершину горы. Глубоко внизу, в расщелине шумел бурливый поток.

Стоял яркий солнечный день. Издали доносилось мычанье коровы, в лесу стучал топором дровосек, и стук топора отдавался многоголосым эхом. Где-то вблизи клохтал тетерев. Я, словно отдохнув душой, огляделся. Да, хорошо наше новое пристанище — сказочное лесное царство!

Поистине, чтобы познать прелесть юга Франции, надо повидать ущелье, по которому несет свои пенистые воды шумный Виор.

Проносья зеленым ущельем между департаментами Тарн и Аверон, Виор, яростно налетая на мшистые глыбы, мчит сбежавшие со снежных вершин воды в низины. Подойдя к обрывистым берегам, услышишь только шум воды да увидишь поднимающийся с реки белесый туман, который стелется над густыми кустами, а самой реки не видать. Кажется, что ты попал в дремучие дебри, но сделаешь шаг-другой и наткнешься на спрятавшийся в зелени крепстьянский домик.

На синем небосводе видишь средневековую башню, словно присевшую отдохнуть на вершине горы. А внизу, в ущелье, виноградной лозой вьется белое шоссе, по ту сторону которого, за дубовым перелеском и зарослями шиповника, темнеют островки леса. Они совсем маленькие — эти роцицы, но сойдешь под деревья, и покажется, что ты в густом нехоженном лесу. В прохладном воздухе звенят птичьи голоса. Серебристыми подвесками сверкают сбегающие по склонам ручейки.

Кое-где морщинистые горные глыбы напоминают развалины древних замков и крепостей, местами же воздвигнутые на вершинах башни и крепости кажутся скалами. Здесь соседствуют пещеры каменного века, жертвенники языческих времен, памятники римской культуры, развалины замков и современные автострады, черные пасти тоннелей, тракторчики на горных склонах.

Внизу — равнина, колышется ячмень, волнуются поросли осоки и ситника, и небосклон словно прилег на плечи ив и платанов.

Вернувшись, я застал всех на ногах. Оказалось, что штаб решил перевести людей в деревню. Макизары выстроились на шоссе, нагруженные и обвешенные своим скарбом. Я присоединился к своим, и мы с шумом и гамом двинулись к кантону.

Пленных немцев конвоировали позади.

Жукевиль оказался не таким крохотным, как представлялось издалека. В центре стояло несколько каменных домов, гостиница, школа и еще какое-то здание, наверное, муниципалитет.

Как и в каждом кантоне, в Жукевиле были мэр, нотариус, аптекарь, лавочник, парикмахер. Они приняли нас тепло и радушно, не скрывая, что боются возвращения немцев. Нас расквартировали, и сразу стало спокойнее. Хорошо чувствовать, что о тебе думают и заботятся.

Затем нам приказали построиться на площади, и Анжо объявил, что наша группа станет советской партизанской ротой.

В ФТИФ высшей боевой единицей считался батальон, командование которого подчинялось непосредственно штабу департамента. Интернациональный батальон включал в себя, кроме нашей, советской роты, французские, испанские, польские, югославские, итальянские и чехословацкие подразделения.

По предложению Фернана и Анжо командиром роты был избран Ванс Берошвили, комиссаром — я, начальником штаба — Шашниев. Взводами поручили командовать Гураму Гамрекели, Энверу и Илье Меликову. Сандро, комиссар разведки батальона, перешел к нам. Отделениями стали командовать Петр Маслов, Нико Саванели, Асланбек, Фома, Сергей Петрович и другие.

9

— Не ожидали мы, что восстание в Кармо вызовет такую бурю, — сказал на совещании майор Анжо. — В департаментах Аверон, Тарн и Верхняя Гарона боши проводят чрезвычайные мероприятия. Дороги перерезаны, даже в самых маленьких деревушках расставлены немецкие гарнизоны. Там, где раньше не было никакой охраны, введены круглосуточные караульные посты. В Кармо стянуты новые войсковые части. Но хуже всего, что с Тулузой, Альби, Кастром и особенно с Кармо у нас нет никакой связи и мы не знаем, что там происходит, что задумывают боши. Мирошко и Герасим Игнатич не подают о себе никаких вестей.

Сколько мы ни судили, сколько ни рядили, ни к чему конкретному не пришли. И неудивительно — кадровых офицеров среди французов не было. Они считали ниже своего достоинства служить у партизан. Майор Анжо и тот в прошлом учительствовал. Лучше всех могли решать технические задачи Фернан, Артуро и Стасик, получившие опыт во время боев в Испании. По их совету мы решили послать в Кармо разведывательную группу.

— Пойдем я и Стасик, — сказал Артуро, — нужны еще двое.

Берошвили, выстроив роту, вызвал добровольцев. После довольно продолжительного молчания многие сделали шаг вперед. Особенно рвался в дело Нико Саванели. Выбор пал на Гурама Гамрекели и Макса Финке.

Разведчики благополучно пробрались в Кармо и, вернувшись, рассказали, что улизнувший из Сан-Бенуа Вилли Гартман в ту же ночь отыскал оберста Фельда и доложил ему о восстании.

Наутро после нашего побега оставшихся в Кармо пленных, в их числе и Ираклия Кавнасидзе, согнали на площадь перед мэрией и в кровь исполосовали шпицрутенами. После этого некоторых пленных куда-то увезли и объявили, что они повешены. На третий день немцы распустили слух, будто все

бежавшие из Кармо достигнуты и истреблены. В доказательство по городу развесили окровавленное тряпье и по улицам — на телегах, в которые были запряжены пленные, возили чьи-то обезображенные, искромсанные трупы. Все ближние фермы подверглись разгрому. В Кармо и окрестных деревнях пошли аресты, было взято множество заложников.

Василь Мирошко куда-то исчез. О Герасиме Игнатьиче стало известно, что он схвачен вместе со своей семьей. После нескольких допросов сломить его упорное молчание взялись Гимельблау и Байдингер.

— По городу расклеили такие вот объявления, — сказал Стасик, показывая несколько голубых листков.

Я взял один.

Это было обращение командования оккупационными войсками к местному населению. «На днях подстрекаемые коммунистическими элементами советские военнопленные, работавшие на каменноугольных шахтах Кармо, во зло исползовав снисходительное отношение к ним немецких властей, вероломно истребили среди ночи многих немецких солдат и офицеров и бежали в леса, чтобы производить оттуда бандитские набеги. Цель их провокационных действий — навлечь новые беды на и без того измученное войной французское население и вызвать обострение в отношениях между нашими народами.

Оккупационное командование надеется на то, что во имя сохранения общественного спокойствия и порядка вы можете нам обезвредить бандитов, которые грозят вам грабежом, насилием, варварской жестокостью.

Каждый, кто поможет нам, доставив необходимые сведения, задержав или уничтожив того или иного главаря или участника банды, получит денежное вознаграждение (без оглашения его имени) в соответствии со следующим перечнем:

Берошвили Ваню, главарь банды, 25 лет, рост 175 см, над правой бровью след от ранения, брюнет, волосы вьющиеся, усы тонкие, ни французским, ни немецким языком не владеет. За доставку живым — 200.000 французских франков, за уничтожение — 100.000 французских франков.

Гамрекели Гурам, 22 лет, рост 170 см, смуглолицый, волосы иссиня-черные, усы закрученные, нос крупный, с горбинкой, ни французским, ни немецким языком не владеет. За доставку живым — 100.000 французских франков, за уничтожение — 70.000 французских франков.

Энвер, 22 лет, рост 184 см, бледнолицый, волосы каштановые, нос крупный, лицо удлиненное, глаза голубые, атлетического телосложения, французским и немецким языком не владеет. За доставку живым — 100.000 французских франков, за уничтожение — 70.000 французских франков.

За поимку других членов банды за каждого 60.000 французских франков, за уничтожение — 30.000 французских франков.

Сведения доставлять в ближайшую комендатуру или воинскую часть оккупационной армии и в любой полицейский орган...».

Наши разведчики, возвращаясь в Жукевиль, нарвались в пути на немецкую автомашину и прикончили двух офицеров. Я просмотрел взятые у убитых удостоверения: зондерфюрер Вендт, обер-лейтенант Карст. Оба — подчиненные Пунча. Видимо, немцы догадываются о том, где мы находимся, прощупывают подходы к нашему кантону.

Артуго рассказал, что майор Рошар мечет громы и молнии, вопит, будто бы французам достанутся новые беды, обвиняет штаб ФТПФ в легкомыслии и упрямстве. Теперь, заявляет он, французы по вине коммунистов истекут кровью, планы Спротивления будут сорваны.

Артуго требовал послать в Кармо ночью две роты, чтобы они подняли пальбу и навели панику, это устрашит врага и он откажется от своих намерений. Анжо предлагал в целях обороны установить засады. Фернан, усмехаясь, уверял, что врагу нас не обнаружить, лучше заняться организацией диверсионных актов. Каждый нес, что ему приходило в голову, а на войне такие разговоры всегда чреватые бедой.

Я считал, что нам необходимо немедленно уйти отсюда или, на худой конец, получить укрепиться. Не успел я высказаться, как Ваню Берошвили дернул меня за полу шинели:

— Скажи им — надо всеми нашими силами обрушиться на фашистов, а там или пан или пропал!

— Перестань городить чушь, — шепнул я, обозлившись.

Он чуть не испепелил меня своим безумным взглядом.

Шума и споров было хоть отбавляй. Наконец решили посылать каждое утро по два-три отделения в сторону Бургуньяка, чтобы они разузнавали там о намерениях фашистов.

Я ушел из штаба с чувством беспомощности и беспокойства. По последним сведениям, немцы стягивали свои силы в департаменте Тарн. Взводу Энве-

ра приказали произвести разведку на шоссе перед Бургуньяком и, если окажется необходимым, оставить там засаду. Я решил отправиться с Энвером.

Мы вышли еще затемно. Всю ночь лил дождь, но к рассвету прояснилось, и вскоре ярко засияло солнце. Вокруг тихо, мирно. Рассыпавшись большими пятнами по зеленым склонам, мирно пощипывают травку овечьи отары. Откуда-то доносится пастушья свирель. Я почувствовал себя бодрым, веселым.

Шоссе, вырвавшись из скалистых теснин, побежало по просторной долине.

Там и сям весело играли под солнцем красноватые, омывшие дождем черепичные крыши. Иногда слышалось позвякивание бубенцов, и кто-то трусил мимо на муле. Проехали на велосипедах в сторону города опрятно одетые монахи и монашка. Лошадь, на голове которой красовались разноцветные кисточки и серебристые погремущки, с грохотом промчала фургон. Рысдой пронеслись увешанные красными помпонами мулы — в переполненных фэтонах поспешали к ранней обедне семьи фермеров. Кое-где на полях, несмотря на воскресный день, вязали снопы. О войне ни слуху ни духу!

Когда мы подобрался к окраинам Бургуньяка, на глаза стали попадаться развешенные по деревьям, еще влажные от непросохшего клея объявления — очередное обращение оккупационных властей к населению. Я остановился, пробежал его глазами:

«...преобладающее большинство населения вполне сознает свой долг... Однако среди вас имеются подкупленные врагами Германии агенты, лазутчики и преступные коммунистические элементы... мы не можем бездействовать, видя, какой опасности подвергается жизнь немецких воинов... мы обязаны принять самые строгие меры...»

В Бургуньяке мы узнали, что объявления недавно расклеили примчавшиеся сюда на мотоциклах фельдполицай. Следом за ними прошла воинская часть с танками и орудиями...

Мы не мешкая вышли из Бургуньяка и, отойдя немного, засели в засаду у перекрестка. На дороге показались два наших разведчика-мотоциклиста. Выскочив им навстречу, мы узнали, что немцы прошли за Гайяк и, по всей вероятности, идут к Тулузе.

Подъехал один из наших грузовиков. Рядом с шофером в кабине сидел Фернан. Он подтвердил, что опасаться нападения не приходится. Мы можем снять засаду и поехать на одну из ферм за продуктами. Фернан отправился в Бургуньяк по какому-то делу, сказав, что скоро вернется.

Мы совсем успокоились. А когда наш грузовик загрузили бочонками с вином, баллонами с водкой и маслом, завалили коровыми и козьими тушами, настроение наше стало хоть куда.

Немцы все забирали у крестьян за оккупационные марки, а партизаны, приобретая у крестьян продукты, выдавали им расписки, обязуясь расплатиться после окончания войны по твердому курсу франка. Конечно, фермеры рисковали, но они были патриотами.

— Э-эх! К черту!.. — ругнулся Энвер, когда грузовик тронулся к Жукевиллю.

Широкоплечий здоровяк с открытым простодушным лицом, с гладко зачесанными назад каштановыми волосами, он очень располагал к себе и у каждого сразу вызывал доверие. Его немного грустные голубые глаза светились прямой и чистосердечием. Но в то же время Энвер был осторожен и предусмотрителен. В пути он то и дело осматривался, взглядывался в каждый кустик, приказывал водителю съезжать на прорезки, кружить и петлять, чтобы сбить с толку возможных наблюдателей врага. Однако куда мы ни сворачивали, под колесами машины снова оказывалось все то же шоссе. Я подумал, что наш лагерь вовсе не трудно обнаружить и добраться до него. Не угодил ли мы страусу, который, спрятав голову в песок, воображает, что он никому не виден?

Подъезжая к Жукевиллю, мы слышали веселые крики и песни. Перед самым кантоном к машине подбежала появившаяся из-за пригорка толпа размахивающих платками людей. На улицах, в полях и рощах тоже оказалось полным-полно народу. Оказывается, жители ближних деревень, воспользовавшись воскресным днем и хорошей погодой, нагрянули в гости к макизарам. Всем придавленным оккупацией людям хотелось радости, песен, вот они и пожаловали в маленькую республику свободы, чтобы хоть денек подышать полной грудью, отвести душу среди подавленных в горы родных и близких. Разряженные, как на праздник, они забыли о всякой опасности и беспечно отдавались веселью. Украсив головы венками из полевых цветов, смеющиеся девушки

ки — французенки, испанки, польки — резвились по деревне, волнуя наших ребят быстрыми обжигающими взглядами.

На зеленой лужайке перед мэрией дремал, задрав ноги, ослик, немудрено носился возле кобылы крохотный жеребенок. Над голубой школьной кровлей, словно белая птица с распушенными крыльями, хлопотливо вертелся флюгер.

Сорбоннский профессор, отбросив костыли, разлегся на траве и жадно втягивал в себя запахи душистых лекарственных трав. Фома нащептывал что-то на корявом французском языке прекрасной Жаклин. Девушка вряд ли понимала его, но все же слушала с любопытством и чуть насмешливо улыбалась.

— Ты что, рехнулся? — крикнул неугомонному Фоме Энвер. — Эта девушка любит одного нашего парня.

— Заткнись! — вскипятился Фома. — Какая любовь, когда кругом все горит в огне!

— Ну ладно, вот идет ее Сандро, разбирайтесь с ним сами.

— Сандро?

Фома мгновенно остыл и хотел смяться, но Жаклин уже поднялась и, кивнув ему, поспешила навстречу Сандро.

Один лишь Ваню Берошвили ходил мрачным. Он вообще становился все угрюмее и угрюмее, все упорнее замыкался в себе. Он не ожил после побега, не сошелся с новыми друзьями, не хотел участвовать в сегодняшнем празднестве. Его окаменевшее лицо внушало невольную робость, и никто не подходил к нему, не заговаривал с ним. Всегда молчаливый, он теперь даже распоряжения отдавал знаками. Я грешным делом заподозрил, не возгордился ли он, став командиром роты. Но нет, дело было в чем-то другом. Неужели дни, проведенные в плену, убили в Ваню все живое?

Я подошел к нему.

— Видишь, как люди стосковались по воле, как они радуются.

Он не ответил. Неужели чувствует что-то неладное?

— Ты что-то не в настроении, — пробормотал я.

В его глазах мелькнула усмешка. Отвернувшись, он вошел в домик, где размещался штаб, и через минуту вместе с Саванели и Сергеем Петровичем зашагал по шоссе. Вернулся он один, заметил слоняющихся без охраны немцев и снова бросился в штаб, откуда вышел со Стасиком. Они собрали пленных, загнали их в подвал гостиницы и замкнули дверь на засов. Да, Ваню что-то тревожило.

А народ продолжал веселиться, смеяться, петь. И я ощущал это веселье, как свое. Здесь, в горах далекой от моей родины Франции, страны, которую я еще совсем недавно и не представлял себе, мне вдруг все показалось близким, своим: ведь я теперь буду сражаться за эту землю, и кто знает, возможно, здесь и погибну.

Женщины расстелили на зеленой траве скатерти для обеда. За еду уселось около двух тысяч человек. Уже были опорожнены первые кувшины, как вдруг все почему-то смолкло. Пасшился на поляне лошади застыли, настороженно приподняв головы.

Опряметью пробежал связной — меня требовал к себе Берошвили. Я вскочил, но не успел сделать и шагу, как раздались выстрелы. Потом засвищали мины, загрозотали взрывы, затрещали автоматы. Мимо моей головы прожужжали пули. Посыпались сбитые с деревьев ветки и листья. Переполошенная, обьятая паникой толпа с дикими криками беспорядочно заметалась по поляне. Безоружные, потерявшие от страха голову люди бросались из стороны в сторону, не зная, куда бежать, толкаясь, сбивая друг друга с ног, а снаряды и мины сыпались на них. Наконец некоторые, очухавшись, стали разбегаться. Несколько наших ребят побежали за оружием. Я кинулся за ними. Мы ввалились напролом сквозь огневой вихрь, сквозь пулеметный и автоматный огонь. Не понять было, где засел противник.

Когда мы пересекли площадь, от нашей казармы и школы застрекотали пулеметы. Значит, мы еще удерживали центр кантона. Ворвавшись в казарму, мы похватывали винтовки и снова кинулись на улицу.

В центре кантона был создан прочный огневой заслон, однако немцы продолжали наступать.

Как выяснилось впоследствии, враг тщательно подготовился к операции, решив не только расправиться с нами и навести страх на местное население, но и полностью очистить от маки главную автостраду. Полковник Фельд собрал в карательный отряд отборные эсэсовские, пехотные, саперные, артиллерийские и танковые части близлежащих гарнизонов и прибег к ложным маневрам. Немецкие войска двинулись из Кармо на Альби — Родез-Тулузу, а в воскресенье, взяв уже курс на Жукевиль, у Бургуньяка отклонились с пути и пустили через свою агентуру слух, что идут на Дордонь. Это ввело наших

разведчиков в заблуждение. А когда руководители партизан узнали, что враг миновал Гайяк, они убедились, что опасаться нечего.

В воскресенье с утра немцы подошли к Жукевилю с двух сторон, шумно соединились на шоссе, установили орудия и минометы, поставили в укрытия броневики. Затем, рассредоточившись, незаметно приблизились к лагерю. Но с южной стороны, где нас прикрывал лес, у неприятеля остался разрыв между флангами. Дозорные Нико Саванели и Сергей Петрович заметили высунувшегося из кустов Герасима Игнатьича, позади него подползающих гитлеровцев и открыли по ним стрельбу. Тогда немцы обрушили на лагерь массированный огонь, стараясь связать свои фланги и прорваться в центр кантона. Почему Герасим Игнатьич оказался с немцами, было непонятно.

Услышав выстрелы дозорных, Ваню и Стасик мгновенно собрали оказавшихся поблизости макизаров и, прежде чем неприятель успел прорваться к центру, обстреляли гитлеровцев с верхних этажей домов.

Открыв огонь сразу с трех сторон, противник выдал себя. Берошвили сообразил, что мы взяты в клещи, и, чтобы не допустить соединения врага в кольцо, послал в разрыв немецких флангов пулеметчиков.

В штаб заскакивали все новые и новые растерянные макизары, и Берошвили вооружал их и рассылал по разным участкам. Мне он приказал взять отделение, собрать на поляне женщин, ребятишек и безоружных мужчин и вывести их в лес, в ущелье Виора.

Я кинулся со своим отделением к поляне. Немцы уже сумели продвинуться, и мы различали припавших к земле или притаившихся за деревьями солдат в зеленых мундирах, слышали лягз затворов и команды:

— Ауф, ауф!

— Марш, марш!

Но наши пулеметы били не смолкая, и гитлеровцы вновь припадали к земле.

Поляна, где только что пировали, была залита кровью, завалена трупами. Но люди, обезумев от страха, все еще находились здесь — одни, присев на корточки, прятались за кустами, другие перебегали то туда, то сюда, и каждого приходилось хватать и тащить за собой, собирать в группы и потом уже отводить безопасной дорогой к ущелью. А там они должны были спастись сами — бежать куда глаза глядят.

Выведа людей, мы присоединились к взводу Энвера и попытались остановить атакующих гитлеровцев. Но их было больше, и они продолжали наступать. Не выдержав натиска, мы отошли и рассеялись по дворам.

Энвер и я заскочили в какой-то двор, захлопнули тяжелые ворота, замкнули их на засов и, натаскав все, что подвернулось под руку, забаррикадировались.

Крестьянский особняк, в который мы попали, оказался настоящей крепостью: двухэтажный дом был обнесен высокой каменной стеной. Соорудив наспех небольшие укрытия, мы начали обстреливать поляну.

Деревенские особняки — мезонетки — стояли в ряд, все они были в наших руках, и враг неожиданно оказался перед хорошо укрепленной линией. Берошвили прислал нам в подмогу еще два взвода. Атака гитлеровцев захлебнулась. Теперь они стали прорываться к центру кантона, чтобы разрезать нас надвое.

В мэрии укрепился Стасик с отрядом из поляков, югославов и чехов. Вместе с ними были еще Маслов, Савва и Илья Меликов. Они умело оборонялись и даже предпринимали контратаки, отгоняя немцев назад. В школьном здании засели Артуро, Гурам Гамрекели, Асланбек, Фома и группа французов и испанцев. Гостиницу, где располагался штаб батальона, защищал сам Берошвили со взводом партизан. К ним пробилась потом Нико Саванели и Сергей Петрович.

Как мы узнали позже, Фельду было известно, что мы заперли пленных немцев в подвале какого-то из домов. К несчастью, мы-то в пылу боя об этом не вспомнили.

Битых два часа Фельд силился сломить нас, но встречал бешеное сопротивление и положил немало своих солдат.

Тем временем запертые в подвале немцы сумели как-то сообщить своим, где они находятся. Фельд перенес удар на гостиницу, освободил пленных. После этого на нас обрушился орудийный огонь и на площадь прорвались броневики...

От разрывов снарядов и мин в нашем особняке, хотя он и не стоял в центре кантона, с треском лопались оконные стекла, с потолков и стен сыпалась штукатурка. В деревне занялись пожары, дома затянуло дымом. И все-таки макизары не сдавали своих позиций.

36340
1170333

Когда батальон гитлеровцев окружил дымящиеся развалины школы, Гамрекели с остатками своего отряда врезался в самую гущу врага и стал косить его направо и налево из автоматов. Фашисты дрогнули, и раненый Руррам пробился к своим.

От гостиницы не осталось камня на камне. Что там с Ваню Берошвили? Я увидел издали, как он вынырнул из пелены дыма, перебежал к длинной каменной ограде и, установив на ней ручной пулемет, стал перехватывать бегущих бойцов. Он расставил их вдоль ограды.

Только из мэрии доносились еще редкие выстрелы — там был окружен отряд Стасика.

Немцы не стали задерживаться в центре, они разошлись и бежали, чтобы перерезать макизарам дорогу, не дать им укрыться в лесу. Они приблизились к развалинам скрытой за кустарником ограды, и тут на них обрушился шквальный огонь. Гитлеровцы валялись один за другим, устилая собой землю. Лишенные укрытия, они были в поле как на ладони и попали в ту ловушку, которую готовили нам.

Появились танки. Их было три.

— Эх, с этими уж нашим не справиться, — пробормотал Энвер. — Если б пушки...

Танки, стреляя, неслись вперед. Понизив скорость, они намеревались, видимо, свалить каменный забор и подавить партизан. Но тут навстречу им выскочили со связкой гранат Фома, Асланбек, Нико Саванели и еще кто-то.

Глухо загрелели взрывы. Танки запылали. С разных сторон до нас доносились восторженные вопли. Ага, значит, макизары укрепились во многих местах!

Фельду пришлось переменить тактику. Мы это почувствовали на себе. Немцы рецили, воспользовавшись прикрытием леса, ударить по нашим флангам и, пройдя тылами к выходу из ущелья, окружить нас. Осуществлению этого плана мешали мы — те, кто занял особняки. На мезонблони посыпались снаряды и мины. Наши «крепости» загорались. Броневой снаряды пробили брешь в стене, окружающая нашу усадьбу, искрошили надворные постройки, разбили ведущую в дом лестницу. Вокруг гудело пламя, все заволочло дымом и пылью. Дыхание спирало, воняло паленой шерстью и овечьей кожей. Мы с Энвером ринулись в разные стороны. Я отполз в глубь двора и зарылся в мусор, а Энвер вскарабкался по груде обломков на чердак и открыл по наступающим огонь из пулемета. Немцы разбежались, но, повинувшись окрикам своего командира, снова побежали к дому. Двор весь трянуло от мощного взрыва. На голову мне полетели обломки. Наступила тишина, и не успел я привстать, чтобы оглядеться, как развалины осветились — гитлеровцы прекратили лобовую атаку и обрушили на мезонблок зажигательные снаряды. Все запылало, нечем было дышать от едкого жара. Кто-то рухнул подле меня на землю — наверное, Энвер. Я скорее угадал, чем увидел, как чья-то тень выпрямилась в дыму. В горле нестерпимо першило, и я не мог окликнуть Энвера. Выбравшись из мусора, я как обезумевший помчался сквозь дым в сторону позиций Берошвили... Увидев его и других наших друзей, я чуть не провалился сквозь землю от стыда за то, что улепетывал, как заяц. Но мне только радостно улыбались — жив, Ладо?!

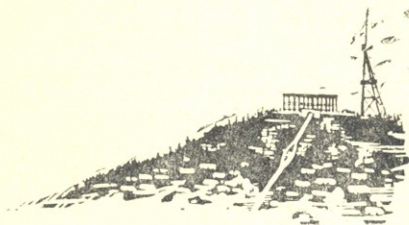
Наша позиция кажется мне надежной. Растянувшись почти на километр в открытом поле, каменная стена охватывает кантон дугой и упирается концами в лесистые склоны ущелья. Берошвили умело растянул за стеной свое передовое войско. На флангах стоит по пять пулеметов, а между ними через каждые тридцать шагов сидят стрелки. Распахнув на груди рубаху, весело поблескивая глазами, Берошвили перебегает с места на место, ободряя людей, указывая зоны обстрела, подбрасывая боеприпасы. И откуда только в нем такие способности командира!

Перевод Маргариты ГРЖЕНДЗИЦА

Окончание следует

ГОРОД ТЕПЛОГО СЕРДЦА— ТБИЛИСИ

КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ МОЕГО ГОРОДА

П о в е с т ь

Никто не знал, какими путями-дорогами добрался Вахтанг до фронта, каким образом попал в действующую армию, но через месяц после его побега на фронт мать получила письмо из пяти строк. Тон письма был бодрый и обнадеживающий. Он просил мать не падать духом, посылал приветы всем близким и соседям и просил сообщить адрес отца и Ираклия. Ему немедленно послали ответ.

Ираклий раньше Вахтанга подал о себе вести и потом попеременно писал то домой, то Тамаре. Вахтанг тоже вскорости написал Тамаре и потом, так же как и Ираклий, писал попеременно то матери, то Тамаре.

Тамара проявляла максимум внимания матерям своих друзей. Если письма с фронта запаздывали, обе матери в панике бежали к Тамаре и молча, безмолвно, одними глазами молили ее сказать правду: может, вместо письма уже пришла с фронта похоронка, может, их, матерей, пожалели там и страшную весть сообщили ей, Тамаре. Тамара понимала их взгляды и взглядом же отвечала, что их тревоги напрасны. Обе женщины сразу успокаивались, видя в глазах Тамары лишь любовь и сочувствие. Они понимали, что, если бы, не приведи бог, что-нибудь страшное случилось, эта девочка не была бы так спокойна.

Тбилиси послал на войну многих своих детей и тепло принял многих и многих беженцев, эвакуированных из других городов Советской страны. К ним все относились с огромным сочувствием, старались, как могли в то тяжелое голодное время, окружить их заботой. А Советская Армия в то время все еще оставляла города и населенные пункты.

В ту самую пору я поднялся с постели и второй раз в жизни начал учиться ходить. Какое было счастье, когда я впервые проковылял по нашей улице на костылях. Позднее я перешел на палку, с которой больше уже не расстался.

Поначалу мне приходилось очень трудно, я быстро уставал, у меня болели мышцы, и я телепался только по нашей улице. И все же горизонт мой расширился — ведь я двигался, а не был привязан к окну, к подоконнику, о который протер все рукава своих курток и рубашек.

Я рано познакомился со смертью. Мне было десять лет, когда скончался отец. Меня облачили в траур, и я с плачем и причитаниями шел за гробом. Теперь, когда я вышел на улицу, меня поразило количество женщин в трауре. Только они не рыдали и не причитали. Да они и не верили в глубине души в траурные извещения: они не теряли надежды, что тот, о чьей гибели им сообщили, все-таки жив всем смертям наперекор, что здесь какая-то ошибка — бог его знает, чего не бывает, ведь сколько людей на фронте, разве за каждым уследишь! Но были и такие, которые оплакали погибшего, ко-

Окончание. Начало в № 10.

торые уже не надеялись, не ждали. У этих слезы уже высохли — их больше не было.

— Здравствуй!

Приветствие было обращено ко мне. А я стоял на углу нашей улицы, опираясь о металлический поручень витрины гастрономического магазина, и куда-то перелился взглядом, не видя никого вокруг.

Передо мной стояла Тамара, по-прежнему красивая, но очень изменившаяся, загорелая, похудевшая, с усталым, осунувшимся лицом.

— Здравствуй, Тамрико! — радостно приветствовал ее я. — Где ты пропадала? Сколько времени я тебя не видел!

Тамара была тогда студенткой второго курса, и ее вместе с другими студентами послали на месяц в один из районов Кахетии — в помощь колхозникам. Месяц прошел, и Тамара по собственному желанию осталась на второй месяц. Как раз сегодня она вернулась. Все это она рассказала мне с веселой улыбкой, но по всему было видно, что там ей приходилось нелегко — горожанке на полевых работах, под жгучим кахетинским солнцем.

— Дзвай сегодня встретимся, поговорим о наших мальчишках, ладно? — сказала она.

Я с радостью согласился.

Тамара пришла через час. Я встретил ее у подъезда и пригласил в дом. Мама, стоявшая в окне, тоже пригласила ее войти, но Тамара отказалась.

— Лучше здесь, на ступеньке посидим, как они любили, — сказала она с грустной улыбкой.

И маме, и мне нечего было возразить.

Мы сели.

— Я не получила за все это время ни одного письма, — медленно проговорила Тамара и посмотрела на меня своими грустными задумчивыми глазами. — Я была у них дома, но и там та же картина. Обе матери давно уже не получали ни строчки. Обе в ужасном состоянии, плачут, потеряли надежду...

— Может, придумаем что-нибудь утешительное? Пусть неправда, только бы их приободрить, а дальше, кто знает, может, еще все и уладится, а?

— Ничего мы не придумаем, дорогой, — тяжело вздохнув, возразила Тамара. — Ложь здесь не пройдет. Они потребуют документы, свидетелей, просто так на слово не поверят. Единственное, что мне оставалось, это приободрить их, напомнив, какие отважные и мужественные их сыновья. Если вы будете так убиваться, вы не сможете достойно встретить их, когда настанет этот день, не сможете как следует отпраздновать с ними победу, — вот что сказала я им, но обе только горестно улыбнулись моим словам и с явным недоверием грустно покачали головами.

— Хотя бы поскорее увидеть их на нашей улице! — воскликнул я, и Тамрико вдруг встрепенулась, заулыбалась.

— Поскорее? Да пусть не очень скоро, но все равно это будет! Знаешь, как это будет? Вот мы узнали, что они приезжают. Война, конечно, кончилась. Мы готовимся к встрече. А чем мы их будем встречать? Подарками? Нет, я их встречу иначе! Я даже не улыбнусь, не поцелую, я строго скажу: «Ну, господа хорошие, вы нас ожиданием измучили, теперь извольте нас баловать да ублажать, что с того, что вы кавалеры стольких орденов!». Да, да, так и скажу... Ох, даже не знаю, что же я сделаю, что скажу!..

— Ты считаешь, что они вместе приедут? — спросил я, стремясь продлить беседу как можно дольше.

— Представим, что они вернулись каждый в отдельности, — подхватила Тамара. — В таком случае я скажу все каждому в отдельности!

Она преобразилась и похорошела еще больше, представляя возвращение ребят, и у меня вдруг возникло желание, смутившее меня самого, — обнять и поцеловать эту прекрасную девушку. Но вдруг она сама меня обняла за шею и поцеловала в щеку.

— Ах, только бы они вернулись! — порывисто воскликнула она.

А я замер от этого до сих пор неведомого, внезапного и мгновенного счастья. Это был первый поцелуй в моей жизни.

Тамара передала мне письма Ираклия и Ваханга, чтобы я прочел их и узнал об их фронтовой жизни.

Несколько дней я читал их — не потому, что писем было много, а потому, что я каждое перечитывал по несколько раз. Это были необыкновенные письма. Воспоминания, мечты, надежды, шутки — все, что было в них, было проникнуто единым чувством — непоколебимой верой в победу.

В одном из писем Ваханг просил Тамару: моя мама не любит выкидывать старые и сломанные вещи, а я их не выношу, поэтому ты должна к моему приезду заставить ее выкинуть всякий ненужный хлам. Разные там козровые дорожки времен адамовых, рухлядь, которую мама на шкафу держит, да еще

треножник с закопченным котлом для варки белья, что во дворе стоит, — все это к моему приезду уберите, — велел он Тамаре. — А впрочем, как знаете, когда я вернусь! И вы того знать не будете. Может статься, мама будет рать и убирать, готовясь к моему предполагаемому приезду, и во дворе будет кипеть в котле белье, и именно в тот момент я войду в калитку нашего двора... Так что пусть, пусть все остается как было. Главное, чтобы все вы встретили меня живыми и невредимыми.

Прошло много времени, а писем все не было.

Еще тогда, когда Вахтанг убежал на фронт, с его матерью произошло нечто странное. Окружающие заметили в ней перемену, но, занятые делами и заботами многотрудных военных будней, не осознали катастрофичности этой перемены. А произошло то, что бедная женщина постоянно находилась во власти какого-то странного веселья, ей постоянно хотелось смеяться, но силой воли и пока еще теплившегося разума она заставляла себя сдерживаться, хотя неуемный и беспричинный смех ее то и дело прорывался к удивлению окружающих.

И настал день, когда погас последний свет рассудка: это был день, когда пришло известие о гибели двоих самых любимых и дорогих для нее людей: мужа, который ушел из дома первым, по призыву, и сына, который убежал, не дождавшись, пока его призовут.

Отец и сын каким-то чудом встретились на передовой, во время форсирования какой-то реки. В тот самый момент, когда офицер и солдат — отец и сын, — неожиданно узнав друг друга, бросились в объятия друг другу, рядом разорвался снаряд. Обоих убило одновременно.

Несколько месяцев спустя после получения этого скорбного известия в нашем дворе всем стало ясно, что несчастная мать Вахтанга завершит дни свои в клинике для душевнобольных.

Кончилась война, и родители Ираклия, со дня на день ожидавшие счастливой минуты, когда сын войдет в калитку, дождались лишь горестной вести о его гибели.

Как и у Вахтанга, у Ираклия не было могилы: он сгорел в танке.

Война оставила свой след в жизни почти каждой семьи нашей улицы, но гибель этих двух ребят всей улицей переживалась особенно тяжело.

Родители Ираклия вскоре после получения похоронки навсегда расстались с нашей улицей — переехали в деревню. Невмоготу было им, сломленным горем, ходить по тем же местам, где бегал и играл их сын.

Отец Тамары благополучно вернулся с фронта. Зато погиб ее дядя, брат матери, который был предметом поклонения всех мальчишек нашей улицы. Он был моряк, ее дядя, капитан первого ранга, на поясе он носил кортик — удивительно, как этот кортик уцелел, не расплавился под нашими вожделеными взорами! И носил он, конечно, тельняшку — тоже предмет вожделения, ведь в ту пору полосатые матросские майки были в моде у ребят. Надо сказать, что Тамара не раз дарила Вахтангу и Ираклию старые дядюшкины тельняшки.

И у меня на войне погиб дядя, единственный близкий человек со стороны отца, младший его брат. Отец и дядя горячо любили друг друга, были очень дружны, поэтому и мы с мамой его любили и уважали безгранично. Жил он почему-то холостяком, несмотря на то, что наружность у него была весьма и весьма привлекательная и нрава он был спокойного, доброго. Помню его как сегодня — высокий, плечистый, с черными усами, с грустинкой в черных красивых глазах. Внешним обликом он как две капли воды походил на знаменитых тбилисских карахохели. Он умел красиво кутить, вести застолье, очень приятно пел. Ничего больше о жизни его я не знал, да так и не довелось узнать. Перед уходом на фронт дядя прикатил к нам прощаться в старинной тбилисской коляске, запряженной парой чалых коней. Привез маме и мне фрукты и сласти, увязанные в большой пестрый платок — багдади, который карахохели носили на поясе как обязательную деталь своего наряда. Привез он и бутылочку домашнего вина, которую сам и распил. Пил из своего крохотного рога. Помянул всех усопших нашей семьи, затем выпил за Родину, за маму и меня, а последний рог осушил в память всех погибших советских воинов на всех фронтах. Затем он укатил в той же коляске, уехал — и ушел тем путем, которым не многим суждено было вернуться назад.

И была скорбь на всей нашей улице.

Но настал день — великий день. День, когда небо над Кавказиони стало вновь голубым, когда заблестали радостно неприступные вершины Кавказских гор, когда солнце щедро одарило землю животворным теплом.

Природа и в военные годы вершила свой круговорот, но люди под бременем невиданной войны не замечали ничего, не думали ни о чем, кроме как о фронте, о карточках, о хлебной очереди. И пожалуй, непогода, морозящий се-

рый дождь больше соответствовал тогда настроению и всей жизни людей, чем яркое солнце и ясное небо.

Теперь же, несмотря на глубокие раны войны, людские сердца открылись весне, солнцу, красоте цветов. Улыбки впервые озарили лица женщин и мужчин. Улыбку увидел я и на лице Тамары. Она медленно шла по нашей улице рука об руку с Амираном. Это было в один из воскресных вечеров первого мирного лета. Амиран развлекал Тамару рассказом о чем-то очень веселом — оба поминутно смеялись. Но вдруг она увидела меня — я стоял перед нашим домом — и страшно растерялась.

На другой день Тамара подкараулила меня возле дома. Она долго пытливо смотрела мне в глаза, потом сказала:

— Мне хочется сидеть на ступеньках твоего подъезда, как бывало... только теперь уж вместе с Амираном. И мне ничто не мешает осуществить это желание, но я не смею... из-за них. Я не могу бывать без них в их любимых местах, там, где мы когда-то бывали втроем...

По ее щекам медленно потекли слезы.

— Господи, Тамаро, да разве ж ты виновата перед ними! — Я взял ее за руку, стремясь ее утешить. — Напротив, я думаю, что ты не должна изменять всем нашим излюбленным местам, именно в память о них...

— Вот и ты стал уже совсем взрослым, — сквозь слезы проговорила она. — Знаешь, мне тоже кажется так... как ты говоришь... и вместе с тем мне очень тяжело бывать в тех уголках, где мы втроем, такие беззаботные, такие счастливые и неразлучные, проводили целые дни, вечера... Иной раз мне кажется, что лучше уж совсем распрощаться с нашей улицей.

— Не покидай нашу улицу, Тамаро, родная! — с испугом воскликнул я. — Если и ты покинешь ее, что же будет! Подумай, ведь родные покойного всегда ходят на его могилу, хотя созерцание могилы любимого человека надъедает сердце. А наша улица ведь не кладбище! Наша улица хранит память о Вахтанге и Ираклии!..

— Эх!.. — она глубоко вздохнула и улыбнулась грустно. — Ты повзрослел, конечно, но этого ты все же не поймешь...

Она простилась со мной и ушла с поникшей головой. И только тогда я заметил на противоположной стороне улицы, чуть поодаль, ее супруга — Амирана. Да, Тамаро была теперь женой его, и она больше не жила на нашей улице — она жила на улице Гоголя, туда и пошли они вдвоем.

Кто сказал, что время идет быстро? Нет, оно бежит, оно мчится с непо-стижимой быстротой. Только в дни войны оно ползло черепахой и каждый год казался десятилетием.

Кончилась война, и время обрело свой постоянный стремительный бег. И каждый день приносил что-то новое и хорошее. Радостные события следова-ли одно за другим.

Отмена карточной системы.

Денежная реформа и ежегодные снижения цен на предметы потребления...

Проведение множества существенных мероприятий для поднятия благо-состояния народа...

И главное — благополучное возвращение домой сотен отвоевавшихся, неожиданное счастье возвращения пропавших без вести и тех, кого считали погибшими...

Появление таких людей, воскресение их из мертвых давало надежду близ-ким и родным тех, кому уж не вернуться было назад.

Отвоевавшаяся страна стала быстро залечивать раны. Восстанавливали разрушенное, строили новое. Теперь стало заметно, что и Тбилиси, тыловой город, здорово пострадал и требует обновления, и тбилисцы дружно взялись за дело. Город хорошел и рос день ото дня. Сами тбилисцы стали щеголять нарядной одеждой, вновь стали следить за модой. Ведь Тбилиси издавна сла-вится своей приверженностью моде. Правда, не все в городе сразу налади-лось — ведь такого вообще не бывает, — и если кто-нибудь начинал ворчать, что-де вот то-то и то-то в беспорядке, да того не хватает, ему справедливо го-ворили:

— Одним взмахом руки не вершат большие дела. Имейте терпение!

Или же:

— Заладили: хотим просторные светлые улицы! А ведь узкие и затенен-ные улицы тоже имеют свою прелесть!

Да, в Тбилиси есть много таких таинственных, утопающих в зелени уют-ных улиц, есть наряду с ними и множество новых широких и полных света улиц и проспектов. В строительстве все больше стали употреблять местные дорогие материалы — болнисский туф, эklarский камень, боржомский гранит, сванетский и кахетинский мрамор. А как бурно развернулось жилищное строи-

тельство! Огромное количество семей вселилось в новые благоустроенные квартиры. И с улицы Каргаретели многие перешли в новые благоустроенные кварталы... Тамара давно не живет на улице Гоголя — они с Амираном переехали куда-то в Сабуртало. Я ее и не встречал с тех пор, не знаю где она жила. Мне бы лишь хотелось узнать, что у них родились два мальчика и назвали их Вахтангом и Ираклием.

Вахтанг и Ираклий...

Нет, люди не забыли тех, кто ушел на войну, кто сражался и вернулся домой или не вернулся — все равно. Победителей встречали с почестями, вечной славой окружили имена павших, пропавших без вести — всех тех, кому не довелось вернуться. В память о них цветут сады, заложенные в их честь и носящие их имена, устанавливаются стеллы бессмертия, устраиваются вечера, посвященные им. Улицы, площади, библиотеки, школы называют их именами.

Именами Вахтанга и Ираклия ничего не названо. Они не совершили ничего героического, но они мужественно сражались. И я уверен, что все, кто знал их, все старые обитатели улицы Каргаретели носят в сердце память о них — о детях нашей улицы, чудесных юношах, еще и не видевших жизни, погибших, даже не успев совершить подвига.

Мы с мамой тоже не живем больше на улице Каргаретели. Вместо нашей тесной и темной норы нам предоставили уютную благоустроенную квартиру в новом многоэтажном доме. Правда, мы опять живем на первом этаже. Мы сами того захотели. Вместе с нами живет еще и Нази. Нази — моя бывшая одноклассница, тихая и отзывчивая девочка, которая больше всех заботилась о моей «заочной» учебе, когда я лежал со сломанной ногой. Помню, однажды, когда Нази по обыкновению сидела у моего изголовья и объясняла очередной урок, она вдруг замолчала, а потом застенчивым шепотом сообщила мне, что, оказывается, у меня очень красивые и белые пальцы. Я об этом сразу не думал, но ее наивный комплимент мне доставил огромное удовольствие, хотя я и понял, что близость и красота моих пальцев объясняется тем, что я лежу в постели, а не бегаю по улицам и не занимаюсь никаким трудом.

Да, так это было тогда... Прошло с тех пор много-много дней... много лет. Теперь у нас с Нази почти взрослая дочь, и зовут ее Тамара. Нази знает, почему мы назвали ее именно этим именем.

Мне нравится, что мы опять живем на первом этаже, потому что подъезд здесь опять находится близ моего окна, и я всегда могу слышать щебетанье сидящих на ступенях ребят. Их жизнерадостность наполняет мне душу радостью и вместе с тем — легкой печалью, навеявая воспоминания о далеких днях, вызывая перед мысленным взором моих образы людей, которых теперь я не встречаю более, да и как знать, встречу ли когда-нибудь. Я никак не могу забыть мой старый район, мою родную улицу Каргаретели со всеми ее обитателями. Нередко, возвращаясь домой после работы, я делаю крюк, чтобы пройтись по улице Каргаретели. Я прохожу по ней, приветствуя сердцем каждый камень, каждое окно, каждый подъезд и подворотню... И ненадолго, чтобы не бросалось в глаза прохожим, останавливаюсь перед моим старым домом. Да, человек никогда не забывает тех мест, где прошло его детство. Я, словно архитектор, навещаю мой старый дом. Почему как архитектор? — спросите вы. Вероятно, потому, что архитектор, построив дом, остается в тени — ведь автор книги или музыкального произведения всегда известен, с ним мы нередко встречаемся в жизни, его имя стоит на обложке книги или музыкальной пьесы, а имя архитектора, по проекту которого возведен тот или иной дом, обычно остается неведомым даже для того, кто живет в этом доме. И вот он приходит потом к этому зданию, в которое он вдохнул когда-то душу, и незаметно любит его им. Так мне думается...

Улица Каргаретели сохранила свой прежний облик почти без всяких изменений. Только я не вижу многих моих старых знакомых — ее жителей. Но я не спрашиваю о них у тех, с кем я встречаюсь. Не спрашиваю, потому что не хочу узнать, что их, быть может, нет больше на земле. Пусть для меня они существуют.

Я бреду, прихрамывая и опираясь на палку. Я не сажусь ни в трамвай, ни в троллейбус, ни в автобус. Общественный транспорт не курсирует по нашей старой улице. Да и если бы курсировал, я все-таки ходил бы по ней пешком, потому что, где не ступали мои ноги, там я словно бы и не был.

С улицы Каргаретели я направляюсь по проспекту Плеханова к Челюскинскому мосту, попадаю оттуда на площадь Героев, минуя одиннадцатиэтажный дом, перехожу через площадь и сворачиваю возле зоопарка на чудесную улицу Варазисхеви. Гм, одиннадцатиэтажный дом!.. Сейчас в Тбилиси множество высотных зданий, но этот дом, который некогда был единственным столь монументальным и многоэтажным зданием, тбилисцы с прежним уважением именуют только так: «одиннадцатиэтажный дом». Итак, Варазисхеви,

новая просторная улица в зеленых берегах, которая связала кратчайшим образом два больших района города: Сабуртало и Ваке. Я поднимаюсь по ней и выхожу на проспект Ильи Чавчавадзе. Отсюда уже недалеко до моего дома. Да, немалое расстояние преодолела я с моей хромой ногой. Оправдалось предсказание старого многоопытного и внимательного врача, который лечил когда-то меня. «Не знаю, как твоя здоровая нога, а эту я так склею, что она тебе никогда не изменит», — сказал он мне. Мама, бедная, думала, что она меня просто утешает, но врач знал свое дело. На всю жизнь я остался благодарен ему и волшебной мази Турманидзе, которой он меня врачевал.

Я иду и думаю: ведь в мире нет больше Вахтаंगा и Ираклия, так страстно любивших Тбилиси, я хожу по тбилисским улицам и за них. Тбилиси изменился с тех пор, вырос, раздвинул, насколько возможно, сжимающие его горы. Ах, если бы Вахтанг и Ираклий увидели обновленный Тбилиси, увидели бы, сколько чудесных улиц, площадей, сколько кварталов выросло в нашем городе! Какое славанное поколение пришло на смену нам! Пусть оно никогда не узнает горечи, которую довелось узнать нам!

Тбилизцы нашего нового дома очень быстро перезнакомились и подружились друг с другом. У женщин, как водится, свои дела — хозяйство, моды да бог весть что еще, откуда мне знать! У мужчин, известно, футбол, шахматы, политические новости (ведь как ни говори и что ни говори, а тбилисское «Динамо» хоть раз да было чемпионом! А Нона Гаприндашвили, «шахматная королева»?). Так что им есть о чем поговорить, что обсудить и о чем поспорить в вечерние часы. И они собираются в просторной дворовой беседке, читают вслух газеты, играют в шахматы, в нарды, смех и говор не затихают до ночи в нашем дворе. А то и в футбол играют, тряхнув старинной, и представьте, многие еще очень даже неплохо играют, а ребята, поначалу недоверчиво и чуть насмешливо относившиеся к забавам старших, теперь глядят с уважением, потому что им, оказывается, есть чему поучиться у них. Часто на поле выходят смешанные команды — из «старичков» и ребят. Надо быть справедливым — «старички» не всегда выдерживают весь тайм, да разве в этом дело! Они и подтрунивают над собой, над слабосильем своим. Что ж, мужчины, перешагнувшие за сорок, научаются подтрунивать над собой. А переступившие за пятьдесят любят порой и беседовать сами с собой.

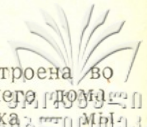
За беседой и игрой в шахматы или нарды в дворовой беседке очень часто следует ужин вскладчину — каждый приносит из дому что может, кто чем богат. Вообще такие трапезы вскладчину в наших тбилисских домах — старейшая традиция, которую и я, конечно, разделяю и твердо ее придерживаюсь. Потому я, если ничего не мешает, всегда являюсь членом наших всесоседских сидений и трапез.

Есть у меня сосед — привлекательной наружности молодой человек по имени Шота. У него широкая натура и доброе сердце. Он воспитывает своих трех сыновей, стремясь, чтобы они выросли честными, отзывчивыми и мужественными людьми. Застенчивая, тихая, удивительно трудолюбивая, милая и симпатичная жена все в глаза ему заглядывает, она крепко любит его, как, впрочем, и он ее, и твердо убеждена, что лучше ее Шота в целом свете нет.

Шота с семьей живет со мной дверь в дверь. А родители его и младшая незамужняя сестра — на четвертом этаже соседнего дома. Они любят собираться к обеду всей семьей да еще гостей зовут. Отец Шота любит гостей, как издревле это присуще каждому тбилисцу. «Без гостя и еда не в радость, и шутка не шутивая», — говорит он. Любо смотреть, когда этот огромный роста, все еще статный пожилой мужчина, с седыми вьющимися волосами, с большими седыми же усами и румяным смеющимся лицом сидит во главе стола. Как обычно бывает, судьба определила в супруги такому богатую женщину хрупкого сложения и невысокого роста. Несмотря на возраст, в волосах у нее всего несколько седенок и лицо молодое, почти без морщин. Она явно гордится своим мужем и преисполнена почтения к нему. Вероятно, невестка восприняла и от свекрови такое отношение к ее мужу.

В этой семье любят песню. Когда у них бывают гости, там устраиваются настоящие концерты. Отец Шота обладает не только приятным голосом, но замечательным слухом и редкой музыкальностью. Кроме того, он знает великое множество грузинских песен — народных, городских старинных песен и современных и исполняет их с подлинным мастерством. Сын вторит отцу и подбавляет огонька. Они чудесно поют «Черную ласточку», «Семеро гурджаанцев», «Хасанбелуру», «Одойю», бесчисленные походные песни и различные «Мравалжамизр», словом, всего не перечислишь, да и ни к чему.

Шота намного моложе меня. Это очень энергичный, живой, я бы сказал, кипучего нрава молодой человек, он легко и быстро умеет сблизиться с людьми, пленяет всех своей искренностью и красноречием, и с ним каждый раз не хочется расставаться. Все дела во дворе решаются только при его

участии, он первый заводила у нас. По его инициативе и была устроена во дворе беседка, в сущности он и собрал, сдружил всех соседей нашей улицы. Наши с ним окна разделяет подъезд. Однако подъезд нам не помеха, Шота великолепно переговариваемся, выглядывая каждый из своего окна. А глядеть в окно мы оба с ним любим. И если на ступеньках подъезда сидят ребятишки и тараторят о своих делах, нам это нисколько не мешает.

Обыкновенно трудно бывает решиться сказать, что кто-то тебя любит. Гораздо легче признаться, что ты кого-то любишь, — потому, должно быть, что каждому ведомо лишь то, что делается в его собственном сердце. И тем не менее, я решаюсь сказать, что Шота меня любит. Если мы почему-либо не переговариваемся из окна в окно, Шота является ко мне домой. И тут-то начинается!.. Я ему рассказываю — в который уже раз! — о нашей улице, о Вахтанге и Ираклии, о Тамаре, об их дружбе. И он с интересом и вниманием слушает меня. Я бесконечно благодарен ему за это и радуюсь про себя тому, что сумел посеять в сердце другого человека любовь к дорогим мне людям.

Для подобных случаев у мамы всегда наготове настойка из мяты или тархуна¹ — в таких делах она великая мастерица, моя мама, — а мы с Шота до всяких легких и сладких напитков великие охотники. Кстати, его мать мастерица печь пироги, от которых мы с ним никогда не отказываемся. Шота очень дружен с матерью. Обычно в праздник Шота, нарядившись, выходит из дому и отправляется к своим друзьям — а друзей у него немало, друзей и приятелей и того больше. Мать критически оглядывает его из окна и, довольная его видом, говорит: «Поди, поди, сынок, поздравь всех близких, да не забудь цветочков поднести». На что Шота смеется и отвечает так: «Что ты, мама, помилуй! Да ежели я всем моим близким и знакомым по цветочку поднесу, всех цветов Тбилиси не хватит!». Это верно, на всех своих знакомых Шота ни в жизнь не напасется цветов. Но относится он к каждому со всей искренностью, все дела их не только принимает близко к сердцу — он непременно участвует в них, помогает, как и чем может. Дома он всегда о них рассказывает, называя по имени, но домашние далеко не всех знают, тем не менее не остаются безучастными к тому, что случилось с Матэ или куда едет Нико и т. п.

У Шота и среди женщин много друзей. И если он кого и балует цветами, так это женщины, хотя тоже не всех — их тоже много. А прийти домой с букетом цветов он вовсе не считает для себя зазорным, как некоторые наши мужчины, кичащиеся своим мужеством. Да, Шота нередко возвращается домой с красивым букетом цветов, который подносит своей застенчивой супруге, радуя тем ее безмерно.

За все, что делается в городе, у Шота болит сердце, все его интересует и волнует. Новое строительство — Шота обязательно должен найти время и пойти поглядеть, что это там строят и как. Случилось что, какое-нибудь происшествие особое — Шота должен обязательно узнать, как и что, а то и вмешаться. Уж сколько раз приходилось ему выступать свидетелем по какому-либо делу, другой побоялся бы хлопот, ведь, чего доброго, можно ни за что ни про что влипнуть в какую-нибудь историю, пока не докажешь, что ты-то ни при чем. Но Шота это не останавливает, ему главное — чтобы справедливость восторжествовала, и где только можно, он восстает против всяких недостатков и непорядков, которые свойственны тбилисской жизни, так же как и жизни любого большого города.

Многие воспели Тбилиси в камне, многие — в стихах, многие — в музыке. Сколько прекрасных песен создано о Тбилиси! Но не всем выпало на долю подобным образом выразить горячую любовь к родному городу. Быть может, делали они малое для Тбилиси, в меру сил и возможностей своих, но все, что делали, было от души, от всего сердца.

Тбилиси — город, выстоявший во множестве испытаний. Нам известно это от историков и летописцев. Представьте, каким мужеством и силой духа надобно было обладать народу, чтобы выстоять и отстоять свой город, свою страну. Сколько раз враги разрушали Тбилиси, какими опустошительными были их вторжения! Кто только не перебивал у ворот Тбилиси, на его древней цветущей земле! И всякий раз после очередного нашествия, пожара, разрушения город возрождался из пепла, вставал из руин.

Современные тбилисцы знают, помнят и почитают героическое прошлое родного города и считают себя в неоплатном долгу перед предками. И каждый истый тбилисец считает своей первейшей обязанностью вносить посильную лепту в строительство сегодняшнего и завтрашнего Тбилиси. Многовековые традиции тбилисцев — взаимопомощь, дружба, сердечность, нетерпимость ко всякому злу и неправде — живы по сей день, не только живы, они обогащаются и развиваются. Наши предки создавали не только архитектурный облик города,

¹ Тархун — трава, употребляемая в пищу.

не только материнскую его культуру — они создавали богатство духа, душевные непреходящие ценности. В Тбилиси живут жизнерадостные, сердечные, радушные люди, потому Тбилиси — город теплый, город теплого сердца. Здесь живут люди трудолюбивые, приветливые, мужественные, потомки тех, кто испокон века жил в его стенах, и те, кто недавно приехал из других городов, сел, деревень Грузии. Все они подобно маленьким ручейкам стекаются с горных склонов и долины в единое море большого города.

Я хожу по родным тбилисским улицам, встречаю множество знакомых, мы приветствуем друг друга. И в глазах незнакомых мне людей я вижу тепло, и сожалею, что не знаю их. Правда, что греха таить, не все встречи радуют меня в равной мере — ведь невозможно всех равно любить и ко всем одинаково хорошо относиться! И однако — видеть их всех мне приятно.

Я никого не стараюсь запомнить специально, однако те, кто мне часто встречается, невольно запоминаются. Говорят, известный английский художник Хоггарт зарисовывал многих встречавшихся ему на улице людей, чтобы запомнить их. Причем, самое любопытное, что, если у него не бывало при себе бумаги, он рисовал их на ногтях! Мы не станем спорить, насколько это возможно и верно. Ясно одно: каждый художник — одописец городской жизни. Так, Пиромсани с увлечением рисовал сцены из жизни современного ему Тбилиси на клеенке. Однако, к сожалению, грузинские художники былых времен не создали полотна, отображавших облик города Тбилиси.

Трудно увидеть город целиком, конечно. Но у Тбилиси есть одно преимущество: можно подняться на вершину Мтацминды, и оттуда вам откроется почти весь город. Можно подняться на какую-нибудь другую окрестную гору, и оттуда откроется иной вид. Ведь каждая гора имеет свой характер, у каждой горы — свой угол зрения.

Пиромсани, вероятно, с особой любовью рисовал бы современных тбилисцев. Разве не привлекла бы его внимания, скажем, та пожилая почтенная женщина с маленьким мальчиком, опрятно одетым и причесанным? Я видел их в каждый праздник, когда они неторопливо шли к телефонной будке и пожилая женщина, бабушка мальчика, звонила своим знакомым и от всего сердца поздравляла их с праздником, желая всех благ. Потом она передавала трубку звонку, который приподнимался на цыпочки, чтобы дотянуться до микрофона, и тоже поздравлял кого-то на другом конце провода. После того оба, очень довольные, возвращались домой.

Я знал их — и не знал в то же время. Знал лишь как моих соседей по улице. А кто они были — не знал, да и по сей день не знаю. Шли годы, постепенно пожилая женщина превращалась в старуху, а мальчику больше не надо было подниматься на цыпочки, чтобы дотянуться до телефонной трубки. Но потом я перестал их встречать. Может, в их дом провели телефон и им не нужно было больше ходить к автомату, чтобы позвонить и поздравить своих знакомых. Хотя бы это было так! Но вдруг годы одолели старушку, а мальчик, оставшись один, не может звонить тем, кого поздравлял всегда вместе с бабушкой, и не ходит больше к тому телефону...

Есть у нас одна пословица, хорошая, верная пословица: человек человеку жив, дерево — корнями. Тбилисцы ее никогда не забывают. Потому ходила звонить по телефону-автомату старая женщина с внуком — не имея ничего, кроме доброго слова, желала добра своим близким в праздничный день. Потому так внимателен каждый тбилисец к гостю своего города, пусть совершенно незнакомому и постороннему для него человеку, который, скажем, ищет какую-то улицу. Потому так доброжелателен тбилисец к каждому, кто обращается к нему. И никогда он не попрекнет своим добром, более того — постарается не дать вам почувствовать, что хоть чуточку потрудились ради вас.

Тбилиси — предмет моей безграничной любви. Но у меня, как и у каждого моего согражданина, есть любимая улица, любимый район... Мне невольно вспомнился сейчас один из преданных сынов Тбилиси — Нико Бадриашвили, который на протяжении многих лет кропотливо и тщательно собирал экспонаты для замечательного учреждения — Этнографического музея города Тбилиси, который ныне помещается в одном из пленительнейших уголков города — на Комсомольской аллее, возле древней крепости Нарикала.

Все, что происходит в стране, в первую очередь касается ее столицы. Все, что происходило в Грузии, — хорошее и плохое — все концентрировалось в Тбилиси. Как в своеобразной копилке собирались здесь все события жизни Грузии, и Тбилиси сшивал их в огромную книгу. В копилке должно хранить лишь сокровища, ценности, и из копилки уже нельзя ничего изымать. И из книги нельзя вырывать листов.

Это — мысли, навеянные мне летней ночью. Поздний час. В доме уже давно все спят. Дремота подкрадывается и ко мне. Но я борюсь с ней — сон

сладостен, это верно, но ведь как прекрасна августовская ночь! Кто не был пленен ею, тбилисской августовской ночью!

Правда, для меня любая погода в Тбилиси хороша. Единственное исключение — любовь ветра, но мирюсь и с мартовским ветром в Тбилиси, и с декабрьским. Когда он развевает полусодранные со стендов афиши и громко хлопает ими, словно это оставленное для просушки белье.

А август — блаженная пора!

И я наслаждаюсь тихой чарующей ночью августа.

Весь сегодняшний день я и Шота посвятили скитаниям по тбилисским улицам. А вечером устроились каждый у своего окна и говорили, говорили — без умолку. О чем только мы не говорили! Уже совсем было поздно, когда старший сын Шота, наконец, оторвал его от окна и уговорил идти спать. А Шота не может отказать сыну. Его старшего в честь дэда зовут Отией. Он очень разумный и наблюдательный мальчик.

И вот я один гляжу из окна на улицу. Где-то вдали слышится пение загулявшей молодежи. Огни домов на дальних склонах так схожи со звездами, что и не различишь, где звезды мерцают, а где мигают огоньки. Один мой приятель, помню, сказал, созерцая ночной Тбилиси с вершины Мтацминды: «Это перевернутое звездное небо». Не знаю, насколько хорошо его сравнение, но мне оно часто приходится на память, когда я гляжу на ночной город. Ведь, несмотря на то, что я живу на первом этаже, я смотрю на город с большой высоты, потому что дом наш стоит на возвышении. Я удобно устроился на подоконнике, опираясь на подушку, курю и гляжу на мой любимый Тбилиси.

У меня есть один знакомый, начальник одного крупного производственного цеха на фабрике. На одном из совещаний директор довольно резко сделал ему замечание: «Что это вы, дорогой друг, то и дело говорите: «мой цех» да «мой цех»! Кто вам его подарил, этот цех?». Тот на него несколько не обиделся, а очень спокойно объяснил: «Если я могу сказать и каждый из нас — «моя улица», «мой город», «моя родина» и это звучит совершенно естественно, не вызывает никакого удивления и возмущения, почему же я не могу сказать того же о цехе, в котором работаю, которым руковожу, о котором радею и забочусь и который люблю как собственную семью?». Так вот, подобно этому моему знакомому, и я осмеливаюсь назвать город Тбилиси «моим Тбилиси». И сколько еще людей называют его именно так!

Где-то в конце нашей улицы звонкие мальчишеские голоса пели о своем Тбилиси.

Да, о своем родном городе можно сказать очень много, и я говорил много. Простите, если наскучил своими разговорами. Но, хотя я и много говорил, мне кажется, я не выразил всей своей любви к Тбилиси. Потому что — я его сын и из скромности сыновней я не сумел сказать всего, что хотелось. Где бы я ни был, я стремлюсь в мой родной Тбилиси. Мне не хочется расставаться с ним ни на минуту. И потому, когда я уезжаю, больше всего мечтаю о возвращении, ибо это самые радостные для меня минуты.

Пусть живет и здравствует Тбилиси, город древний и прекрасный, город радушный и трудолюбивый! Пусть растет и хорошеет Тбилиси — город теплого сердца!

Извинение автора:

Известно, что, когда произведение закончено, автор долго не может расстаться с ним, перечитывает и правит, шлифует и отделяет его. Но это хорошо в литературе. Говорят, что в живописи такая работа над законченной картиной может принести один лишь вред. Писатель, когда он переписывает набело свое уже законченное произведение, обычно совершенствует его. Но наконец наступает момент, когда становится ясно, что уже все кончено: никакая работа над произведением больше не нужна, оно закончено вполне. Однако, если предмет изображения — часть твоей родины, ее главный город, твой родной город, тебя никогда не покинет чувство какой-то несовершенности, незавершенности. Я не мало поработал над этим своим рассказом о Тбилиси, не раз переписал его и понял одно: никогда я не кончу писать о моем родном городе и не сочту свою работу завершенной.

Потому прошу вас, читатель, не считайте и вы законченным этот мой рассказ.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Очерк

Валерий КАДЖАЯ

НИЯ- ГРУЗИНСКАЯ

1. ЛЕНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Сибирь — страна контрастов, это отмечали все ее исследователи. В этом они были на редкость единодушны. Колоссальные плоские, как стол, равнины на западе и горные массивы на востоке. Огромные, ни с чем не сравнимые пространства — и полное безлюдье. Богатства недр: нефть, газ, железо, медь, уголь, золото — все в неисчислимых запасах, и практически их полная недоступность. И над всем — царство тайги. Сибирь покрыта ею словно панцирем. Тайга — это джунгли Севера. Сквозь нее человеку невозможно пробиться. Поэтому с древних времен Сибирь осваивалась по рекам — этим естественным дорогам. Одна из них — Лена, могучая сибирская красавица, берущая начало в маленьком озере на западном склоне Байкальского хребта. Сибирь долго и ревниво хранила Лену от европейцев. Лишь в 1620 году казак Пантелей Пенда с ватагой товарищей спустился вниз по Енисею, затем по его притоку — Нижней Тунгуске поднялся наверх, по волоку перешел на Лену, добрался затем до Ангары и по ней возвратился в Енисейск, который в то время был самым восточным форпостом России. Путешествие заняло три года, но не надо забывать, что идти приходилось на веслах, а течение у сибирских рек стремительное, плыли в неведомое, потому что никто не знал, что ждет впереди. Перед отважными первопроходцами поистине лежала «terra incognita» — страна неведомая, полная загадок и грозных опасностей. Подвиг этих людей заслуживает величайшего восхищения.

По следам Пенды устремились казачьи отряды. Во главе одного из них был легендарный Ерофей Хабаров. В 1639 году на правом берегу притока Лены — реке Кута он заложил селение Усть-Кут, которому суждено было стать спустя триста лет плацдармом великого наступления человека на тайгу.

Усть-Кут называли всегда воротами Севера. Действительно, со дня основания он служил главной перевалочной базой для всех грузов, идущих в Якутию. Лена служила единственной артерией, питавшей огромный край. Но вот в последнем десятилетии XIX века началась прокладка крупнейшей в мире Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1897 году она подошла к Байкалу и обогнула его с юга. Однако за несколько лет до этого шли горькие споры, и много сторонников имел другой вариант — северный. В 1889 году две экспедиции провели даже изыскания в северном направлении. Сложность грунтов — сплошная вечная мерзлота, горные хребты и полнейшая безлюдность сделали тогда этот вариант неосуществимым. Но мысль о нем не умирала. В 1932 году из Усть-Кута на восток снова ушли изыскательские партии. Пять лет изучалась трасса БАМа. Мне пришлось познакомиться с одним из ветеранов магистрали Александром Побожым. Сейчас он возглавляет экспедицию в Тынде, а тогда, в тридцатых годах, работал изыскателем на Западном уча-

стке «Это был самый трудный отрезок, — вспоминает он. — Никаких карт, ни единого стойбища эвенков — шли вслепую, без проводников». В августе 1937 года Совнарком утвердил решение о строительстве Байкало-Амурской магистрали. Война не дала осуществить грандиозный замысел. Но уже через два года после победы, в 1947 году, изыскательские работы на Западном участке возобновились. Теперь речь шла не о всей магистрали, а об участке Тайшет — Лена. Здесь предполагалось построить Братскую ГЭС, железорудный богатительный комбинат, и, что не менее важно, жизнь требовала, наконец, связать Лену железной дорогой со страной. В 1958 году рельсы подошли к Усть-Кугу. На железнодорожной карте появилась новая станция — Лена. Это было время интенсивного освоения алмазных копей, открытых в Якутии. Грузы шли нескончаемым потоком в Усть-Кут, здесь их переключали из железнодорожных вагонов в баржи и отправляли вниз по течению. Почему именно Усть-Кут стал «воротами Севера»? Объясняется это просто — отсюда Лена становится судоходной.

В шестидесяти километрах от Усть-Кута в небольшой приток Лены — Таюру впадает горная речка с красивым названием Ния. Ния — эвенкийское слово, но что оно означает, мне так и не удалось выяснить. Эвенков в этих местах уже не осталось. Большой знаток восточносибирской топонимики профессор Иркутского университета М. Мильхеев, автор пока единственного словаря названий здешних мест, пообещал обязательно узнать, что означает слово Ния.

Но вернемся к истории. Пятидесятые и шестидесятые годы стали для Сибири временем небывалого развития. В Тюменской области создалась крупнейшая в стране топливная база, на Енисее и Ангаре — база энергетическая. Одна за другой были построены крупнейшие в мире Братская, Красноярская, Усть-Илимская и строится Саяно-Шушенская ГЭС. На их основе выросли мощные территориально-промышленные комплексы. Так планомерно осуществлялись программы освоения Сибири, пока очередь не дошла и до Байкало-Амурской магистрали.

В 1967 году на Западном участке вновь возобновились изыскательские работы, а седьмого января 1974 года в Усть-Кут прибыли первые двадцать четыре «разведчика» «Ангарстроя». Этому прославленному тресту поручалась задача исторической важности — начать прокладку БАМа. В составе первого отряда насчитывалось четыре бульдозера, сварочный аппарат, водопрепный бачок и вагончик-общезитие. Восьмого января в лютый мороз отряд по льду перешел Лену и приступил к выбору трассы зимника к Звездному.

Зимник — род дороги, используемый только на Севере. Он прокладывается через болота, намертво скованные морозом, без всяких мостов, потому что малые реки промерзают в Сибири до дна, без всяких земляных сооружений, потому что земля и так становится тверже бетона, а укатанный снег — глаже асфальта. Однако весной зимник из надежного пути превращается в зыбкую кашу, по которой не пройдет ни один вездеход, а ледяные мосты становятся бурными потоками.

Звездный находится у самого слияния Нии и Таюры. Он стал первым поселком на Западном участке БАМа: несколько вагончиков, притащенных на санях по зимнику. Но вот в апреле сюда прибыл первый отряд добровольцев — имени XVII съезда ВЛКСМ, и в Звездном наступили «горячие» дни. Среди первопроходцев был и грузинский отряд. Сначала его возглавлял Зураб Калличава, а затем Валерий Рухая. Наши земляки хорошо показали себя. Бригада Рухая стала одной из лучших в Звездном. Первое лето прошло в напряженной работе. От Звездного до перевала Даван, что уже у самого Байкала, прорубалась просека. Строили жильё, устраивались. К зиме просека была готова, и, едва ударили морозы, приступили к прокладке зимника.

По всей трассе БАМа — от Звездного до Комсомольска-на-Амуре — вырастет более двухсот станций. По решению ЦК партии каждую станцию будет строить какая-нибудь республика или область. На Западном участке станции расположатся в таком порядке: Лена (Усть-Кут) — Звездный — Ния — Магистральный — Улькан — Кунерма — Нижнеангарск. Нижнеангарск находится уже на берегу Байкала. Под Даваном пройдет тоннель длиной в семь километров, первый на трассе. Его строят харьковские метростроевцы. Станцию Лена будут сооружать Краснодарский и Ставропольский края, Звездный — Армения, Нию — Грузия, Магистральный — Ростов, Улькан — Азербайджан, Кунерму — Дагестан и Северная Осетия, Нижнеангарск — Ленинград. «Уже сегодня БАМ стал поистине всенародной стройкой. Вновь подтверждается добрая традиция советских людей — традиция Турксиба и Магнитки, Днепротреста и Комсомольска-на-Амуре — сообща браться за большое дело», —

сказал Л. И. Брежнев, выступая в Москве перед избирателями Бауманского округа.

Зимой нынешнего года в Усть-Куте побывали представители Грузии — проектировщики и работники Министерства строительства. Зимник до перевала Давац напролом прифронтовые дороги времен войны. Каждый полтора — два часа от Усть-Кута отходили колонны машин с грузами. Их было необходимо перебросить, пока не растает дорога, обеспечить фронт работ на лето. Летом единственная связь осуществляется вертолетами. Но большие грузы вертолеты перевозить не могут, потому так напряженно работал зимник. Шоферы проявляли настоящие чудеса. По восемнадцать часов в сутки за рулем — триста километров трассы. Отар Джалишвили рассказывал, что в рейс он брал паяльную лампу и двухдневный запас пищи, потому что нередко бывало, что начинался буран и останавливал намертво все движение. Особенно сложный участок трассы там, где зимник перерезает Нию и берет подъем на хребет. Когда подъем покрывался льдом, у подхода скапливалось несколько сотен машин. Вперед тогда пускали мощные тягачи, дружно, помогая друг другу, вырывались из ледового плена.

В то время, когда проектировщики выбирали на высоком берегу Нии площадку для будущего поселка, в Тбилиси формировался грузинский отряд. Отбор шел жесткий. Из восьмисот, изъявивших желание ехать на БАМ, было отобрано семьдесят. В последних числах марта от тбилисского перрона отошел эшелон добровольцев. Утром второго апреля он прибыл в Усть-Кут.

2. БРОСОК НА ТАЮРУ

«Заместителю министра строительства СССР тов. Кикнадзе М. П. Личный состав поезда и эшелон с грузом прибыли на станцию Лена. Самочувствие хорошее, приступаем к разгрузке эшелона.

ДВАЛИШВИЛИ».

Весна нынешнего года выдалась в Прибайкалье ранняя. Второго апреля утром температура была нулевая, шел мокрый снег и под ногами хлюпала жижка. Состав встречал Нугзар Мгеладзе — заместитель Анзора Двалишвили, начальника строительного поезда. Двалишвили послал его самолетом вперед, чтобы к прибытию эшелона с грузами подготовить площадку и подъемный кран. Однако Мгеладзе сообщил весьма неутешительные новости. На станции скопились шестьдесят эшелонов и все со срочными грузами. Лед на Лене стал ненадежным, прогибается, и через два дня переправу закрывают. Положение почти безвыходное. Если не удастся переправить на правый берег грузы, год пропал. Ровно год, потому что до декабря, пока Лену снова не скует лед, переправиться будет невозможно.

В Усть-Куте творилось нечто невообразимое. Все улицы были забиты автомашинами, которые нескончаемым потоком тянулись к Лене и затем скрывались в тайге на правом берегу. Начальник штаба БАМа Блохин не спал третьи сутки, и глаза у него были красные и воспаленные. От постоянных звонков телефоны готовы расплавиться. Блохин слушал объяснения Двалишвили, который требовал подъемный кран, и усталым голосом повторял: «Ничем не могу помочь. Сами видите, что происходит».

Двалишвили видел, но это ничего не значило. Через два дня закроется ледовая переправа, и потом никакими объяснениями делу не поможешь. Помимо Двалишвили в кабинете находилось еще с десятков людей, и все требовали, требовали. Улучив минутку, Нугзар подошел к Двалишвили и тихо сказал: «Приехал Бондарев».

Бондарев — управляющий «Ангарстроём» прилетел из Братска, где располагается управление, чтобы лично разобраться в обстановке. Двалишвили сумел перехватить его до начала совещания, и Бондарев пообещал помочь и даже приказал Блохину выделить один кран грузинам. «Мы обязаны помочь им в первую очередь, потому что это первый шефский отряд». Блохин, умудренный жизнью и отлично усвоивший простую истину, что с начальством не спорят, сказал только: «Хорошо» — и даже сделал пометку в блокноте, но по тону его голоса Двалишвили понял, что приказ управляющего останется невыполненным. И вовсе не потому, что Блохин имел что-то против грузинского отряда, а потому, что все краны находились под разгрузкой и, чтобы найти новый, надо было быть не начальником штаба, не управляющим трестом, а по меньшей мере Иисусом Христом. Опасения Двалишвили блестяще подтвердились.

На следующий день Бондарев уехал, а обещанный кран так и остался обещанным.

Быстро сгущались сумерки. Стало примораживать. Оставалась одна ночь. Необходимо было срочно принимать решение. Двалишвили собрал в своем купе Мгеладзе, главного инженера Александра Улуханова и главного механика Реваза Кикабидзе.

«Крана нет и, теперь уже ясно, не будет. Если сегодня ночью не переправимся через Лену, застрянем в Усть-Куте. Это тоже ясно. Влохину потом обявят выговор за то, что не обеспечил нас краном, но для нас этот выговор — что для мертвого компресса. Реваз, генацвале, думай, что можно сделать».

Кикабидзе, бледный от мучительной боли, которую он с трудом превозмогал, что-то чертил на листке бумаги. Его терзал приступ почек. Он начался еще в Омске и сейчас достиг своего апогея. Все уговоры вернуться в Тбилиси он категорически отверг. Семь лет назад у него уже был подобный приступ, и по опыту он знал, что надо перетерпеть — идут камни.

Реваз протянул исчерченную бумагу Анзору. Это был чертеж незамысловатого приспособления — деревянный скат. Все сразу поняли замысел главного механика: по скату, словно по помосту, спускать технику.

— Автокран в каком состоянии? — спросил Улуханов. — Долго надо монтировать?

— Два часа, — ответил Кикабидзе. Он самолично принимал каждую машину в Тбилиси и потому знал, что говорил.

Совещание было коротким. К осуществлению плана приступили немедленно. Объяснили людям задачу, расставили всех по местам. Плотники стали сколачивать скат, а пока на руках спустили с платформы полукруглую передвижную электростанцию и подключили прожентора. Стало сразу светло, как днем.

Улуханов в это время носился по станции в поисках машиниста. Все были заняты на разгрузке. Наконец один согласился. Договорились, что, пока будут разгружать очередной вагон, машинист будет работать на своем составе, затем переходить на грузинский, затем снова возвращаться к себе. Машинист оказался веселым парнем. Он скалил зубы и говорил: «Грузины? Магарыч будет? Ча-ча есть?». «Все есть, все будет, — отвечал Улуханов. — Давай выручай».

Первым спустили автокран, смонтировали его, и он стал выгружать мелкие грузы. Машинист подтягивал одну за другой платформы к скату и с величайшей осторожностью, почти на руках, спускали по очереди грузовики, самосвалы, автоцистерну, бройлеры, ямобур и другую сложную технику. Мороз дошел до двадцати, но все снимали шубы — от работы стало жарко. Тридцать платформ и двенадцать вагонов разгрузили к четырем утра. Последними выгрузили два бульдозера. Их спускал Анатолий Гагарин, пицундский парень. Когда он узнал, что грузинский отряд едет на БАМ, что возглавляет его Анзор Двалишвили, поезд уже прошел Гагра. Анатолий сел на первую же машину и, как был налегке, догнал отряд в Адлере. Двалишвили забрал его не задумываясь. Он хорошо знал Анатолия по тому времени, когда работал на строительстве курорта Пицунда главным инженером. Такого бульдозериста экстра-класса, как Гагарин, не было не только в «Пицундстрое», но и на всем побережье от Сочи до Сухуми. И сейчас Анатолий подтвердил свое виртуозное мастерство. По шаткому узкому скату он спустил оба бульдозера целыми и невредимыми.

Еще продолжалась разгрузка эшелона, а грузовики и самосвалы уже возили за Лену снаряжение. К полудню четвертого апреля грузы были на правом берегу, где разбили перевалочный лагерь. В тот же день Двалишвили послал в Тбилиси вторую телеграмму, такую же лаконичную, как и первая:

«Все грузы и тяжелый транспорт переброшены правый берег Лены. Начали передислокацию месту назначения станции Ния».

Пятого апреля, едва холодное небо стало бледнеть и слабо забрезжил рассвет, двадцать человек во главе с Улухановым вышли в сторону Таюры. Они должны были дойти до Нии и на выбранном проектировщиками месте готовить площадку под временный поселок. С собой Улуханов взял бригаду Валерия Рухая. Она влилась в грузинский отряд, как только он прибыл на Лену.

«Тбилиси, ЦК КП Грузии.

Передислоцировались станцию Ния. Работы строительству поселка развернуты. Первый вертолет принимаем 15 апреля. Коллектив работает подъемом. Настроение хорошее.

ДВАЛИШВИЛИ»

036940
019033

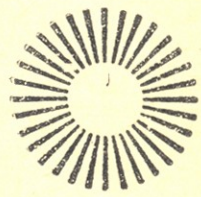
Там, где было намечено место для временного поселка, угрюмо шумела тайга: вековые сосны и заросли стояли глухой стеной. Но для Рухая, для Важи Шенгелиа, Георгия Гагиева, Нодара Гугулашвили, Славы Заалишвили, Мераба Даргуашвили и других членов бригады тайга уже была знакомой. За год они хорошо узнали ее характер и сейчас обращались с ней без особого трепета. Прежде никто из них не только не держал в руках бензопилы, но даже видел их разве что в кино. Валерий Рухая работал в Сухуми экспедитором. Работа спокойная, не пыльная. Поступил на заочный в субтропический. Но не давала парню покоя мысль, что жизнь проходит, как в оранжевое, вяло и безвкусно. На БАМе он нашел свое призвание. И призвание. К славе редко кто бывает равнодушным, тем более в двадцать с небольшим лет. Когда Валерий впервые увидел свой портрет, напечатанный в газете, он почувствовал себя самым счастливым на свете. В Звездном они показали себя достойными Грузин, пославшей их, доверившей им. Самый молодой член бригады Мераб Даргуашвили удостоился самой высокой чести — был награжден знаком «50-летие ВЛКСМ». Награду ему вручал лично первый секретарь ЦК комсомола Е. М. Тяжелников. Отец Мераба, ветеран войны, и земляки горницы могут гордиться парнем.

Снег в тайге глубокий, по грудь. Ребята сначала очищали стволы, а затем лежа подпиливали сосны. Они падали с печальным шумом, и шаг за шагом отступала тайга, освобождая людям пространство.

А по зимнику подтягивались к Нии главные силы. Пока Рухая с товарищами расчищали площадку, отряд расположился в полутора километрах ниже — на старом зимовье. Его поставили изыскатели еще в тридцатых годах. Рядом с зимовьем пристроились три вагончика, их успели перетащить по льду через Лену. В этих трех вагончиках в зимовье и разместился весь отряд. Селедкам в бочке, наверное, просторней было, чем им. За день уставали так, что засыпали как убитые. Пятнадцатого апреля была готова вертолетная площадка, и первым грузом, который доставили по воздуху, стали вагончики. Их на трассах цепляют к вертолету и так перевозят. Слово коршун добычу в когтях. Никто прежде не видел такого зрелища. Летчики попросили установить ориентир. Выбрали самую высокую сосну, метров в сорок. Нодар Квеладзе, боржомский парень, залез на нее и на самой вершине прикрепил флаг Грузинской ССР, а потом, спускаясь, обрубил за собой все ветки, и пушистая сосна превратилась в мачту. Вокруг нее и вырос лагерь. Первое Мая поселок встретил в полной праздничной готовности. Праздник торжественно отметили в новой столовой.

Штурм кончился. Наступили трудовые будни. И как ни странно, они оказались труднее.

Окончание следует

НА ПОДСТУПАХ К ГЛАВНОМУ ГЕРОЮ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАССКАЗАХ Г. ДОЧАНАШВИЛИ

В 1961 ГОДУ появились первые рассказы молодого прозаика Гурама Дочанашвили. И не только появились, но и обратили на себя внимание свежестью мысли, творческой манерой и в особенности — поиском. Поиском «главного». Одно из первых его произведений так и называлось: «Он был создан для любви или Гриша и главное». Это «главное» в его творчестве — любовь. Большая, всеобъемлющая, истинная. Любовь и доброта. Желание, чтоб «люди стали лучше, чем они есть». Так ставится вопрос у писателя. Но поставить вопрос еще не значит — решить его. Существуют ведь зло и ненависть? Существует равнодушие? А почему? И когда они получили свое начало?

Свой рассказ «Юноша из Тавпаравани» Г. Дочанашвили основывает на одноименном народном стихотворении, показывая, как давно и как беспощадно начало зло свой поход против добра. И так же, как в языческой философии, в рассказе Дочанашвили зло побеждает вследствие сомнения во всеилии добра. Но если оставить философские обобщения, то в жизни зло проще, привычнее. В рассказе «За горой» мальчик спас раненого ястреба, а когда ястреб смог совершить свой первый полет, отец мальчика убил его.

«— Мама, дорогая, зачем он убил?

— Успокойся, сынок.

— Мама, зачем он выстрелил, зачем убил?

— Ладно, сынок, не плачь, ты же мужчина!

Мальчик вытер слезы.

— Зачем он убил, мама?

— Успокойся, сынок, может, и не убил.

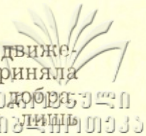
— Может, спасется, да? Может, спасется, мама, ведь раз уже спасся...

— Конечно, сынок, спасется, а как же!»

Это, вероятно, первое столкновение ребенка (своеобразного символа добра) со злом, а поэтому и реакция так сильна.

Все персонажи Г. Дочанашвили носят в себе, с одной стороны, большую доброту, с другой — вопрос «почему» в отношении зла. К сожалению, они редко идут дальше вопроса. Точнее: они живут добром и для добра, а в отношении зла предаются печали, констатируя его существование, или ведут бессмысленный бунт против него. Но, несмотря на инертность в действии, сам по себе персонаж носит в себе активную силу добра, сознательно или бессознательно живет добром. Так, например, Гриша (из названного выше произведения) сознательный носитель добра. Им даже создана целая теория добра и осмысленные пути ее достижения. Что касается Гогия Кизирия («Шаг»), то он бессознательно носит в себе это «главное».

Гогия по природе тихий, робкий, бессловесный юноша. Со всеми добрый, всем благодарный. Таким он был в детстве. Педагоги его любили, хотя и сожалели: «Эх, хотя бы и у него были способности». Из одной этой фразы нам становится ясно: Гогия был туповатым мальчиком. Уже юношей случайно попал Гогия на фильм о Микеланджело. «То, что не было в мире художника, равного Микеланджело, это точно чувствовалось в словах диктора, настолько уж знал Гогия русский язык». Точным штрихом характеризует автор скудный кругозор своего героя. На первый взгляд тут даже содержится юмор... Но очень своеобразный, полный жалости и сострада-

ния. Только такой юмор признает Г. Дочанашвили. «Хороший юмор не смешит, а заставляет горько призадуматься», — пишет он в рассказе «Человек искусства». За такой юмор ратует в том же рассказе Дон-Кихот во сне героя произведения — Мамия. Для Мамия непонятен этот юмор, так как его диссертационная тема (опять тонкий характерный штрих) «Суффиксы существительных с уменьшительным значением». Грустно улыбается писатель, глядя на скудость познаний своего героя. Но зато, раскрывая его внутренний мир, Г. Дочанашвили заставляет верить в глубину этого мира, неосознанную жажду воспринять и сделать добро. Душа Гогия как бы дремлющая душа потенциального артиста. Он внутренне, стихийно воспринимает прекрасное, в каких бы формах оно ему ни представлялось: на сцене, в живописи, в музыке.

Как-то раз, когда Гогия, засыпая, слушал по радио прекрасную музыку, его охватило волнение. «Он встал, под звуки песни прошелся по кровати. И еще ему захотелось чего-то, чего-то большего. Он нагнулся, взял простыню, завернулся в нее, в одной руке будто держал корзинку, другую опускал в корзинку, шел по кровати и под звуки песни потихоньку раздавал людскому морю какие-то подарки, то ли цветы, то ли корольки, что-то в этом роде, точно он не знал... Потом песня кончилась. Гогия оглянулся, застеснялся, постелил простыню, лег. Еще сильнее застеснялся. Укрылся одеялом».

Это был экстаз, вызванный в его душе искусством. Совершенно неосознанное желание сеять добро. Добро, которым был он полон и которое под влиянием музыки вылилось наружу.

И наконец, самый сильный эпизод. Еще в детстве слышал Гогия рассказ о двух одиноких женщинах, спасших от смерти отравленную крысу. Гогия и верил, и не верил. Собственно, поступок женщин казался ему ненормальным, хотя подсознательно он преклонялся перед этим величайшим актом добра. И лишь вернувшись с фильма о Микеланджело, потрясенный величием его искусства, поверил в истинность спасения крысы. Долго стоял Гогия в темной комнате, стараясь вспомнить что-то большее, настоящее, что в действительности существовало и было достойно воспоминания в эту великую минуту. Все, что вспоминалось, было мелким и незначительным (фактически из таких мелочей состояла жизнь Гогия). И вдруг он вспомнил про крысу и поверил, что «это было, было». Даже представил себе эту громадную крысу «и с удивительным упрямством и напряжением всех сил, преисполненный страха, мучительно выпрямил сжатые в кулак пальцы и спокойно, не спеша провел ими по это-

му ужасному телу». Это было движение «мыслящей руки». Мысль приняла существование этого большого доброго существа, которое до нынешнего дня таинственно инстинкт.

Как бы противоположностью Гогия является Гриша из рассказа «Он был создан для любви или Гриша и главное». Гриша так же преклоняется перед добром во всех его выражениях (любовь, свет, красота), как и Гогия. К тому же Гриша активная личность, по крайней мере в теории. Им выработана целая проблема добра и даже намечены пути ее выполнения: «Моя проблема очень сложная... я хочу, чтоб с моей помощью люди стали лучше, чем они есть». Это «главное» Гриша помнит везде, во всех ситуациях. Он говорит об этом со всеми, начиная с друзей и кончая случайными встречными. Первым шагом к «главному» является любовь между людьми. «Там, где любовь, все становится красивее».

Кто человек для человека? Можно сказать: друг, брат, мост и т. д. ...Но Гриша предлагает иной ответ: человек человеку — день. В темную ночь сидел Гриша со своей дамой на берегу моря и вдруг спрятался. Женщина в ужасе стала его звать. Гриша вышел и объяснил свой поступок: «Вот видишь, когда ты осталась одна, да тебя была беспросветная ночь. А теперь ведь день, верно?..»

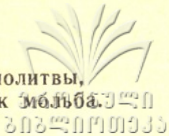
Все конкретные выражения добра, которые характеризуют действия положительных персонажей Г. Дочанашвили, в рассказе «Юноша из Тавпаравани» носят обобщенный характер идеи великого добра — борьбы за идеал.

**Куда ни выйдешь в божий мир,
везде есть два пути...**

Один легкий — упоения прелестью жизни (в хорошем смысле), приятия ее такой, как есть, и второй — сложный — стремления к идеалу.

**За морем поле, а на нем
фиалок, роз роса.
Там замок мраморный стоит,
впираясь в небеса.
Темна от кос своих, сидит
в нем девица краса.**

Вот эта «темная от своих кос» девица, персонаж известного народного стихотворения, является символом идеала в рассказе. Г. Дочанашвили оригинально связывает два народных стиха — «Тебронэ идет по воду» и «Юноша из Тавпаравани» и предлагает своему герою два пути: мирного счастья с любящей сельской красоткой Тебронэ или рискованной попытки достижения противоположного берега моря и завладения сердцем

заморской красавицы. И юноша выбирает последний. Привязав к левой руке мельничный жернов (таково условие), он плывет к красавице. Этот жернов символизирует зависть и недоброжелательность, сопутствующие «безумству храбрых». Такими же символами являются злая старуха, которая постоянно тушит путеводительную свечу, зажигаемую красавицей, и ворон.

Естественно, борьба за великую цель не всегда кончается победой, но если даже гибнет на пути к ней бесстрашный, сама цель остается: «...И все же горит свеча белая. Всегда горит свеча белая. Ее тихое горение — возвышение». Вот к этому возвышению призывает человека Г. Дочанашвили.

А путь к возвышению?

Очертив конкретно и обобщенно «главное», Г. Дочанашвили стремится показать путь к нему.

Основной путь к возвышению — искусство. Не случайно даже тугоумного Гогия искусство возвысило и заставило проявить скрытое богатство его души. У искусства много отраслей, но самое доступное — литература, ибо слово доходчивее, чем звук, цвет, линия... Конечно, и у слова есть свой цвет, звук, даже линия для того, кто глубоко его чувствует. Вот, к примеру, у простого фотографа («Человек, который очень любил литературу») любовь к литературе выработала исключительное чувство слова. Слово для него имеет особые внутренние нюансы, вызывает в нем положительные или отрицательные эмоции. Рассказывает он Тамазу, как встретил раз свою бывшую невесту, и говорит: «Прошла она, когда-то невеста, эх, полна тайной, далекой красотой, как слово... бледнофиалочная, а рядом шел мужчина, с таким неприятным выражением на лице, как слово... «наелся», я же стоял в стороне лишний, как слово «следовательно»...

В этих словах, имеющих для фотографа тайный подтекст, очень простая, вещественная символика. Однако это уже больше, чем смысловой феномен слова, так как оно несет для личности эмоциональную нагрузку.

Такое же чисто эмоциональное (тут уж без смысловой нагрузки) значение имеют для Гриши («Гриша и главное») те несколько итальянских слов, которые он где-то услышал и употребляет при выражении сильных чувств.

Вот эта эмоция, это чувствительное начало в отношении к явлениям и создает искусство, в частности — литературу. Для точной науки такое субъективное эмоциональное отношение к явлениям немислимо. Какому географу придет в голову воспринять горы и море так, как воспринял их С. Чиковани:

Горы возвысились, как молитвы,
а море распласталось, как мальба.

Вот это и подразумевает фотограф, когда отрицает математику как точную науку. Предположим, стоят на улице Сервантес и «какой-то проходимец». Для математика это просто $1+1=2$. «В литературе невозможна такая неточность, хотя и называется она самой беззаконной наукой», так как невозможно представить себе Сервантеса и «какого-то проходимца» в равных единицах.

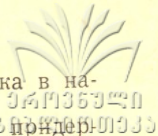
Искусство имеет еще одну характерную черту: оно всасывает в себя все силы своего служителя так, что, быть может, и не дает ему возможности достигнуть цели. Служитель искусства — раб своего беспощадного господина. Он вечно трудится. Его серп — слово (или звук, или цвет), и весь свой век он жнет, а потому весь год у него июнь — месяц жатвы. Подобно юноше из Тавпаравани, перед ним также лежат два пути: легкий, асфальтированный и трудный, тернистый. Таков Лука из рассказа «Дело». «Лука всегда смотрел на скользкий подъем, в конце которого должна была стоять вершина со странным названием «Великое никогда».

«Великое никогда» обозначает не только постоянное, благородное искание и сомнение, без которого нет настоящего художника. Это тот же непреодолимый закон диалектики, вследствие которого развитие никогда не прекращается. Или, как говорит писатель: «Это и было стражем вечной постоянности искусства», ибо покорение вершины «Великое никогда», вероятно, предвещало бы конец искусства.

Лука носит в себе много характерных черт предыдущих персонажей: первым делом, что вполне естественно, он очень любит литературу (конечно, во главе с Сервантесом), наделен глубоким чувством слова (например, очень любит слово «прозаичный» и лучшим доктором в мире считает Чехова). Для него (так же, между прочим, как и для Гриши) самого большого добра достоин ребенок, ведь именно он умеет дарить добро совершенно бескорыстно. Лука всегда помнил, как чистосердечно предложил ему свои салазки маленький закутанный в шубу и шаль человечек, когда большие мальчики прошмыгнули мимо. И всегда, когда Лука встречался с человеческой подлостью или нуждался в «большой поддержке», он чувствовал, будто ребенок тянет его за полы пальто.

Доброта и честность также являются основой существования Луки. Он твердо верит, что, для того чтоб создать что-либо стоящее, «нужно иметь чистую совесть».

Лука проникнут теплым чувством к человеку, он прощает ему его слабости.

К тому же он относится к людям «со вниманием и почтением», научившись этому чувству у больших писателей.

Все эти черты у Луки целеустремленны, выражены активно, в действии. Лука силен и физически, и волей. Как бы случайно вводит автор в рассказ несколько эпизодов, характеризующих отношение Луки к людям, и в этих эпизодах полностью раскрывается внутренний мир персонажа. Лука также хочет, чтобы люди были лучше, чем они есть, и находит пути для достижения цели. Этот путь — путь активного (а не теоретического) добра.

Отдыхая в Бакуриани, Лука обратил внимание на одну девушку, о которой говорили, что у нее «тяжелое прошлое». Так охарактеризовал ее некий сплетник. Лука почувствовал, что парню очень хочется почесать язык, и, возмущенный, он бросил с презрением: «Какой сегодня день... парень?».

Кем была для Луки эта девушка? Никем. Он даже не знал ее имени. Это была «одна маленькая девочка с лукавым взглядом и, все-таки, даже смеющаяся, подчеркнуто грустная. Она была похожа на какого-то маленького, резвого зверька, прыгающего с ветки на ветку и временами с грустным изумлением смотрящего на людей».

Именно эта застывшая в глазах грусть, это «тяжелое прошлое» и заставили Луку отбить девушку у ее случайных «кавалеров», дать почувствовать «полную» атмосферу ресторана, вывести в «правдивую» природу и тепло сказать: «Кажется, я правда люблю тебя, белка!».

Второй эпизод — это отношение Луки к «маленькому хулигану». Этот семнадцатилетний, малорослый, но самоуверенный, признанный вожак уличных мальчишек, всегда без цели торчащий на углу улицы, заинтересовал Луку. Он сперва попытался сбить с него спесь, чтобы убедить, что не такая уж он важная персона. Но когда Лука встретил его ночью избитого, плачущего и подавленного, то как старший друг обмыл его, приласкал и даже подарил гроздь винограда: «Вернешься домой с виноградом, ваши уже не подумают, что тебя побили... что ты подрался (тактично поправился Лука. — В. Ц.), скажи, что упал».

Лука имеет вполне определенное отношение к своему «делу». Литература (подобно всем явлениям и людям) для него делится на две категории: «ложь» и «правда». Игнорируя всякие «измы», Лука очень остроумно замечает, что все зависит от таланта: можно изложить такую простую истину, как «человек поел соль, захотел пить и напился», таким образом, что никто не поверит. И наоборот, можно заставить читателя

поверить в превращение человека в насекомое.

И еще одной великой истиной овладевает Лука: народное творчество и классическая литература — «хлеб насущный» для писателя.

У Луки четко определенная цель: он стремится создать великий по своей художественной ценности роман. Он давно вынашивает эту мысль, его одолевают образы и магические слова, все чаще и чаще находят на него минуты, когда нескончаемым кажется расстояние до письменного стола и мучительно чешутся три пальца — большой, указательный и средний: «Этими тремя пальцами держал Лука перо, этими тремя пальцами брали из солонки соль и сыпали в пищу и этими же тремя пальцами крестились предки Луки...».

Просто и доходчиво пишет Г. Дочанашвили, и только глубина подтекста, подобная подтексту приведенной фразы, является орнаментом его стиля. Да еще исключительное чувство штриха.

Таким образом, Лука, являясь продолжателем теоретической линии предыдущих героев, практически более силен и жизнестойчив.

И еще разница: кем являются фактически Гогия («Шаг»), Гриша («Он был создан для любви или Гриша и главное»), фотограф («Человек, который очень любил литературу»)? Это очень симпатичные, но к тому же очень странные люди. Предположим, Гогия человек с недоразвитым интеллектом и с него спрос мал. Но Гриша ведь нормален? Даже больше: это живая, сангвинического склада натура, быстро налаживающая контакты с людьми, он любит поговорить, повеселиться, любит друзей и женщин... Несмотря на это, в своем «главном», которое вполне приемлемо и благородно, он все же кажется маньяком, ибо всем навязывает свою идею, со всеми говорит только о ней, требует, чтоб все принимали его «главное» без возражений. В противном случае он оскорбляется и даже грубит. Как-то в ресторане один юноша возразил Грише, что главным, на его взгляд, в нашу эпоху является достижение грани знания. Гриша прав, предполагая в этом юноше самовлюбленного «вундеркинда». Однако его возмущение против юноши так же маниакально, как и громогласное заявление: «Я хороший». Чем Гриша лучше других? Тем, что у него хорошие мысли, идеи. А что он сделал для претворения в жизнь этих идей? Ничего. Только проповедует. Гриша, например, рассказывал всезнающему молодому человеку о том, как ехал он за город в такси с незнакомым человеком, как остановил машину третий, сел и тут же заснул. Почему он заснул? — спрашивает Гриша. Все предположения юноши он отвергает:

заснул, потому что был добрым, доверчивым человеком. Гриша возмущен, что юноша не понял этого. А сам Гриша? Битый час он кутит с каким-то комбинатором, который чванится тем, что «напрасно не погубит человека», а Гриша с восторгом целует его за эти слова и хвалит. Понял ли Гриша подтекст этой фразы? Ведь это не доброта, а барское отношение к человеку, мол, наша сила, да так и быть, ползайте, не раздавлю... Так чем же лучше молодого всезнайки сам Гриша, когда дело касается проникновения во внутренний мир человека?

Вернемся теперь к очень симпатичному, получившему общее признание фотографу из рассказа «Человек, который очень любил литературу». Теоретически я также отношусь к нему с большой симпатией, но практически... Не дай бог таких утопистов!.. Очень заманчива и оригинальна его идея о карцере-люксе, где будут полки с избранными книгами, удобные кресла, свет и куда будут запирать самых ярких преступников, чтобы воспитывать с помощью книг. И что мы получим? Еще одного Клима! Такова цель фотографа. Иными словами, получим еще одного маньяка, утром и ночью зачитывающегося книгами, становящегося «все лучше и лучше». А для какой цели? Ведь добро только тогда имеет смысл, когда оно идет на пользу человеку. Добро, запечатое в

«карцере-люксе», никому не нужная утопия, донкихотство.

Я тоже люблю Дон-Кихота и сочувствую его трагедии, в которой выражается его величие, но современный Дон-Кихот не трагичен, а потому заслуживает лишь улыбку (без слез).

Вот поэтому и предпочитаю я Луку, хоть он и не так колоритен, как фотограф. Лука также иногда излишне романтичен, но он знает, чего хочет и как достичь цели. Лука обеими ногами стоит на земле и как образ обыкновенного человека, и как мечтатель. Его мечта — светлая, мужественная мечта, равная мечте юноши из Тавпаравани. Можно сказать, что все произведения, предшествующие «Делу», были подготовкой к созданию Луки. Это было, так сказать, развитие идеи, как бы стремление самого автора самоутвердить основную цель своего творчества. И только разработав «главное» своего творчества, показав его во всем многообразии, в восприятии его различными характерами, — он приступил к выражению «главного» «делом».

Г. Дочанашвили только подошел к основной цели своего творчества. Не потому, что еще не успел дорасти до своего писательского идеала и проявить свою индивидуальность. А просто потому, что лишь в последнем рассказе очертил своего главного героя. Вероятно, полный портрет его будет создан в романе, часть которого уже увидела свет.

Что ж, можно лишь пожелать ему удачи...

¹ Помощник фотографа, такой же книголюб.

ПЕВЕЦ „НЕСКОНЧАЕМОЙ

ЖИЗНИ“

ГРУЗИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ
ПАВЛА АНТОКОЛЬСКОГО

СРЕДИ тех замечательных представителей русской литературы, которые неразрывными узами связали свое творчество с Грузией, почетное место принадлежит Павлу Григорьевичу Антокольскому. Великолепный поэт и прекрасный прозаик, выдающийся переводчик, известный публицист, критик и литературовед П. Антокольский является достойным продолжателем традиций русской классической литературы. И в то же время он самым тесным образом связан с многонациональной советской литературой, проявляет глубокий интерес к жизни братских республик Советского Союза, всемерно пропагандирует достижения их духовных культур.

Еще в 30-х годах П. Антокольский совершил первую большую поездку по стране. Он побывал в Армении (1934, 1935, 1939), Грузии (1935), Азербайджане (1937, 1938), на Украине (1939). Эта поездка многое дала поэту. «Во второй половине тридцатых годов, — пишет сам П. Антокольский, — я всерьез начал работать над переводами советских братских поэтов, узнал Грузию, Азербайджан, Армению. Работа сразу развернулась широко. Вместе с нашими новыми друзьями, поэтами Советского Закавказья, мы старались служить их культуре, быть следопытами их плодотворных поисков»¹.

П. Антокольский с честью выполнил взятую на себя благородную миссию, став важным связующим звеном между братскими литературами и русскими читателями, страстным поборником нерушимой дружбы народов СССР. Многие его стихотворения вдохновлены возвышенным чувством дружбы народов, характеризуются превосходным знакомством с жизнью братских республик, с их историческим прошлым и славным настоящим, с их культурой, искусством и литературой, глубоким проникновением в духовный мир наших современников, насыляющих братские республики Советского Союза.

В своем долгом и упорном служении этому общему большому делу П. Антокольский особо прочными узами связан с Грузией, с ее многовековой культурой, со многими ее замечательными деятелями. И в этом отношении он также является продолжателем лучших традиций русской литературы.

Говоря о развитии этих традиций, П. Антокольский писал:

«Общезвестно, что со времен Пушкина, Грибоедова, Лермонтова Грузия — это одна из первых и самых значительных привязанностей русских поэтов. К названным именам следует прибавить Полонского, Бестужева-Марлинского. В наше время русско-грузинские связи продолжают с еще большей интенсивностью. Они росли, крепились, становились разнообразнее, и главное, о чем следует вспомнить, к любви присоединилось дело, действие: русские поэты начали переводить грузинских»².

¹ П. Антокольский. О времени и о себе. «Советские писатели. Автобиография», т. I, М., 1959, с. 82.

² П. Антокольский. Побратимы, Тб., 1963, с. 275.

Именно «дело», «действие» характеризует отношение П. Антокольского к Грузии, к ее культуре. Он является горячим поклонником, верным другом и популяризатором грузинской литературы, принимает активное участие в важнейших событиях нашей культурной жизни. Почетное место заняла Грузия и в его поэзии.

Еще в середине 30-х годов П. Антокольский создал целый цикл стихотворений, в которых проникновенно воспел красочную природу Грузии, ее героическое прошлое и славное настоящее, многовековую грузинскую культуру и ее замечательных представителей. С этого времени Грузия, которую неоднократно посещал поэт, органически влетает в его творчество.

То, что П. Антокольский приобщился к грузинской теме именно в 30-е годы, было, конечно, не случайно. Как раз в тот период, в преддверии Первого Всесоюзного съезда советских писателей, начался, как известно, мощный процесс укрепления дружеских связей между литературами нашей страны, большая творческая работа по выявлению достижений национальных литератур, их переводу на русский язык. Такое небывалое по своему размаху движение возникло, как непосредственный результат огромного творческого подъема писателей, вызванного историческим постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года и подготовкой к созданию единой советской писательской организации.

В ходе подготовки к Первому Всесоюзному съезду писателей, по инициативе А. М. Горького, в братские республики были направлены творческие бригады, в которые вошли лучшие представители русской советской литературы. В их задачу входило как изучение современного состояния национальных литератур, так и широкая пропаганда их лучших достижений.

В 1933 году одна из таких бригад побывала в Грузии.

Значение деятельности этой писательской бригады, в которую входили П. Павленко, Б. Пастернак, Н. Тихонов, О. Форш и В. Гольцев, трудно переоценить. Изданные к съезду образцы грузинской классической и современной литературы в переводах Н. Тихонова и Б. Пастернака сразу же вызвали широкий резонанс. Огромный интерес к многовековой грузинской духовной культуре еще более возрос после съезда, на котором был зачитан специальный доклад о грузинской литературе. Можно смело утверждать, что с этой знаменательной поры грузинская тема, издревле занимавшая важное место в русской классической литературе, полнокровно входит и в русскую советскую духовную культуру.

Как известно, для историко-литературного процесса 30-х годов, в особенности первой половины десятилетия, характерно прежде всего дальнейшее сближение литературы с жизнью. Не мог не стать участником этого процесса и П. Антокольский. В самом начале 30-х годов вместе с писательской бригадой он едет на Сяньстрой, где знакомится с работой крупного бумкомбината. Эта поездка сыграла определенную роль в сближении поэта с новой действительностью.

Если до этого основной темой стихотворений П. Антокольского была, с одной стороны, история, а с другой — гневное обличение неизлечимых пороков капитализма, с которыми он столкнулся во время пребывания в Западной Европе (поэт посетил ее в составе гастролирующего там Вахтанговского театра), то теперь в его творчество постепенно входят героические будни Страны Советов.

Этот процесс поэтического перехода на новые рельсы окончательно формируется в творчестве П. Антокольского в 30-е годы, в частности, в его стихотворениях, посвященных Грузии.

«...Я смертельно, страстно люблю поэзию»¹, — признался как-то в одном из писем П. Антокольский. В другом месте, говоря о Пушкине, он подчеркивал, что тот «никогда не лгал в стихах»². То же самое можно сказать и о самом П. Антокольском. Страстно любя поэзию, он никогда не лгал и не лжет в своих стихах. Многогранный облик Грузии, воссозданный в его стихотворениях, складывается из страстного повествования о том, что воспринял поэт собственным художественным взором и преломил в своеобразном мире своих мыслей и чувств.

И эта объективность, правдивость нашли отражение в грузинском цикле стихотворений П. Антокольского. Вот что рассказывает, например, об истории создания стихотворения «Ночь в селении Казбек» литератор Л. Левин: «Впервые я увидел Павла Григорьевича Антокольского летом 1935 года в

¹ Цит. по кн. Л. Левина «Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского», М., 1969, с. 131.

² П. Антокольский. Собр. соч. в четырех томах, т. 3, М., 1972, с. 233.

маленькой допотопной гостинице у подножья Казбека. Обстановка, в которой мы встретились, описана в его стихотворении «Ночь в селении Казбек».

Незадолго перед тем в горах разбился почтовый самолет. С трудом разыскав тела погибших, летчики и альпинисты при свете керосиновых ламп на узкой застекленной террасе справляли поминки по своим товарищам.

В той же маленькой гостинице заночевала группа московских и ленинградских писателей... Все мы тоже участвовали в поминках.

В «Повести временных лет» — еще не законченных автобиографических записках — поэт... вспоминает и о ночлеге у подножья Казбека: «Все что описано у меня в стихах, стихи были точные. В них осталась атмосфера этой горячей горной ночи»¹.

Действительно, грузинские стихотворения П. Антокольского отличаются прежде всего точностью описания взволновавших поэта событий и явлений, воспринятых впечатлений. Но это, разумеется, не документально-протокольная точность, а поэтически осмысленная конкретность, дающая мощный толчок для глубоких исторических обобщений. В упомянутом конкретном трагическом случае П. Антокольский увидел факт большой обобщающей силы. Позже в очерке «Тициан Табидзе» он писал: «Много лет прошло с той поры. И такая встреча за ночным столом не однажды повторялась в нашей жизни, уже в суровой обстановке войны, на аэродромах дальнего действия, в металлические ночи сорок первого — сорок второго годов. И теперь мне кажется, что тогда, в тридцать пятом году, сквозь стекла террасы на Казбеке в наши бессонные глаза смотрело наше будущее, пристально смотрели ждавшие нас беды и утраты»².

Эти слова сказаны не просто ради фразы. Они нашли прямое отражение и в стихотворении, написанном в те далекие годы:

Шли тучи. Звезд не было. Ночь растянулась.
Но в сфере
Огня керосиновых ламп продолжалась еще
Трагедия.
И, как защитник на смятом бруствере,
Встал кто-то из летчиков, заговорил горячо³.

Вот это сравнение летчика с защитником, встающим «на смятом бруствере», как и некоторые другие детали (например, горы, идущие за гробом погибших с песней «Вы жертвою пали в борьбе роковой»), выводит стихотворение за рамки описания одного события, придавая ему обобщающий характер. Гибель почтового самолета в горах представляется поэту одним из эпизодов той грандиозной битвы, которую вел, ведет и будет вести советский народ за всеобщий прогресс, за свободу и независимость Родины, за счастье и процветание людей, за подлинно творческое, героическое отношение к повседневному труду.

Боевая песня «Вы жертвою пали в борьбе роковой», с которой герои-революционеры шли на штурм старого мира, органически увязывается в стихотворении со «смятым бруствером» современного защитника завоеваний Октября. И именно эта широкая историческая перспектива окрашивает описание трагического случая в оптимистические тона. Да, жертвы всегда тяжелы, но они приносятся не зря. Они куют то светлое будущее, которое поэтически осмысливается П. Антокольским, как «огневой транспарант по экрану, заглавье идущей зари». Этой-то заре навстречу «утром, подняв ледорубы и взявши рюкзаки, товарищи наши ушли». Заре навстречу, грядущему навстречу уходят товарищи — рядовые великой армии борцов. Они встанут на место погибших, продолжат их дело, которое непобедимо. В этом — оптимистический характер описанной в стихотворении трагедии.

Именно эта органическая связь прошлого с настоящим и настоящего с будущим является той новой особенностью, которая выпукло проявляется в творчестве П. Антокольского после посещения Закавказья.

Закавказский и, в частности, грузинский циклы стихотворений закрепили то, что уже созрело в творческой лаборатории поэта. «Я видел всю страну», — радостно восклицал П. Антокольский в книге «Большие расстояния», изданной в 1936 году. Этот новый ракурс «видения» мира, красочные впечатления,

¹ Л. Левин. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского, М., 1969, с. 5—6.

² П. Антокольский. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1973, с. 96.

³ Здесь и далее стихотворения П. Антокольского цит. по Собр. соч. в четырех томах, тт. I и II, М., 1971.

встречи с интересными людьми, знакомство с великими преобразованиями, происшедшими и происходившими на древней земле, могучий водоворот социалистической действительности послужили огромным творческим импульсом, вдохновившим поэтическую душу П. Антокольского. Касаясь этого периода жизни, он сам подчеркивал: «Исторический и социальный кругозор для меня расширился»¹. А в очерке, посвященном Симоу Чиковани, писал: «Чиковани оказался достоверным историком, когда вспоминал: «К нам, поэтам, на помощь пришел герой». Это точная формулировка. Во встрече с героем, т. е. с рядовым современником, советским человеком, был для Чиковани, как и для многих из нас, переломный момент»².

Обратим внимание на многозначительную фразу: «как и для многих из нас». Нет сомнения в том, что поэт имеет здесь в виду и самого себя, увязывая переломный момент и своего творчества со встречей с новым, современным героем. Такой герой впервые полнокровно вошел в книгу «Большие расстояния», что само по себе говорит о той роли, которую сыграла Грузия в творчестве русского поэта.

Революционная романтика будней, романтика созидательного труда советских людей пронизывает весь цикл грузинских стихотворений П. Антокольского, органически сливаясь в них с реалистической основой его поэтического мироощущения. Все, что он увидел, воспринимается поэтом и как непосредственно сегодняшнее, сиюминутное, и как момент общего, многолетнего движения событий. П. Антокольский находит эпопейную ширину не столько в пространственно-описательном плане, сколько в лирической «долговременности», в чувстве истории, в непосредственном ощущении ветра революции, дотелевешего и до этих древних, покрытых седой горных вершин.

Именно этой своей стороной упомянутый цикл П. Антокольского в определенной мере близок грузинским стихотворениям Н. Тихонова, созданным в 20—30-х годах. Причем близость эта проявляется не только в общем пафосе, но и в отдельных деталях.

Тот же, что и у Н. Тихонова в поэме «Дорога», лермонтовский образ своеобразно использовал и П. Антокольский в стихотворении «Сказка Кавказа», посвященном социалистическим преобразованиям в Грузии:

Если марганец спешит
 Сталью стать высокосортной,
 Если дерево самшит
 Всей листвой шумит упорной,
 И в траве свирепой сорной
 Слышен тихий вздох зверья, —
 Это Мцыри к буре горной
 Рвется из монастыря.

Рассказывая о впечатлениях, полученных от посещения Зестафонского ферромарганцевого завода, П. Антокольский писал: «Есть что-то общее между схваткой Мцыри с барсом и этой ночной схваткой металлургов с природой, с огнем и мраком... Эсхил вмешивается в сегодняшний день, а прямо под ногами лежат грубые осколки мифа о Прометее... Жизнь раскрывала перед советскими поэтами свое первозданное богатство. Мы видели вочую труд тысяч и тысяч советских людей, ломавших горную породу, возводивших плотины будущих ГЭС. Мы видели результаты такого труда в крутом изгибе речной дамбы, в ожерелье ночных электрических огней, впервые победивших тот или иной мрак. Все это зрелище небывалой значимости, они росли и воспитывали нас»³.

Действительно, все это было подсказано жизнью. Сама действительность толкала поэтов на одинаковые ассоциации и мировосприятие. И об этом свидетельствует, в частности, хотя бы такой любопытный факт. В своем очерке «Тициан Табидзе» П. Антокольский вспоминает: «...Мы сели с Тицианом в допотопный «газик» и двинулись по Военно-Грузинской дороге... Водитель наш, смельчак Жора, вел машину лихо, не считаясь с подъемами, спусками, крутыми поворотами, маревом молочного тумана над Гудаурн»⁴.

Все это нашло отражение в стихотворениях «Горная дорога» и «Ночь в селении Казбег». В последнем есть такие строки:

¹ П. Антокольский. О времени и о себе. «Советские писатели. Автобиографии», т. I, М., 1959, с. 82.

² П. Антокольский. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1973, с. 188.

³ П. Антокольский. О времени и о себе. «Советские писатели. Автобиографии», т. I, М., 1959, с. 83.

⁴ П. Антокольский. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, М., 1973, с. 95.

Мы мчались в ту ночь по Военно-Грузинской
дороге.

Шарахались дикие кошки и рыси от фар.
Шарахались горы, как сказочные недотроги,
И рушились.
Где-то гремел перекат их фанфар.
Но петли подъемов на шины намотаны крепко.
Исчадия тартара сброшены в тартарары.
И Жора-шофер нахлобучил веселую кепку
И остановился на станции против горы.

Это соответствие между непривычными крутыми, опасными горными дорогами и смелостью, удальством, жизнерадостностью человека, сидящего за баранкой, невольно рождало восхищенный отзвук в поэтической душе П. Антокольского, наводило его на широкие обобщения. Именно это соответствие послужило поводом для одинакового осмысления разными поэтами (Н. Тихонов, Уно Лахт) таких отличительных черт грузинского национального характера, как смелость, удальство, жизнерадостность и т. д.

Данное обстоятельство как раз и является одной из особенностей интересующего нас цикла стихотворений П. Антокольского, которые отмечены сюжетностью, новыми темами и образами, новаторскими поисками художественного изображения своеобразной природы, жизни, национальных характеров. В стихотворениях П. Антокольского предстает не Грузия «вообще», а братская республика, переживающая тот или иной этап своего исторического развития. Именно это и роднит стихотворения П. Антокольского с произведениями его современников, и прежде всего Н. Тихонова.

По справедливым словам исследователя Л. Левина, поэзия Антокольского всегда отличалась «высоким напряжением» мыслей и чувств, стремлением «понять Время в его безостановочном движении, в постоянной смене прошлого настоящим и настоящего будущим. Для того чтобы понять Время, поэт обращается к прошлому, осмысливает настоящее, заглядывает в будущее, пытается охватить весь современный ему, kloкочущий социальными бурями, пестрый, разноплеменный мир»¹.

Действительно, П. Антокольского неизменно отличало и отличает обостренное чувство историзма. Сквозь призму истории смотрит П. Антокольский на современность; любовь к славному прошлому как бы оплодотворяет его восторженное отношение к настоящему. И именно это обстоятельство, по мнению самого П. Антокольского, сближает его с грузинской поэзией. «У грузин, — заметил он в беседе с В. Балуашвили, — господствует патриотизм той ступени, когда он не только в трех измерениях, а и в четвертом — во времени, т. е. когда он превращается из территориальной привязанности в любовь к родной истории, к векам, которые стоят за нашими плечами. Отсюда же — любовь и к нашему времени. Любовь к истории Грузии характерна для грузинской поэзии в целом: обращение к прошлому равнозначно заботе о будущем, тревоге за него»².

Все это очень характерно для стихов самого П. Антокольского, который с полным основанием мог заявить, что «фрески в грузинских церквях были одним из важнейших источников моего знания Грузии»³.

За далью даль сумел проникнуть поэтическим взором П. Антокольский, найдя там объяснение тому историческому пути, который прошла Грузия.

Такой творческий ракурс осмысления грузинской темы характерен для многих стихотворений П. Антокольского («Военно-Грузинская дорога», «Кутаиси», «Тициан Табидзе», «Говорит предание», «Носящий тигровую шкуру», «Сказка Кавказа», «Тбилисская ночь», «На смерть Демона» и др.). Здесь перед нашим взором как бы ретроспективно разворачивается вся многовековая история Грузии, начиная с тех незапамятных времен пляжей непочатых, «смытых морем за миллионы лет», о которых напоминает «на скале трехпалый отпечаток, зверя ископаемого след» («Кутаиси»). Поэт вспоминает и те далекие времена, когда «люди скученные жили, гнезда по расселинам лепя, — вот он, в сцепке рваных сухожилий, птичьих перьев, глины и тряпья» («Военно-Грузинская дорога»). «Старый воцеленный пергамент, записавший историю», рассказывает поэту и о других временах.

¹ Л. Левин. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского, М., 1969, с. 242.

² В. Балуашвили. Павел Григорьевич Антокольский рассказывает..., сб. «Дом под чинарами», Тб., 1972, с. 242.

³ Там же.

Перед читателем стихотворений П. Антокольского проходит и та эпоха, «когда внизу, в долине Цинандали, кутили кахетинские князья» («На смерть Демона»), в то время как «драгунской шашкой искалечен был... человек труд» («Тициан Табидзе»).

Этот период истории Грузии П. Антокольский, естественно, увязывает с Россией, показывая, что «драгунская шашка» была занесена не только над грузинским народом, но и над передовыми русскими деятелями, которые вели борьбу с самодержавием:

Где вставал рассвет в бивачном дыме,
Очи воспалая и слезя,
Где погибли очень молодыми
Пушкинские ссыльные друзья.

(«Тициан Табидзе»)

И в этом отношении прошлое Грузии неразрывно связано для П. Антокольского не только с декабристами, но и с уехавшим в Иран Грибоедовым, с его молодой вдовой («Тбилисская ночь»), и с Пушкиным, путешествовавшим «в предгорьях Кавказа» («Дорога»), «по Военно-Грузинской дороге» («Бессмертие»), и с Лермонтовым, который, «жгучего счастья отведав, к чьим-то юным устам прикоснулся едва» («Тбилисская ночь»).

Как бы следуя дальше за колесницей истории, П. Антокольский рисует и эпоху капитализма, которую он нередко отождествлял в своем творчестве с образом Коцея. И здесь мы встречаем этот образ:

Вот он, камень твой, Коцей,
Цвета золота и желчи...

(«Сказка Кавказа»)

Но в недрах истории зрели силы, способные сокрушить ненавистный мир угнетения. Это и Арсен из Марабды, упомянутый в стихотворении «Военно-Грузинская дорога», это и Камо со своими друзьями-революционерами, воспетый в лиро-эпическом произведении «Подпольщик», и многие другие.

П. Антокольский убедительно показывает, что именно народ, поднявшийся на борьбу, является истинным двигателем времени, истории:

Но дело не в счете веков иль минут,
Когда, расхалившись предгрозем,
Века на прилавок лавину швырнут,
Шарахнут империю оземь.

(«Горная дорога»)

Говоря об отношении П. Антокольского к грузинской истории, следует особо подчеркнуть, что поэт увидел в ней яркое выражение закономерностей общечеловеческого общественного развития вообще. И это со всей отчетливостью проявилось, в частности, в стихотворении «Горная дорога»:

Там ямы раскопок, развалины зорь
Да свалка на месте кумира.
И только засмотришься в каменный взор—
И настезь история мира.

Историческое прошлое грузинского народа неразрывно связано у П. Антокольского с его многовековой духовной культурой. Еще во время своего первого пребывания в Закавказье П. Антокольский познакомился не только с преданиями и легендами, но и с древнегрузинской литературой, и в частности с поэмой гениального Руставели. «Мы услышали, — вспоминает П. Антокольский, — полную напряженного пафоса, рыдающую декламацию грузинских стихов, звуки которых не похожи ни на какой другой язык в мире и напоминают переключку горных орлов»¹.

Все это не могло не отразиться в творчестве П. Антокольского, где мы встречаем и «каджей», которых посылают «в ледяные расселины скал, чтоб трудились и к вечеру каждый краску нужную... разыскал» («Тамара Абаке-

¹ В. Балуашвили. Павел Григорьевич Антокольский рассказывает... сб. «Дом под чинарами», Тб., 1972, с. 243.

...дня»), и «дивов», которые «гуляют и кутят в седых крепостях и скрывают от нас ледяную усмешку, ибо время для них — совершенный пустяк» («Тбилисская ночь»), и упоминание

Той скалы, того Кавказа,
Где когда-то был высок
Ветер змиеногих сказок,
Где клевал стервятник злой
Прометей-богоборца...

(«Сказка Кавказа»)

Вполне естественно, что, обращаясь к древнейшей грузинской культуре, П. Антокольский не мог пройти мимо великого творения Шота Руставели. В своем стихотворении «Носящий тигровую шкуру» он достигает широких поэтических обобщений, заявляя:

Прочитай реченья Руставели,
Побывай у вечности в гостях!

Ш. Руставели для русского поэта вечный гений, гений всех времен и всех народов, которому уготовлена «нескончаемая жизнь», которого надо снова и снова перечитывать, ибо он проповедует такие неуверяемые идеалы, как «верность дружескому слову... прочно кованая честь».

Поэма Ш. Руставели для П. Антокольского — это огромный океан высоких человеческих чувств и стремлений, это жизнь Грузии во всех ее проявлениях.

В своем стихотворении «Носящий тигровую шкуру» П. Антокольский особо подчеркнул, что величие Ш. Руставели заключается и в том, что он с честью выдержал испытание времени, дойдя сквозь века до нас в первозданном ореоле:

Так мечтатель в шапке островерхой,
Безыменный первенец времен,
Ныне стал перед большой проверкой,
Солнцем нашей правды озарен.

Мы уже не раз подчеркивали, что история отнюдь не является для П. Антокольского самоцелью, что переключку эпох и столетий он воспринимает сквозь призму современности, величия наших дней. Оживляя в ярких поэтических образах древнейшие легенды и предания, поэт силой фантазии вводит их персонажи в наши героические повседневные будни, делает их участниками сегодняшних свершений. Как живой с живыми говоря, обращаются они к нам сквозь столетия:

Даже тут, даже в черном Аиде,
Даже черную землю грызя,
Мы проснемся, любя, ненавдя, —
Ваши спутники, ваши друзья.
Мы послужим и вам — обнаружим
Прочно сбитую силу свою,
Мы не ржавым вернемся оружием,
Не сдадим и в последнем бою.

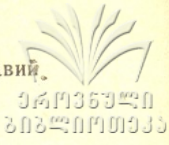
Мы не призраки. Мы не из сказок,
Не труха за музейным стеклом,
Мы — вся толща седого Кавказа,
Мы столетья берем напролом.
Рвем мы воздух в сигнальных фанфарах,
Режем волны винтами турбин,
Рубим ночь в ослепительных фарах —
Мы работники гор и глубин!

(«Говорит предание»)

Далекие времена отнюдь не заслоняют от П. Антокольского мажорных красок современного бытия. Повествуя в стихотворении «Кутаиси» о своем «соприкосновении» со средневековьем, он тут же добавляет:

Но при выходе из этой ночи
День шумел некошеной травой,
Разноцветный мир бросался в очи
Всею круговертью ветровой.

В этих словах заключается ключ к пониманию характерных для П. Антокольского временных соотношений. Причем эти соотношения, как правило, связываются поэтом со стремительным движением по дороге, со свистом ветра в ушах, объединяя чувство историзма с конкретным человеческим ощущением. Вот как передает поэт это чувство в стихотворении «Сказка Кавказа»:

Желтый глаз автомобиля
 Жадно режет быстрину,
 Легкий воздух изобилья
 Наполняет всю страну.
 И опять, опять чащоба,
 Корни, кочки, камень злой,
 Отроческая учеба,
 Слово уголь под золой,

Щебень, шлак, свинцовый гравий,
 Шрифт листовок боевых,
 Школьный аспид биографий,
 Забастовок ранний вихрь.
 И опять — тропой овечьей
 В толщу кварцевых пород.
 Там седых столетий вече, —
 Несгибаемый народ...

Все это придает стихотворениям П. Антокольского большую эмоциональность, расширяет их образную систему.

Одной из центральных тем грузинских стихотворений П. Антокольского является изображение труда как мощного фактора развития личности и формирования социалистических отношений. Взволнованно говорит поэт о том сизидательном пафосе, которым охвачен грузинский народ. Главным героем его стихотворений является наш современник, человек нового времени, новой формации. Это он прокладывает первые воздушные трассы над Кавказским хребтом («Ночь в селении Казбек»), это он стоит у бункеров, дробилен и печей, где «в жерновах железных пугал превращаются во прах известь, марганец и уголь», это им слагается «сказка о металлургии» («Сказка Кавказа»), это он засеивает поля, возводит сады и виноградники, ставит силы природы на службу человека. П. Антокольский хорошо знает своих героев. Он неоднократно встречался с ними, восхищался их нелегким, но благородным трудом, приближающим «завтрашний светлый приют, наши завтрашние города»:

Я их видел в глазах у небритых людей,
 У веселых строителей ГЭС.
 А река стервенела все злей и лютей
 И неслась как серебряный бес.
 Я их видел, грузинских парней-работяг,
 Рукавом вытирающих пот.
 Они взвили над стройкой воинственный стяг
 Пятилетнего плана работ.

(«Это фронт»)

Таким парням все по плечу. Они не могут не победить.

Мы уже говорили о том, что одно из самых первых грузинских стихотворений П. Антокольского «Ночь в селении Казбек» было навеяно трагической авиакатастрофой в горах. Тогда же поэт выразил уверенность в том, что дело, за которое отдали жизнь смельчаки, восторжествует. Прошло не много времени, и П. Антокольский вновь вернулся к этой теме в стихотворении «На смерть Демона», героем которого является летчик, доставивший поэта регулярным рейсом из Москвы в Тбилиси. П. Антокольский и тут рисует увиденное и прочувствованное по вертикали, т. е. исторически, сравнивая летчика с лермонтовским Демоном, некогда пролетавшим над Кавказом. Но что представляет из себя «демонский полет» по сравнению с полетом этого «широкоплечего мастера высоты», который «с ним поменялся легендарной долей и говорит со звездами на ты»:

Он видел Арктику в шальных бурунах,
 И пляску молний, и полет планет,
 И ласку солнца в тучках тонкорунных,
 Но потолка его познать нег...

Простой советский человек совершил то, о чем мечтали лучшие умы. Он покорил силы природы. И хотя «в Москве был дождь, в Ростове сильный ветер, а у подножья Машука — гроза», он смело и спокойно выполнил свой полет. Причем, взлетел он в небо, побывал в Арктике и на других широтах не по какому-то сверхъестественному велению, а благодаря своим познаниям, которым «потолка... нет».

То же неукротимое стремление ставить природные силы на службу людям характеризует и героя стихотворения «Это фронт». Родился он в горах и с детства видел, какие беды приносит неукротимая горная река, порождающая зимой лавины, а весной сметающая все на своем пути. И решил он укротить эту реку. Но началась Великая Отечественная война, и герой ушел защищать Родину. Отгремели залпы войны, и «дальнозоркий смельчак, возвратившийся с Эльбы сапер» решил продолжить «довоенный неконченный спор».

Советского человека не страшат никакие преграды. Вместе со строителями ГЭС герою стихотворения удалось укротить бурную реку.

Эту романтику величия нашего времени П. Антокольский видит даже в простом, будничном, прозаическом труде чабана:

Светает. Померкли созвездья.
Теснятся на склонах овечьи стада.
Упрямятся буйвол на въезде.
И в дымной барашковой шапке чабан
С овчаркой, как туча, косматой,
И ливень, ударивший вдруг в барабан, —
И все так сурово и свято!

(«Горная дорога»)

Читаешь произведение П. Антокольского, и невольно приходят на память стихи Я. П. Полонского:

Нет, не был слеп и глух и не остался нем он, —
Тот русский, что не раз готов был пот и кровь
Пролить за Грузию. Здесь Пушкин пел любовь,
И Лермонтова дух смущал прекрасный Демон!
Родная Грузия была для нас свята!

Да, эта преемственность, это поистине святое отношение к Грузии являлись и являются характерной чертой русской поэзии. К этой традиции целиком приобщился и П. Антокольский. «Грузия, — говорит он, — стала традицией для всей русской поэзии... Еще до того, как я побывал в ней, я знал, что «на холмах Грузии лежит ночная мгла», но стремился увидеть ее сам. И когда Тициан Табидзе, с которым мы сразу же сблизились, чуть хриплым, срывающимся голосом читал пушкинские строки нараспев в машине, летевшей по Военно-Грузинской дороге, — это было мое крещение в Грузии»¹.

Влюбившись в Грузию раз и навсегда и стремясь всесторонне воспроизвести ее в своих стихотворениях, П. Антокольский, естественно, не мог пройти мимо описания грузинской природы. И тут он проявил себя как тонкий лирикопейзажист, продолжатель лучших традиций русской классической литературы.

П. Антокольский не просто рисует яркими красками картины грузинской природы, он наполняет их глубоким лиризмом и социальным звучанием, превращая в средство выражения своих мыслей, настроений, философских воззрений. Герой стихотворений П. Антокольского не праздный путешественник и наблюдатель, он — поэт со сложным поэтическим мышлением. Но сложность эта непреднамеренна — в ней отражается интеллектуальная жизнь нашего современника, в душе которого новые впечатления переплетаются с тем, что уже давно воспринято им. Лирика приобретает патетический характер, в то же время сохраняя точность местного колорита и связь с фольклором. К примеру, красочно описывая горный пейзаж, поэт восклицает:

Вот он за альпийской зоной тянет
В синий дым, в заоблачные льды,
Ухнет вниз и снова целым встанет,
Словно сам Арсен из Марабды.

(«Военно-Грузинская дорога»).

Одной этой фразой стихотворение уже уводится далеко за пределы простого пейзажа.

То же самое можно сказать и о заключительной строфе стихотворения «Носящий тигровую шкуру»:

Русла рек. Задебренные спуски.
Ликованье путаных крутиз.
Кровь руды, запекшаяся в сгустки.
Ветер. Нескончаемая жизнь.

Фраза — «нескончаемая жизнь» — придает описанию совершенно новое звучание, ибо поэт здесь не просто живописует, а пользуется пейзажем для передачи своих мыслей и настроений. Следовательно, грузинские стихотворе-

¹ В. Балашвили. Павел Григорьевич Антокольский рассказывает..., сб. «Дом под чинарами», Тб., 1972, с. 243.

ния П. Антокольского объединены не только местом действия, но и личностью поэта-героя, судьба которого составляет их сюжетную канву.

Следует отметить и то обстоятельство, что в стихотворениях П. Антокольского ярко воспроизведена не только красота грузинской природы, но и прекрасные городские пейзажи. Вот как изображен, например, старый Гоблиси в стихотворении «Подпольщик»:

Лепились над Курой почти отвесно
Балконы, балки, бани, скарб, арбы.
Ремесленники на Майдане честно
Лудили медь, дубили кожу, терли
Сухую москатель. Першило в горле
У города от жажды и божбы.
Шли ослики с тугими бурдюками.
Шипело сало на сковородах.
Опять лудили медь, тесали камень,
Дубили кожу...

Картины природы, городские виды, мастерски переданные в стихотворениях П. Антокольского, отнюдь не являются чисто пейзажными зарисовками. Поэт решительно отбирает и группирует факты, положенные в основу создаваемых им образов. Читатель ясно видит, как детально «перерабатываются», обдумываются впечатления, полученные лирическим героем, как протягиваются нити от приобретенного в кавказских теснинах душевного опыта к большой и сложной жизни человечества. И это качество, вообще присущее поэзии П. Антокольского, отчетливо сказалось и в его грузинских стихотворениях, которые по праву считаются лучшими достижениями лирики поэта. Причем сам П. Антокольский особенно выделяет те стихотворения, которые посвящены представителям грузинского искусства. «Все-таки, — писал он Л. Левину, — в цикле грузинских стихов... лучшие поэтические и самые важные по смыслу — это те, в которых даны ПОРТРЕТЫ: Тициана Табидзе, Нико Пиросманишвили, Тамары Абакелия. Да, по чести сказать, они вообще одни из лучших за всю мою жизнь. Особенно — ТИЦИАН»¹.

В стихотворении «Тициан Табидзе» П. Антокольский стремится показать богатый духовный облик своего современника, соратника по перу, близкого друга, который оказал на русского поэта определенное влияние. Об этом, между прочим, неоднократно говорил сам П. Антокольский. Он подчеркивал, что стихотворения Тициана Табидзе и Паоло Яшвили были и будут для него школой поэтического мастерства:

Так останьтесь же мне школой,
Голоса ночных стихий,
Тициана и Паоло
Вечно юные стихи!

(«Сказка Кавказа»)

Эти широкие поэтические обобщения очень характерны для стихотворений П. Антокольского, посвященных таким самобытным явлениям грузинской духовной культуры, как «Витьязь в тигровой шкуре», поэзия Т. Табидзе, живопись Н. Пиросманишвили.

В 1935 году Т. Табидзе познакомил П. Антокольского с живописными работами Н. Пиросманишвили. «Одно из самых сильных впечатлений, оставшихся от моего пребывания в Грузии в 1935 году, — картины Пиросманишвили, — говорит П. Антокольский. — Их я увидел в Метехском замке над Курой. Они оставались там единственными узниками и стояли, прислоненные друг к другу, в полутемном помещении, в пыли, паутине. Тогда я ходил с Тицианом, и потом мы сетовали о невозможности открыть их для народа, всей страны, дать им дневной свет. Всего этого долго пришлось ждать...»².

Впечатления поэта отразились в его восторженном стихотворении «Нико Пиросманишвили», в котором воссоздан пленительный облик талантливейшего художника-самоучки. Его самобытнейшее творчество для П. Антокольского — целый красочный мир, философски осмысленный добрым и мудрым

¹ Л. Левин. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского, М., 1969, с. 117.

² В. Балаушвили. Павел Григорьевич Антокольский рассказывает..., сб. «Дом под чинарами», Тб., 1972, с. 243.

человеком, который был вынужден писать свои шедевры «в духане, меж биди и хохочущих морд, на черной клеенке, на скатерти мокрой» за стакан кахетинского и скромный обед. Но художник был счастлив. Счастлив, потому что писал «огромный, как жизнь, натюрморт», потому что воспевал жизнь, нес людям радость. Поэтому-то его «старое сердце стучало от счастья, когда... писал он пожар помидоров и перца».

Картины Н. Пиросманишвили для П. Антокольского — бессмертные шедевры, как бессмертен и тот колоритный и красочный мир света и добра, который увидел художник своим самобытным, пронизательным взором:

**И пенились винные роги. Вода
Плескалась в больших тонкогорлых
кувшинах.
Рассвет наступил в голосах петушиных.
Во здравие утра сказал тамада.**

Последняя строка откровенно перекликается с завершающей строкой из стихотворения «Тициан Табидзе»: «Говорил поэт и тамада». Собственно, обе эти строки можно считать своеобразным рефреном, завершающимся аккордом обоих стихотворений. Случайно ли это? Думается, что нет.

П. Антокольский относится к числу поэтов чрезвычайно глубокого интеллекта и широкого диапазона. Именно поэтому с таким пристальным вниманием относится П. Антокольский ко всем проявлениям интеллектуальной жизни Грузии, и в частности к грузинской живописи. Об этом ярко свидетельствует его великодушное лирическое стихотворение «Тамара Абакелия», посвященное преждевременно скончавшейся известной советской художнице и скульптору, чьи работы произвели большое впечатление на русского поэта.

Создавая поэтический образ Т. Абакелия, П. Антокольский особенно подчеркивает следующие качества, характеризующие ее как художника: лучезарный талант, связь с многовековым национальным искусством и огромное трудолюбие. Причем качества эти выявляются сквозь призму своеобразного видения творчества Т. Абакелия и его истоков, личного восприятия ее внешнего облика и богатого внутреннего мира.

Богатство и разнообразие тем, содержания «грузинских» стихотворений требовали богатства и разнообразия формы, локализации, характерности образов, словаря и даже ритмико-мелодических приемов, организации стиховой речи. И П. Антокольский свободно пользуется богатым арсеналом стихотворных размеров и художественных приемов. К примеру, «Ночь в селении Казбек» характеризуется торжественностью стиха, удивительно гармонирующего с настроением всего произведения, а в стиховой структуре «Горной дороги», имеющей эпиграф из Маяковского («Медленна лет арба»), чувствуется влияние великого поэта пролетарской революции:

**Века на прилавок лавину швырнут,
Шарахнут империю оземь.**

Такая организация стиховой речи полностью соответствует содержанию произведения, воспевающего разительные перемены, происшедшие в Грузии после победы Советской власти.

Как уже отмечалось, для творческой палитры П. Антокольского характерно многообразие красок. Однако излюбленным его оружием остается деталь. Через красочные детали, тонкие нюансы создает поэт яркие и запоминающиеся картины далекого прошлого и современной ему действительности.

Все сказанное выше и определило ту большую роль, которую сыграла Грузия в поэтическом творчестве выдающегося русского советского поэта.

Рыцарь грузинской поэзии

В ПОРУ, когда Паоло Иашвили и его друзья пришли в грузинскую литературу, все вокруг было как бы пронизано напряженным предгрозовым затишьем и взволнованным предчувствием перемен.

Этим молодым самоуверенным поэтам, готовым с невиданной дотоле дерзостью подвергнуть критической переоценке традиции классической грузинской поэзии и все существовавшие до них авторитеты, главарям этой новой литературной школы, именуемой «Голубые роги», самому старшему из которых еще не было и двадцати пяти, все казалось чрезвычайно легко и просто достижимым, но в то же время и искусство, и окружающая действительность, да и весь мир были в их сознании отмечены метой какой-то безысходной, трагической, роковой внутренней противоречивости.

«Голубые роги», как символизм вообще, представляли собой наиболее яркое, наиболее крайнее проявление декаданса в грузинской поэзии начала XX столетия.

В годы реакции голубороговцы попытались противопоставить «устаревшим», с их точки зрения, идеалам свою новую эстетско-модернистскую веру или, скорее, — безверие, скепсис, философию безнадежности, наслаждение «пьяным хаосом» Вселенной.

Их приводило в восторг предощущение космической катастрофы, ржание апокалиптических коней, предсказывающих беду, опьянение уродством, несчастьями...

Разумеется, для таких поэтов, какими были Паоло Иашвили, Тициан Табидзе и Георгий Леонидзе, декаденство, по существу, было не чем иным, как поза, маска; и они, в подражание известной «Книге Масок» весьма популярного в то время французского писателя Реми де Гурмона, выбирали себе наиболее странные и необычные маски, должныствующие скрыть их подлинные человеческие лица.

И они предстали перед аудиторией грузинских читателей в обличье Арлекинов и Пьеро, с «уайльдовскими галстуками», с «искусственно выбеленными», наподобие средневековых паяцев, щечками.

Под этими мертвыми масками скрывалась нерастраченная энергия и темперамент полных жизни, изжаждавших по радости и деятельности, пока еще совершенно юных, в высшей степени чувствительных и талантливых людей.

Теперь мы уже знаем, что достаточно было определенного толчка извне, чтобы они навсегда стерли со своих лиц эти пестрые краски и румяна модернизма и вошли в грузинскую советскую поэзию со своей, в высшей степени искрен-

ней и самобытной, поистине оригинальной индивидуальностью. Но необходимо сказать, что тем не менее декаданс не был для грузинской поэзии явлением случайным, наносным. Он не представлял собой только лишь результат эпигонства.

И эти странные маски со своими искусственными, неестественными гримасами так или иначе, хотя бы очень приблизительно и условно, выражали истинную боль истинных поэтов, их невыдуманную, болезненную, острую внутреннюю драму, талант подлинной любви и вдохновения.

Когда Паоло Иашвили пишет:

Безумье, грядь, когда иссякнет сила
в слове,
Ослепни, глаз, когда не встречу день
хвалой,
И стих, что вырвался из сердца
сгустком крови,
Не вспыхнет на века, осыпется золой.
Изведай мор, войну, взгляни в лицо
измене,
Скитайся по лесам, как тать,
отвергнув свет,
Но помни: пытки нет страшней, чем
вдохновенье,
И одержимому стихом — пощады нет!

(Перевод Э. Ананишвили)

— то эти слова уже не нуждаются в излишних доказательствах искренности и подлинности выразившихся в них чувств. Они сами являют собой живой, несомненный, окрашенный кровью документ того вонистую напоминающего сознательное самоожожение акта, ценю которого поэт, если только он истинный поэт, заявляет свои законные права на бессмертие, на вечность, на бесконечную жизнь.

Эта жестокая истина особенно точно выражает ту явную несоизмеримость, которая существует между творческой личностью Паоло Иашвили и его литературным наследием.

По свидетельству современников поэта, соратников по перу, друзей, всех тех, кому выпало на долю близко знать его, — Паоло Иашвили при жизни щедро, бескорыстно, безоглядно рассыпал вокруг себя драгоценные рифмы, блистательные поэтические образы, очаровательные улыбки, дружеское тепло, рыцарское великодушие, подлинные фейерверки красноречия и остроумия, тот редкий дар, которым природа так многосторонне наделила его.

Паоло Иашвили можно назвать подлинным Автандилом, прекрасным рыцарем, охваченным страстью песни и любви, который порождал вокруг себя бесконечные восторги и восхищение своим неповторимым поэтическим обаянием, изяществом, врожденным безошибочным чувством красоты.

Мировой литературе нового времени известно всего несколько примеров редчайшего дара поэтической импровизации. Как известно, в свое время Адам Мицкевич приводил в изумление Пушкина и других русских поэтов своими гениальными экспромтами, которые, к сожалению, никто не догадался записать. В нашу эпоху, когда акт творчества так тесно слился с металлическим пером, пишущей машинкой, типографским станком, Паоло Иашвили, наподобие средневекового барда, по-прежнему продолжал петь продиктованную мгновенным взрывом вдохновения, привлекающую своей легкостью и непосредственностью, привольную и свободную песню.

Среди поэтов нашего времени он был несравненным мастером поэтической импровизации, и об этом свидетельствуют даже те случайно сохранившиеся, к сожалению, весьма немногочисленные записи, которые дошли до сегодняшнего дня.

Вот фрагменты одной из таких поэтических импровизаций, с которой в 1920 году обратился он к нескольким молодым людям, собравшимся на студенческую пирушку в его честь:

В студенческой лачужке свечами мы
горим,
Мы здесь пируем, плачем и духом
ввысь парим.
В студенческой лачужке попарно
мы живем,
Хоть все — бледны и тощи, но все же
не умрем.

Краюха хлеба, яблоко, грузинской
книги том...
Пусть утро в дверь стучится —
домой мы не пойдем.
Друзья, рыдайте, пойте и лейте мне
вино,
Нет, нынче не умрем мы, нам счастье
суждено.

О боже, помоги им, укрой и сохрани,
Благослови их ночи, благослови их дни.
В студенческой лачужке явились в
гости к вам —
Слова, и паровозы, и сам кашветский
храм¹.

В некоторых напечатанных стихотворениях Паоло Иашвили тоже можно обнаружить признаки непосредственного впечатления поэтической импровизации. Его стихи редко обладают твердой лирической архитектурой, развитие лирической темы в них редко подчинено какой-либо предварительно продуманной схеме.

Здесь максимальная нагрузка возложена на чистое вдохновение, и оно безошибочно ведет поэта сквозь гущу

¹ Из записной книжки Левана Асатиани.

ляет собой один из первых лирических пейзажей современного города в грузинской поэзии XX столетия.

Бредивший горячечными галлюцинациями город, где синий воздух блестит как стеклянная пыль, где на улицах валяются больные псы и лошади с глазами, закрытыми шорами, разрывают грудь о железные колья, представлялся Паоло Иашвили мистическим костром, в котором вместе с беспомощными прекрасными птицами в вечном огне горели священные иллюзии поэта, и эта кровавая бойня, как опьяневшего быка, привлекала к себе вдохновение поэта.

Разумеется, это был город, увиденный глазами символиста, скорее ирреальный, чем действительный, но это не являлось только красивой бутафорией, сотворенной фантазией эстета.

Это стихотворение написано двадцатилетним юношей, и в нем, несмотря на безразличную, индифферентную позу декадента, слышится, как самозабвенно вопит, вымаливает помощи и спасения раненый ребенок, лежащий в городской пыли.

По существу, голубороговцы были именно теми по-детски беспомощными, возвращенными на иллюзиях минувшего столетия людьми, которых новый век выгнал на улицы большого города и которые тщетно пытались упрятать в пестрых бумажных масках свой страх, более того — свой ужас перед этой незнакомой им действительностью.

Не случайно среди предшественников грузинского символизма Паоло Иашвили больше всех привлекали не «златоуст» Малларме и не заковавший душу в броню аристократического снобизма создатель Дориана Грея, а «бедняга Верлен», простодушный рыцарь, ищущий правды и благородства, распятый на кресте большого города:

Верлен не брися, мерз: худое платье.
С судьбою вел азартную игру.
Спасти от ночи, как от мук распятыя,
Молил святую деву, как сестру.

(Перевод Э. Анианишвили)

В этом великолепном стихотворении, посвященном Колау Надирадзе, чувствуется то непоказное, искреннее сочувствие и сожаление к далекому собрату, которое является непременным условием поистине великодушного художника.

Причиной острой внутренней трагедии грузинских символистов была их духовная безоружность перед лицом сложных и жестоких конфликтов своего времени.

Они хотели встать выше этой уродливой действительности, окончательно порвать всякую связь с ней, в силу чего непроизвольно оторвались не только от своего времени, но и от национальной почвы.

По существу, оставшись без подлинных точек опоры, без реальных целей, перспективы, настоящих идеалов, они утратили чувство земли, реально подобно лунатикам, побрели вслепую по той дороге, которая вела на край пропасти.

Понадобилось воздействие решающих исторических потрясений, чтобы голубороговцы вновь обрели свои утерянные корни, прочно встали на национальную почву и восстановили утраченную связь с судьбой грузинского народа, с его духовной жизнью.

К счастью, Паоло Иашвили, так же как и большинство его бывших литературных соратников, нашел в себе достаточно душевной силы и воли, чтобы избавиться от гипноза декадентской мистики.

Этот процесс отрезвления был довольно болезненным, поскольку представлял собой не просто акт приятия, биологического совмещения с действительностью, а искреннюю попытку ее освоения, постижения ее внутренней сути, утверждения в ней.

Это было суровое испытание духовных сил, и они сумели доказать свою внутреннюю цельность и жизнеспособность, свою верность жизни, настоящему и будущему Грузии.

Примечательно, что в творчестве Паоло Иашвили, так же как у Тициана Табидзе, тема освобождения от символистских увлечений и возвращения на землю была связана не только с мотивом гражданского мужества, но и вообще с мотивами человеческого, мужского могущества, неукротимости, мужественности.

Голубороговцы сами же почувствовали, что эстетский снобизм, попытки отращения от действительности или бегства от нее представляли собой постыдную измену характерной для классической поэзии вообще, проникшей в кровь и плоть грузина, в его сознание духовной стойкости и непреклонности.

Эту минутную слабость они посчитали непростительной для грузинского поэта трусостью и сурово, бескомпромиссно переоценили все, что прежде являлось предметом их болезненного вдохновения.

И если Тициан Табидзе писал:

Позор мужчине, коли, видя солнце,
Пред ликом смерти все же страх таит,

— то у Паоло Иашвили оказалось достаточно духовной стойкости, чтобы найти для своих новых стихотворений соответствующую интонацию:

Как хлопанье паруса,
Что взморьем лапучет,
С такою же яростью
За стол бы рабочий.

(Перевод Б. Пастернака)

Это была искренняя мечта, возвышенное, рыцарское стремление поэта, который всем своим существом прочувствовал неразделимое единство своего призвания и деятельности с жизнью народа, с его духовными запросами и мечтами.

Сядь, посвяти свои помыслы благу,
Изобрази, что волнует наш край, —

(Перевод Б. Пастернака)

— писал Паоло Иашвили в 1934 году, поскольку уже к этому времени он убедился в высоком назначении поэта, в его ответственности перед народом, Родиной, временем.

В стихотворении «Я верен слову» этот священный долг художника сформулирован поэтом просто и ясно:

Страна, дай сыну перо поэта.
Твой труд возвышен! Земля прекрасна!
Сын должен в слове явить все это,
Коль искра божья в нем не погасла!

(Перевод Ю. Ряшенцева)

С подлинно поэтической увлеченностью воспел Паоло Иашвили новую Грузию, Тбилиси, Самгори, Кутаиси, первых поселенцев Кольхиды, новое русло Риони, триста арагвинцев, сбор урожая. Согретые искренним поэтическим чувством стихотворения посвятил он Ованесу Туманяну, песне украинской женщины, героическому народу Испании.

Своим стихом, словом, делом он всегда и всюду олицетворял самозабвенную любовь, восхищение, трудовую и творческую увлеченность новой жизнью, стройкой и обновлением родной страны.

Мало кому из грузинских советских поэтов досталось столько любви и восхищения, сколько было проявлено по отношению к личности Паоло Иашвили целым рядом выдающихся деятелей и художников XX века за рубежом, в России, на Украине, в Армении.

В 1934 году, на Первом съезде советских писателей, на котором присутствовали передовые писатели всего мира, Паоло Иашвили выступил с блестящей речью. Всякий, кто ознакомится со стенограммой этого съезда, воочию убедится, сколько аплодисментов и восторженных откликов выпало на долю небольшой речи Паоло Иашвили.

Когда грузинский читатель берет в руки книги Паоло Иашвили, изданные после смерти поэта, он не может не ощутить истинно поэтического блеска, могучего, бурного темперамента, богатую и изысканную поэтическую культуру и, что самое главное, ту врожденную яркую талантливость, которая присутствует и в его лирических стихотворениях, и в маленьких рассказах, и в переводах.

Переведенный Паоло Иашвили Пушкин является одним из значительных вкладов в современную грузинскую литературу. Это поистине интересный и оригинальный образец подлинно поэтического перевода.

Паоло Иашвили по призванию был художником. Как известно, именно с этой целью отправился он в свое время в Париж для обучения в Институте искусств, существовавшем при Лувре.

Позднее увлечение поэзией заставило его почти окончательно отказаться от живописи.

Но можно сказать, что в самом его поэтическом творчестве есть такие качества, которые свидетельствуют о его художественном таланте, своеобразном художественном мастерстве.

В этом отношении особенно примечательны его «Автопортрет», «Триптих», стихотворения, посвященные Давиду Киднашвили, Нико Лордкипанидзе, Валериану Гаприндашвили, Тициану Табидзе, Георгию Леонидзе.

Это по существу великолепные поэтические портреты, в которых при помощи точных штрихов, колоритных деталей, самими особенностями поэтического стиля раскрываются характер и внутренняя природа каждого из этих людей.

Вот какими живыми, точными красками воспроизводится на поэтическом языке портрет Нико Лордкипанидзе:

Ты — булатный клинок, ты подвластен
лишь солнцу да птицам.
Разреши же мой стих незаметный тебе
поднести,
Перед именем славным позволь мне,
учитель, склониться,
Я к тебе в подмастерья за честь
почитал бы пойти.

Трудно верить коварству, но ты,
как ребенок, доверчив.
Как беспечен, как честен — блага ты
не ставишь ни в грош.
Как люблю я твой профиль, что
тонко и точно очерчен.
В нашем крае такой ты, пожалуй,
не часто найдешь.

(Перевод Р. Сефа)

Совершенно разные, отличные друг от друга стилистические средства использованы Паоло Иашвили в его лирических посвящениях голубороговцам.

В них нашли отражение не только внешние приметы друзей поэта, но и характерные черты их творческой сущности.

Для создания индивидуального колорита Паоло Иашвили часто прибегает к своеобразной поэтической имитации. Так, к примеру, стихотворение, посвященное Валериану Гаприндашвили, написано в

высшей степени изысканным, рафинированным стилем.

Здесь точно уловлена своеобразная интонация автора «Закатов», характерный нюанс его метафористики.

Сам Паоло Иашвили рассказывал, что голубороговцы как-то решили ко дню рождения преподнести Валериану Гаприндашвили 25 новых рифм.

В этом отношении и указанное стихотворение можно считать драгоценным подарком поэту, который всегда особенно заботился о новизне и благозвучии рифмы.

Вот две строфы из стихотворения, посвященного Гаприндашвили:

Ты спишь под дождь, и из твоих волос
 Офелия колючки вьет на пальцах...
 Ей белых лебедей в рай стеречь
 пришлось, —
 Нагрудник жемчугом расшит
 на райских пяльцах.

И осторожно страсть покинет берега, —
 Глаза открой, и, сбросив покрывало,
 Увидишь пальцы... Слово жемчуга.
 Целуй все десять, и опять сначала.

(Перевод О. Ивинской)

Совсем иную интонацию, иные поэтические ассоциации, иной строй встречаем мы в стихотворном посвящении Георгию Леонидзе:

Твои стихи — быки, чей бег неистов,
 А сердце — словно самородок чистый,
 Твоя душа — весенний гимн лучистый,
 И жив навеки братский наш союз.

Твои мечты тебя влекут к Тамаре,
 Твое лицо — как огненный Лашари,
 Ты любишь пламя древних зорь и зарев,
 С тобою я в Кахетию умчусь...

(Перевод А. Старостина)

Оригинальный поэтический талант Паоло Иашвили своеобразно проявился в цикле «Дариановских стихов», который, можно сказать, представляет собой редчайший пример лирического преображения в новейшей грузинской поэзии.

Паоло Иашвили создал блистательную поэтическую мистификацию, привлекательную легенду о молодой мечтательной женщине-грузинке. В изысканных образах воспроизвел он ее интимный мир, тайный трепет ее души, ее страсти, ее печаль и мечты.

Правда, на некоторых стихотворениях этого цикла приметен отпечаток модернистских настроений, своеобразной стилизации, но большинство этих лирических шедевров до сих пор привлекают живостью чувств и блестящим поэтическим артистизмом.

Среди них встречаются такие строки, которые по музыкальности стиха, эвфонии представляют собой подлинное чудо чужины грузинской лирики XX столетия.

С изумительной точностью, внутренним благородством и целомудрием воссозданы в этих стихотворениях переживания молодой влюбленной женщины, переменчивость ее настроений, ее истинно женская, исключительно чувствительная природа. Каждая эмоциональная гамма здесь обладает своими богатыми внутренними нюансами.

Паоло Иашвили был поэтом от рождения, с самой юности «одержимый поэтическим вдохновением», страстью творчества.

Единоборство со словом принесило ему огромное счастье, и он безудержно, со всею щедростью делился им.

С привлекательной легкостью, свободно, как бы между прочим нес он нелегкое бремя поэта, но для него не чужды были и тяжкие минуты душевных кризисов, те великие муки, о которых он поведал читателю в своем знаменитом стихотворении «Поэзия».

В стихотворениях Паоло Иашвили, созданных в пору творческой зрелости, эти мотивы личного несчастья, бесприютности, обреченности почти окончательно развеялись и исчезли.

Жизнь раскрылась перед его глазами под новым углом, и его поэтическое вдохновение также открыло для себя совершенно иной, здоровый, чистый источник.

Всем сердцем слившийся с родиной, поэт почувствовал огромную радость и огромное облегчение от возвращения на родную почву.

В стихотворении «Стол — Парнас мой» с неповторимой непосредственностью, ясностью, блестящей поэтической выразительностью воплотилось это светлое чувство:

Будто письма пишу, будто это игра,
 Вдруг идет как по маслу работа.
 Будто слово — это взлет голубей
 со двора,
 А слова — это тень их полета.

Пальцем такт колотя, все, что видел
 вчера,
 Я в тетрадке свожу воедино,
 И поет, заливаясь кончик пера,
 Расщепляется клюв соловьиный.

(Перевод Б. Пастернака)

Настоящий поэт сам творит свою биографию, в памяти потомков он остается своими стихами, в окружении художественных образов, созданных им же самим. Житейские мелочи уносятся временем, и остается лишь главное, существенное, то, что поэт выплеснул

на бумагу, во что вдохнул душу на вечную жизнь.

Но личная судьба все же придает особую окраску его творческой личности. Геронтий Кикодзе в своих воспоминаниях пишет: «Этот человек, который больше всего на свете любил освещенные люстрами залы, бурлящую аплодисментами аудиторию, блестящие банкеты и артистические кафе, в последний год своей жизни оказался в уединении».

Для того чтобы понять, что произошло в его сознании в то время, достаточно перечитать стихотворение, присланное из Москвы в 1934 году поэту Колау Надирадзе:

Я Пушкина стихи переводил,
Тосковались чередой его творений строки...
Но выхода в тиши не находил:
«Ты одинок, и будешь одиноким!».
Искал спасенье в строках вечных книг,
И тщетно все. И вновь, во тьме глубокой,
Сквозь одеяло голос тот проник:
«Ты одинок, и будешь одиноким!».

В минуту одиночества он, должно быть, много раз вспоминал свое старое стихотворение:

Страна моя!..
И без тебя мне белый свет не люб,

Да, не меня в деревне ждут ребята..
Да, не меня ждет сотневетвый дуб...

В памяти поколений Паоло Иашвили останется подлинным рыцарем грузинской поэзии, останется своим чистым именем, великолепными стихами и такой же прекрасной личностью.

Заслуги поэта, его служение народу не забудутся. Его великий свет дошел до нас, навсегда найдя свое место в душе грузинского народа.

Стихи Паоло Иашвили превратились ныне в неотъемлемую частицу нашего народа, сегодняшней Грузии, Тбилиси, его земли и солнца.

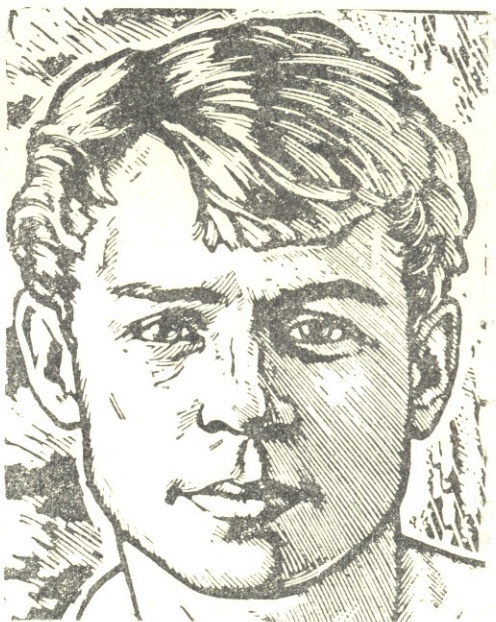
Осуществились мечта и предчувствие поэта:

К вершине Давида в смятенье
Взбежать бы тропой крутой,
И густь пред тобой на колени,
Тбилиси — мой сон золотой.
Ты радости неугомонной
Мне полную меру припас.
Звнящее небо бездонно,
И Солнце — что иконостас...
Ты стал для поэтов столицей,
И в многоголосность твою
Влюбленный, тебе я сторицей
Стихами за все воздаю.

(Перевод К. Арсеновой)

Валентина БАЛУАШВИЛИ

„Грузия меня очаровала...“

ГРУЗИЯ сыграла в творческой биографии С. Есенина немаловажную роль. И не только и не столько потому, что здесь, в Грузии, Есенин написал чуть ли не треть всех стихов последнего времени, в том числе 11 из 15 цикла «Персидские мотивы» и замечательную поэму «Анна Снегина». Но главным образом потому, что в этот период поэзия С. Есенина, окончательно выйдя из рамок интимной, личной лирики, обогатилась новыми темами, социальными и гражданскими мотивами, которые свидетельствовали о решительном переходе поэта в ряды строителей нового общества. Вместе с тем его художественная палитра приобрела новые свежие и яркие краски, стала по-южному сочной, разнообразной и, одновременно, более тонкой, мягкой, теплой. В жанровом отношении произведения данного периода отличаются большим многообразием. С. Есенин пишет поэмы, стихотворения, в том числе стихотворные послания, письма, а также экспромты-шутки.

Творческому подъему поэта способствовала окружающая его теплая и сердечная обстановка: искреннее участие, радушие, гостеприимство со стороны грузинских поэтов Т. Табидзе, П. Иашвили, Г. Леонидзе, В. Гаприндашвили, журналистов М. Лифшица, Н. Вержбицкого, Н. Стора, рабочих типографии «Заря Востока», любовно называвших поэта «Наш Сирожа», русских деятелей, живших в Грузии, в частности — Ильи Рыженко, писателя и художника, ветерана XI Красной Армии, с которым любил беседовать С. Есенин. Творческому подъему способствовала и атмосфера поэзии, которая, по воспоминаниям Н. Тихонова, была неотъемлемой чертой Тбилиси тех лет.

Все это восстанавливало душевное равновесие, располагало к раздумьям и творчеству. Вот откуда эти пылкие строки в письмах С. Есенина: «Работается и пишется дьявольски хорошо», «Я чувствую себя просветленным... Я понял, что такое поэзия», «Так много и легко пишется в жизни очень редко».

И еще: «На днях пришло Вам две новые книги... **хорошо жить в Советской России**». Это были не просто слова, а новое мироощущение поэта, результат его глубоких раздумий, философского осмысления места поэта в борьбе за будущее. Ибо на Кавказ С. Есенин приехал в переломный момент своего творчества. «Теперь года прошли. Я в возрасте ином. И чувствую, и мысляю по-другому», — писал он.

Действительно, пребывание за границей (май 1922—август 1923) породило у поэта сложный комплекс мыслей, чувств, впечатлений, дало ему возможность сравнить буржуазный Запад с жизнью молодой России и убедиться в целесообразности пути, избранного коммунистами. Отсюда его признание: «Я еще больше влюбился в коммунистическое строительство», страстное желание, высказанное здесь, на Кавказе:

Быть настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.

Отсюда и решительный поворот к темам современности, среди которых — темы революции и ее вождя Владимира Ильича Ленина, социалистического строительства, дружбы народов и литературы, тема будущего.

В этой связи интересно проследить не только то, что С. Есенин пишет в Грузии, но и в какой последовательности он публикует свои произведения в закавказской краевой газете «Заря Востока», что помещает в ней из написанного ранее.

Премечательно, что публикацию он начинает с большого эпического полотна — историко-революционной поэмы «Песнь о великом походе», написанной в июне—июле 1924 года. С глубоким сознанием того, что революционный переворот в Октябре был совершен народом и в интересах народа, с сочувствием к обездоленным массам, вырвавшимся на свободу, и восхищением мужеством и непреклонностью пролетариев-коммунистов (людей «в куртках кожаных»), с чувством острой ненависти к обреченному, но еще смертельно опасному врагу вел повествование Сергей Есенин. Вслед за «Песней» поэт публикует стихотворение «На Кавказе», а затем снова эпическое произведение — «Поэму о 36», посвященную подвигу борцов за революцию. В ней он приходит к заключению, что единственно верный путь в жизни — это революционная борьба за свободу и счастье народа.

Психологическая острота великих событий, связанных с революцией 1917 года, с особой силой и драматизмом раскрыта в стихотворении «Русь уходящая». Само название его говорило о

новом для Есенина мотиве трудного, мучительного преодоления в жизни того, что шло от убогой, уходящей Руси, — во имя нового, революционного. Это новое неудержимо врвалось в жизнь и мировоззрение поэта, увлекало его за собой.

Именно поэтому в другом стихотворении — «Русь бесприютная» С. Есенин страстно обрушивался на врагов Советской власти, стремившихся вернуть прежний строй, в том числе на монашеские общины. И делал это во имя сотен тысяч детей, сознавая, что они представляют будущее страны, ее цвет, ее гордость.

Поводом к написанию стихотворения послужило большое количество беспризорников осенью 1924 года в Тбилиси — они бежали сюда с севера, спасаясь от холодов и морозов.

«Стансы», «Русь уходящая», «Русь бесприютная», «Письмо к женщине», последовательно публиковавшиеся в газете «Заря Востока», еще более сближали С. Есенина с передовой пролетарской литературой. Поэзии «чистого» искусства он противопоставлял гражданскую, патриотическую лирику, призванную воспеть новую социалистическую Отчизну. Представителем именно такой лирики ощущал себя С. Есенин, заявляя в «Стансах» с присущей ему искренностью:

Хочу я быть певцом
И гражданином..

Покоряющее своей искренностью и лиризмом стихотворение «Письмо к женщине» убеждало, что автор его не только становится в шеренгу строителей нового («За знамя вольностей и светлого труда готов идти хоть до Ламанша»), но и осознает пути движения к социализму. Поэт понимает теперь, что в то время, как он «себя растрачивал в скандалах», рулевой уверенно вел страну-корабль вперед «за новой жизнью, новой славой». И поэт восторженно приветствует вождя:

И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Так в творчестве Сергея Есенина утверждается новая тема — тема Ленина как руководителя партии и народа.

В стихотворении «Капитан земли», написанном в Батуми накануне первой годовщины смерти В. И. Ленина, поэт как бы раскрывает символику «Письма к женщине», прямо говоря о том, что «скромный мальчик из Симбирска стал рулевым своей страны». Ленин — мудр, зная пути освобождения народов, он силен, так как за ним идут миллионы людей, и в то же время прост и по-человечески обаятелен. Эти мысли,

впервые высказанные в отрывке «Ленин» из поэмы «Гуляй-поле», звучат и в «Капитане земли». Лирический герой стихотворения — человек, искренне и горячо преданный Ленину, твердо убежденный в правоте его дела:

Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Стихотворение «Капитан земли» интересно постановкой еще одной новой темы в творчестве поэта — темы будущего, за которое необходимо бороться, которое следует приближать неустанным трудом. Эта тема проходит лейтмотивом и в стихотворном послании Есенина матери — «Ответ»:

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот — у пера.

Светом будущего озаряется настоящее, и у поэта рождаются вдохновенные строки, которые служат ключом к раскрытию замысла поэмы «Анна Снегина»:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.

Человек с большой буквы в поэме — это и один из тех, кто, не жалея сил и жизни, боролся за освобождение и счастье народа, — Оглоблин Прон; и шестнадцатилетняя девушка «в белой накидке» Анна Снегина, олицетворяющая чистоту и целомудрие юности; и, наконец, сам лирический герой поэмы, разделяющий думы и чаяния масс, благородный и отзывчивый. Именно благодаря своей высокой человечности они становятся необычайно близки и дороги читателю.

Главный пафос поэмы — это пафос жизнеутверждения, который сказывается в решении как эпической, так и лирической тем. Оптимистическая концовка эпической темы: дело, за которое боролись и отдали жизнь такие скромные, незаметные люди, как Прон, — торжествует. Мощь Страны Советов признает даже эмигрировавшая за границу Анна Снегина: «Теперь там достигли силы». Лирическая тема первой, неразделенной (так казалось поначалу поэту) любви также разрешается благодаря признанию Снегиной в том, что поэт был ей не безразличен, в мажорном тоне:

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Грузинские поэты, которым первым довелось услышать чтение поэмы С. Есениным по возвращении его из Батуми, были от нее в восторге.

Им, своим друзьям, посвятил С. Есенин стихотворение «Поэтам Грузии». В несколько приподнятом, торжественном стиле, удивительно сочетающемся с душевностью, проникновенным лиризмом, С. Есенин обращался к ним:

Поэты Грузии!
Я нынче вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час.

Начиная интимный разговор с друзьями, поэт постепенно переходил к новой в его творчестве большой и важной теме — теме интернационализма, поэтически воплощая наброски, сделанные им на обороте чернового автографа стихотворения «На Кавказе»: «...дайте нам смычку поэтов всех народностей. Мы будем об этом писать и говорить еще не раз»:

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови...

Мысль о том, что в равноправном союзе социалистических республик каждый народ развивает свою национальную культуру, торжествующим аккордом прозвучала в конце стихотворения:

...каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк по-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечим...

Первыми, кому С. Есенин прочитал это стихотворение, были Тициан Табидзе и его жена Нина Александровна. Вспоминая об этом, Нина Александровна рассказывала: «Еще до того, как Сережа поселился у нас, он пришел к нам как-то часов в 12 ночи и принес Тициану стихотворение «Поэтам Грузии». Он сказал, что у него не было чернил и поэтому он написал стихотворение кровью».

Таковы были те новые темы и мотивы творчества С. Есенина в период пребывания в Грузии, которые со всей очевидностью отразили идейный перелом в сознании передовой русской интеллигенции, ее окончательный переход на путь служения Советской власти, советскому народу.

Конечно, происходило это не вдруг, не сразу и не легко. Тициан Табидзе вспоминал: «Здесь, в Тифлисе, на наших глазах писались эти мучительные

стихотворные послания: «К матери», «К сестре», «К деду» и их вообразаемые ответы». Грузинский поэт подчеркивал, что Есенину пришлось «много передумать, в нем происходила сильная борьба за окончательное поэтическое самоутверждение».

В период пребывания С. Есенина в Грузии его лирика становится не только более зрелой идейно, но и достигает вершин художественного мастерства.

Обогащение эмоционального и художественного мира новыми красками, образностью, интонациями, ритмами шло, прежде всего, от окружающей действительности, природы. С особенной силой оно выявилось в стихотворениях, написанных в Батуми, в том числе в цикле «Персидские мотивы».

Необъятная синь моря, волшебство красок на закате, южные лунные ночи, пышная растительность и обилие цветов на Черноморском побережье поразили воображение Сергея Есенина. Это не замедлило сказаться на его поэзии: она насытилась новой образностью, новыми красками, озарилась светом и солнцем. Поэт испытывает, например, небывалую радость от того, что под ногами «пригоршнями водяных горошин плещет черноморская волна» и, «как лампы с абажуром, светятся медузы из воды». Не случайно в одном из писем Г. Бениславской (20 декабря 1924 г.) С. Есенин писал: «Днем, когда солнышко, я оживаю. Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожая отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре».

Прозрачно-голубое небо над Батуми, отраженное морским простором, вызывает у него представление о «голубой родине Фирдуси», о «голубой да веселой стране», о глазах девушки, в которых поэту видится «море, полыхающее голубым огнем».

Голубой цвет в поэзии С. Есенина становится как бы гуще, сочнее от того, что условно-символическое понятие здесь сочетается с конкретным, зрительным. Но палитра художника содержит и иные цвета: золотой, желтый, сиреневый, красный...

Произведения, написанные в Батуми, как бы наполнены ароматом роз, олеандра, гвоздики, резеды, левкоя. Цветы эти органически влетают в С. Есениным в поэтическую ткань многих стихотворений. Не довольствуясь одним лишь упоминанием их, С. Есенин посвящает им поэму «Цветы», лейтмотив которой — «А люди разве не цветы?» — где-то перекликается с горьковским: «Человек — это звучит гордо!». Может быть, именно поэтому произведение так нравилось самому С. Есенину: «Это, пожалуй, лучше всего, что я написал».

В цикле «Персидские мотивы» точность и изящество поэтического языка

становятся средством передачи тончайших движений души поэта, Иванов его чувств и настроений.

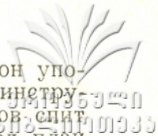
Сам по себе цикл «Персидские мотивы» — явление совершенно новое в творчестве очень русского поэта. Певец «голубой Руси», чьи произведения отражали красоту и характерные оттенки северной природы, выступает здесь певцом совершенно иного, «шафранного» края. В цикле отразились и южные впечатления поэта, и увлечение поэзией восточных классиков — Саади, Омара Хайяма, Фирдоуси, имена которых часто встречаются в стихотворениях, и личные встречи поэта, в частности с молодой учительницей Шаганэ Терьян, чье имя сделалось у поэта собирательным при изображении восточных женщин, и, наконец, чтение произведений И. Бунина, с томиком которого он не расставался в Батуми. С. Есенина восхищала его четкая, рельефная, конкретно-осязаемая пластическая изобразительность в описании природы и человека, нравились ритмы стихотворений.

Основная тема цикла — история душевных исканий лирического героя, мечтающего о духовном обновлении, любви и счастье в «шафранном краю», на родине Фирдоуси, но убеждающегося, что безмятежное счастье не является уделом поэта.

Для стихотворений цикла характерна новая мелодика, напевная музыкальность, причудливое переплетение различных тональностей — русских и восточных. Видимо, не без воздействия И. Бунина, чье стихотворение «Я простая девка на баштане» так нравилось, по воспоминаниям Н. Стора, С. Есенину, обращается он к пятистопному хорею в стихотворениях «Я спросил сегодня у менялы», «Никогда я не был на Босфоре» и др. По-новому звучит в его лирике анапест в стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..». Часто поэт использует свойственные восточной поэзии пятистишия с чеканной рифмой, с повторяющейся первой и пятой строкой — «Голубая родина Фирдуси», «Воздух прозрачный и синий» и др.

Произведения и письма С. Есенина конца 1924 — начала 1925 года отразили знакомство поэта с грузинским искусством, природой, национальными традициями, его большую и искреннюю любовь к Грузии.

Благодаря Т. Табидзе, страстному поклоннику поэзии Важа Пшавела, С. Есенин познакомился с произведениями Певца Гор. Тициан — вспоминает Г. Леонидзе — читал стихи Важа Пшавела по-грузински и тут же построчно их переводил. С. Есенин восторгался открывавшимся ему родником истинной поэзии. Он «волновался, метался, не находил себе места... Он был рад совпадению своего и Важа отношения к

«природе» и намеревался заняться переводом его стихотворений.

Не меньший интерес проявлял С. Есенин и к творчеству современных грузинских поэтов, с удовольствием слушал их стихотворения. Очень нравилось ему, как вспоминает писательница и переводчица Е. Ф. Бакрадзе-Картвелишвили, одно из ранних произведений Паоло Иашвили «Письмо к матери» (1916). Созвучное по лейтмотиву и жанру стихотворению С. Есенина «Письмо к матери», оно отличалось своеобразным национальным колоритом, неповторимым лирическим настроением, свойственным именно грузинскому поэту:

Покидая Тбилиси,
Вспомнив горные выси,
Напишу я родной:
Слаще нет колыбельной,
Что в любви беспредельной
Пела ты надо мной...

Полюбив грузинскую поэзию, С. Есенин несколько раз собирался приняться за ее переводы. Увлечение ею не могло так или иначе не сказаться на его творчестве. Можно предположить, что не без воздействия грузинской поэзии так «сдержанны и изысканны» стихотворения о любви в цикле «Персидские мотивы», так тонко выражена в них внутренняя чистота чувства.

В одно из стихотворений цикла «Персидские мотивы» органично вплетаются необычные для художественного мира С. Есенина образы розы и соловья, о которых вот уже много лет слагают на Востоке, в Грузии в частности, стихи и песни.

Вполне возможно, что в стихотворении «Голубая да веселая страна» С. Есенин, говоря о песне, которая находит горячий отклик в его сердце, имел в виду грузинскую народную песню «Сулико». Образы соловья и розы, рефреном повторяющаяся строка «Слышишь, розу кличет соловей?», ритм, музыкальное созвучие сближают стихотворение С. Есенина и песню на слова А. Церетели. Вот хотя бы наудачу взятые строки.

В переводе, близком к тексту, который мог быть известен С. Есенину:

И цветок невиданной красоты
В знак согласия голову склонил...

У С. Есенина:

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется...

Традиционный грузинский образ — «кизилловый сок» в смысле живительной «силы» поэт использует в стихотворении «На Кавказе»: «Ты научи мой русский стих кизилловым струнться соком».

С грузинской музыкой Есенин познакомился, очевидно, в первые же дни пребывания в Тбилиси, потому что уже

в стихотворении «На Кавказе» он упоминает народные музыкальные инструменты — зурну и тари: Грибоедов пишет «в подножии большой горы» «под плач зурны и тари». Из грузинских песен, судя по воспоминаниям Георгия Леонидзе, С. Есенину особенно полюбились «Урмули» и «Оровела». Любил он подтягивать и «Мравалхамьер».

С. Есенин с удовольствием бродил с друзьями по Тбилиси и его окрестностям. Часто поднимался на могилу Грибоедова, а оттуда — на плато горы Мтацминда. Особенно ему нравилось смотреть с горы ночью. «Город, как чаша со звездами», — говорил он друзьям. В окрестностях Тбилиси его восхищали горы, с которых можно было всматриваться в глухие дали, гортанный шум потоков и диких речек; он полюбил «грузинские кремнистые дороги» и быструю, торопливую Куру. Не случайно, говоря в стихотворении «Поэтам Грузии» о своей большой любви к «товарищам по чувству, по перу», он использует сравнение именно с Курой:

Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Уезжая из Тбилиси, Сергей Есенин «обещал приехать очень скоро». «Так я свьязся с вами, с Тифлисом, с Грузией, что заест тоска, если скоро не вернусь».

По приезде в Москву С. Есенин очень часто вспоминал дни своего пребывания в Грузии, говорил, что «зима в Тбилиси навсегда останется для него лучшим воспоминанием, хвалился, что Кавказ исправил его, выглядел он очень хорошо» (З. В. Наседкин). Вновь собираясь ехать в Тбилиси, С. Есенин написал 20 марта 1925 года письмо Т. Табидзе. В нем были строки: «Милый друг Тицян! Вот я и в Москве. Обработан страшно, что вижу своих друзей, и вспоминаю и рассказываю им о Тифлисе... Грузия меня очаровала. Как только вышло накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качу обратно к вам...».

24 марта в письме к В. И. Эрлиху сообщал: «Я еду в Тифлис, буду редактировать литературное приложение...» 27 марта — Н. Н. Накорякову: «Я уезжаю на Кавказ, возможно, надолго». Летом того же года Н. Вержбицкому: «... хочу бежать. Куда? На Кавказ! До реву хочется к тебе, в твою тихую обитель на Коджорской, к друзьям».

К сожалению, вторая поездка в Грузию не состоялась. И, мне кажется, прав был Николай Семенович Тихонов, когда, выступая на вечере поэзии Т. Табидзе в Ленинграде 21 марта 1937 года, сказал о С. Есенине: «Если бы он остался в Грузии в трудный период своей жизни... может быть, не было бы того, что было».

Выполняя

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

К ВОПРОСУ ОБ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1911 ГОДОВ И УЧАСТИИ В НЕИ ЗАКАВКАЗСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ИРАНСКАЯ революция 1905—1911 годов известна в историографии как конституционное движение иранского народа. Хотя оно и не повлекло за собой больших социальных перемен, результатом его явилось ограничение власти абсолютизма меджлисом, действующим и поныне и по существу своему являющимся органом, аналогичным Государственной Думе бывшей царской империи.

Это движение иранского народа в достаточной степени изучено и освещено в трудах советских историков-востоковедов, а также иранских и других зарубежных ученых. Однако некоторые спорные вопросы иранской революции продолжают оставаться предметом исследования и по сей день.

Среди других, в частности, следует уточнить, приезжал ли на заработки в Закавказье и являлся ли членом тбилисской организации «Гуммет» вождем иранской революции Сатар-хан. До сих пор господствовало мнение, что он был в Закавказье. Здесь он якобы приобщился к революционным идеям, принимал участие в выступлениях бакинских рабочих и, возвратившись на родину, возглавил борьбу иранцев против деспотического режима аха-узурпатора.

Эта версия профессора М. С. Иванова получила довольно широкое распространение. И я тоже придерживался ее в своем очерке о журналистской деятельности С. Орджоникидзе.

Но как выясняется сейчас, Сатар-хан никогда не был в Закавказье. В книге злейшего врага иранской революции Ибрагима Сафаи «Вожди конституционного движения», где все, имеющее отношение к этому движению, охвачено, на двадцати пяти страницах изложена биография Сатар-хана и при этом ни одним словом не упоминается о его пребывании в Закавказье¹. И Ахмад Касрави, самый объективный и добросовестный из иранских историков, говоря о вожде иранской революции, не подтверждает мнения о его пребывании в Закавказье. Он пишет, что до иранской революции Сатар вел партизанскую борьбу против шахских властей и местных феодалов, сидел в тюрьме, а в последние годы занимался продажей лошадей в Тавризе². Выдающийся советский иранист Н. К. Белова в своей статье «Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX—начале XX века» прямо указывает, что Сатар-хан не работал в Закавказье, как приписывало ему это телеграфное агентство Санкт-Петербурга (видимо, отсюда берет начало

¹ Ибрагим Сафаи. Вожди конституционного движения, т. I, с. 387—412.

² Ахмад Касрави. История иранского конституционного движения, т. 2, с. 280.

эта версия. — А. К.); но, по ее же утверждению, он был близок к тем людям, которые уходили на заработки³. В другой своей статье «Сатар-хан и остальные вожди тавризского восстания 1908—1909 гг.» Н. К. Белова отмечает, что после опубликования «Русскими ведомостями» в 1908 году в номере шестнадцатом биографии Сатар-хана, где содержалось упоминание о его деятельности в организации «Гуммет», в том же 1908 году в декабре газета «Вестник Баку» напечатала статью Г. Петровича, опровергающую этот факт биографии Сатара⁴. Г. Петрович пишет, что Сатар-хан никогда не приезжал в Закавказье на заработки и не работал в Баку; это полностью подтверждается воспоминаниями участников иранской революции, некоторыми архивными материалами и трудами таких иранских авторов, как А. Касрави, Г. Фарзада, К. Тахир-заде, М. Моджтахеда и И. Амир-Хизи. В частности, И. Амир-Хизи, который во время тавризского восстания исполнял обязанности секретаря Сатара и является автором наиболее полной биографии последнего, в книге «Азербайджанское восстание и Сатар-хан» со всей определенностью заявляет, что пребывание Сатара в Закавказье — выдумка. Да и дочь Сатара Ханум Сатган Сатар в своей книге «Мой отец Сатар-хан» ничего не говорит о его пребывании в Закавказье. И газета «Али» в статье, посвященной Сатару и подписанной «Гурджи», умалчивает об этом факте⁵.

З. З. Абдуллаев в рецензии на книгу М. С. Иванова «Иранская революция 1905—1911 гг.», опубликованной в журнале «Советское востоковедение», упрекает последнего в том, что он некритично отнесся к сведениям «Московских ведомостей» и способствовал распространению мнения о том, что Сатар якобы жил и работал в Закавказье, в то время как тогдашняя бакинская газета «Вестник Баку» категорически отрицала факт пребывания Сатара в этом городе. «Очевидцы тавризских событий А. Касрави и Виджей, — замечает рецензент, — в своих трудах не говорят о том, что Сатар бывал в Закавказье, — и заключают, — это свидетельство более авторитетный источник, чем «Русские ведомости»⁶.

Сам же М. С. Иванов, ссылаясь на «Русские ведомости», пишет, что окончательное решение вопроса о пребывании Сатара в Закавказье, в частности в Баку, возможно лишь в том случае, если будут обнаружены дополнительные бесспорные сведения о жизни Сатара в период, предшествовавший иранской революции 1905—1911 годов.

Как видим, даже автор версии о пребывании Сатара в Закавказье относительно категоричен в своем мнении. Ряд исследователей, в том числе и автор этих строк, приняли гипотезу за истину, исходя из того, что вряд ли необразованный Сатар мог стать во главе революционного восстания, не получив революционной закалки в Закавказье, в частности в Баку. Эта мысль напрашивалась сама собой и легко могла ввести в заблуждение. Однако, как показали факты, дело обстояло не так.

Другой вопрос, вокруг которого возникли споры в последнее время, касается оценки личности участника иранской революции дашнака Ефрема Давидянца. Как известно, Ефрем со своим отрядом принимал активное участие во взятии городов Решт, Казвин, Тегеран, а после установления конституционного строя занял пост начальника полиции и стал Ефрем-ханом. В свое время С. Орджоникидзе дал соответствующую оценку этому его поступку. В памфлете «Социалистический хан» он жестоко высмеял Ефрема: «Если дашнакшюны имеют смелость называть себя социалистической партией, то кто же хан Ефрем Давидянец? Чудо XX столетия — социалистический хан?! Единый в двух лицах — начальник полиции и социалист? Неужели не краснеете? А ведь социалисты с омерзением произносят слово полиция!»⁷.

Показная революционность этого человека не подлежит сомнению. Только в корыстных целях, из определенных карьеристских соображений Ефрем Давидянец примкнул к движению народа, измученного шахским режимом. Такого же мнения придерживается и профессор М. С. Иванов в своих очерках по истории Ирана.

Однако совершенно иной точки зрения придерживаются иранские историки Ибрагим Сафай и Ахмад Касрави. Они дают высокую оценку роли Ефрема в иранской революции.

Старший научный сотрудник Института истории АН Армянской ССР кандидат исторических наук Г. С. Арутюнянц, охарактеризовавший Ефрема в своем труде «Иранская революция 1905—1911 гг. и закавказские большевики», подоб-

³ Н. К. Белова, упом. статья, журн. «Вопросы истории», 1956, № 10, с. 112.

⁴ «Вестник Баку», 1908, № 18, 20-ХІІ.

⁵ «Али», 1910, № 2, ХІ.

⁶ З. З. Абдуллаев, упом. статья, журнал «Советское востоковедение», 1958, № 5, с. 163—166.

⁷ И. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе, с. 76—77.

но С. Орджоникидзе и М. С. Иванову, утверждает теперь, что допустил ошибку в оценке деятельности Ефрема Давидянца, считая его типичной для своего времени фигурой деятеля буржуазно-демократического толка.

Согласиться с подобным толкованием нельзя, ибо истинный революционер до конца остается непримиримым борцом.

Третье спорное положение связано с установлением личности автора очерков, печатавшихся на страницах газеты «Ахали схиви» с 6 февраля по 17 марта 1910 года и подписанных псевдонимом «Гурджи Серго».

В ходе исследования журналистской деятельности С. Орджоникидзе эти очерки были приписаны мной его перу. Дело в том, что в то же время в грузинских легальных газетах социал-демократического направления печатались статьи и корреспонденции Серго Орджоникидзе из Ирана, подписанные Серго Клдиспирели и Серго Клдисдзирели.

Языково-стилистический анализ корреспонденций С. Орджоникидзе из очерков, подписанных «Гурджи Серго», а также сообщение о том, что среди ранних литературных псевдонимов С. Орджоникидзе встречается и «Гурджи Серго»⁸, натолкнул на мысль о принадлежности их Серго.

Г. С. Чипашвили считает автором очерков «Из истории иранского движения» участника иранской революции Серго Гамдлишвили⁹. В качестве аргумента он приводит то обстоятельство, что очерки написаны от первого лица и представляют собой дневник участника революции, в которой С. Орджоникидзе не принимал участия. При этом Г. С. Чипашвили ссылается на участников иранской революции Аполлона Джапаридзе и брата Серго Гамдлишвили Ясона, утверждавших, будто очерки эти написаны Серго Гамдлишвили.

Это возражение мне представляется несостоятельным, так как Серго Орджоникидзе приехал в Иран осенью 1909 года и оставался там в течение целого года, а этого времени было вполне достаточно, чтобы разобратся в обстановке в стране и подготовить «глубокие, живо и темпераментно написанные статьи и очерки»¹⁰. Думается, что журналист-литератор типа С. Орджоникидзе вполне мог написать и о тех событиях, в которых сам не принимал участия. Кстати, тому немало примеров и в литературе, и в журналистике.

В связи с этим мне вспоминается диалог между Максимом Горьким и Семеном Михайловичем Буденным. В газете «Правда» от 26 октября 1928 года было опубликовано письмо последнего к великому пролетарскому писателю относительно произведения И. Бабеля «Конармия», в котором он резко осуждал автора, якобы неправильно изобразившего события, утверждая, что Бабель и не мог отобразить их вполне достоверно, так как «плелся где-то в хвосте, т. е. не был непосредственным участником описанных им событий». В «Правде» от 27 ноября того же года помещен ответ М. Горького, суть которого в том, что повару нет необходимости сидеть в кастрюле, чтобы сварить суп, что автор «Войны и мира» не принимал участия в войне с Наполеоном, а Гоголь не был запорожцем.

Очевидно, хорошему писателю не обязательно быть непосредственным зрителем или участником событий, о которых он пишет, и, следовательно, Серго Орджоникидзе вполне мог быть автором этих очерков. Но, допустим, не он их написал. Тогда кто же? Серго Гамдлишвили? Но документов, подтверждающих его авторство, нет.

Георгий Чипашвили называет имена Аполлона Джапаридзе и Ясона Гамдлишвили, которые якобы подтвердили ему, что очерки принадлежат перу Серго Гамдлишвили. Однако в беседе со мной ни один из них не смог назвать газеты, в которой эти очерки печатались. Когда же мной была названа газета «Ахали схиви», они признали, что вообще не слыхали о существовании таковой.

Вряд ли подобное свидетельство можно расценивать как убедительный аргумент, так же как и письмо брата Серго Орджоникидзе Константина Константиновича, адресованное автору этих строк, где он, также не указывая, где печатались эти очерки, утверждает, что они принадлежат его брату.

В процессе изучения журналистской деятельности Серго Орджоникидзе мне довелось проследить всю историю иранской революции, не раз встречаться и беседовать по данному вопросу с участниками революционной борьбы в Иране Аполлоном Джапаридзе, Давидом Джапаридзе, а также Михаилом Богдановым-Марьяжким. Ни один из них не смог ответить на вопрос, кто скрывался под псевдонимом «Гурджи Серго». Они не называли ни С. Орджоникидзе, ни С. Гамдлишвили.

⁸ См.: И. Дубинский-Мухадзе. Орджоникидзе.

⁹ См. статью «Кто был Гурджи Серго?», журнал «Дроша», 1969, № 10.

¹⁰ Г. К. Орджоникидзе (Серго). Биография, М., 1962, с. 41.

Таким образом, вопрос этот остается открытым и требует дальнейшего исследования.

А теперь кратко о революционных событиях в Иране 1905—1911 годов. В 1905 году, когда силы реакции перешли в наступление, судьба иранской революции оказалась под угрозой. Именно в этот момент иранские революционеры обратились за помощью к революционным организациям Закавказья, которые немедленно протянули руку помощи своим классовым собратьям. Бакинский, Тифлисский и Батумский комитеты Кавказского союзного комитета РСДРП начали собирать добровольцев для помощи иранскому народу. Среди этих добровольцев большинство составляли большевики, а по национальному признаку — грузины, из-за чего всех закавказцев называли «гурджи». Через добровольцев восставшему Ирану переправляли оружие, боеприпасы, материальные средства, собранные среди членов партии, а в самом Иране была оборудована мастерская по производству бомб.

Может возникнуть вопрос: почему грузины и представители других народов Кавказа, например армяне, отправились на помощь к своим историческим врагам — иранцам?

Большинство из них были марксистами-ленинцами, пролетарскими интернационалистами, которым чужда национальная рознь.

Национальный вопрос имеет двойное решение — революционное, классово-пролетарское, основанное на марксистско-ленинском учении, и буржуазное.

Первое предполагает полную солидарность и братство между народами и нациями, исключая привилегированное положение какой-либо из них, то есть утверждает равноправие больших и малых народов, их независимость, право на самоопределение. Второе же — буржуазное — принципиально противоположно марксистско-ленинскому пониманию данного вопроса. Это теория завоевания, порабощения малых народов силой оружия; она сеет межнациональную рознь и порождает империалистические войны.

Классическим примером марксистско-ленинского решения национального вопроса, его практического воплощения является созданное великим Лениным первое в мире социалистическое государство, где осуществлены и утверждены конституцией полная свобода, равенство и независимость всех больших и малых народов нашей многонациональной страны. Советский Союз — образец ленинского решения национального вопроса, такого решения, какое невозможно в буржуазном мире. В нашей стране достоинство и независимость нации охраняются законом.

Ленинское решение национального вопроса обеспечило небывалый доселе подъем экономики и культуры всех народов и народностей страны, каждый из которых участвует в строительстве коммунизма. Великая Октябрьская социалистическая революция сплотила народы, дала им возможность выйти на широкую творческую дорогу, тогда как царизм всячески угнетал и подавлял малые народы, сеял между ними рознь и вражду, чтобы окончательно поработить их.

Советский строй, самая революционная партия в мире — ленинская Коммунистическая партия Советского Союза — создали все предпосылки для того, чтобы братская дружба советских народов стала неприспугнутой твердыней, выдержавшей все испытания и блестяще сдавшей экзамен на прочность в условиях тяжелых исторических потрясений.

Более полувека насчитывает дружба советских народов. Сбылось предвидение великого Ленина, который подчеркивал, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общения» (ПСС, т. 26, с. 40). Как отмечалось на XXIV съезде КПСС, у нас утвердилась, стала реальной действительностью новая историческая общность людей — советский народ¹¹.

Воспитанные на идеях марксизма-ленинизма революционеры-интернационалисты — грузины и представители других народов Кавказа семьдесят лет назад горячо откликнулись на призыв своей революционной партии, партии большевиков, и отправились в Иран для участия в революционной борьбе. Это был их интернациональный долг, хотя они сознавали, что многие из них падут жертвами в национально-освободительной борьбе. Оказание помощи своим классовым братьям явилось выражением подлинного интернационализма трудящихся, образцом пролетарского, ленинского понимания национального вопроса.

И трудовой Иран знал, что грузины, как и представители других народов Кавказа, пришли к ним не с враждебными целями, а для помощи угнетенному народу в его борьбе с феодализмом. В этом отношении крайне характерен тот очерк Гурджи Серго, где описаны похороны погибшего в боях Шалвы Долидзе.

«29 января (1908) хоронили Шалву Долидзе. Все европейцы, которые только находились в Реште, вышли на улицы... Иранцы были весьма заинтересованы

¹¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4, с. 57.

тем, что убитый был грузином. В 12 часов гроб с телом покойного вынесли и поставили на лафет пушки. На трибуну поднялся известный оратор Кемсая, который произнес глубоко прочувствованную речь:

— Иранцы! За свободу Ирана погиб сын Иверии, которую мы плохо знаем. Мы все считаем гурджей нашими врагами. Но вот вы сами видите, что ^{и отныне} ханский лежжит перед вами. Это грузин Шалва, сын Гурджистана. ^{и отныне} Мы еще раз должны убедиться, что если у нашего родного Ирана много врагов, то и друзей у него вполне достаточно. Наши друзья — народ Гурджистана, и поймите, что отныне никакая сила и зависть не смогут поколебать дружбу между иранцами и Грузией, и свободный Иран воздаст должные почести сынам Гурджистана».

Эти слова иранского оратора полностью оправдались в наши дни. Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила отношения между народами. Добрососедские отношения сложились у нашей страны и с Ираном; былые распри и вражда отошли в прошлое.

События, из-за которых грузины и другие кавказцы оказались в Иране, разворачивались так. Первая русская революция 1905 года мощным эхом отозвалась во всем мире. Она подняла на борьбу с угнетателями и народы Востока. Особенно сильным это движение было в Иране, где оно продолжалось вплоть до 1911 года и окончилось ограничением шахской власти, принятием конституции.

Эта конституция, правда, оказалась кучей, но она полностью удовлетворила буржуазию, священнослужителей и крупных феодалов. Что же касается трудящихся, главной движущей силы революции, им конституция не принесла существенных перемен: они остались такими же бесправными и обманутыми. Короче, здесь произошло то, что было характерно для всех буржуазно-демократических революций.

Поэтому многие историки называют это движение иранского народа чаще конституционным, чем революционным. И это справедливо.

Восстание началось со стихийных митингов протеста и демонстраций против шахского режима в Тегеране и других городах Ирана в декабре 1905 года. В них наряду с трудовыми элементами участвовали и представители привилегированных классов — торговцы, священнослужители, ремесленники, недовольные деспотическим режимом шаха Мозафар-Эдина Каджара. Напуганный мощной волной протеста, шах 5 августа 1905 года объявил конституцию и приказал в августе же созвать меджлис (парламент). Одновременно началось создание местных народно-демократических органов — энджеменов.

Но вскоре (в январе 1907 г.) престарелый Мозафар-Эдин скончался. Трон наследовал его сын Мохаммед-Али.

Новый шах, напуганный развивающимся революционным движением, решил в свою очередь подавить его силой и упразднить конституцию. Подобно русскому императору, Мохаммед-Али располагал верной трону бригадой казаков, которую на русский лад пестовал полковник Ляхов вместе с царскими офицерами Перебийносковым, Блазновым и Ушаковым. Именно эти силы в июле 1908 года шах и бросил на меджлис. Часть членов меджлиса была уничтожена, а остальные подвергнуты гонениям.

Все это вызвало народные волнения. Революционное восстание на этот раз вспыхнуло в Тавризе, центре иранского Азербайджана, и Реште. Тавризскому восстанию в определенной степени благоприятствовала близость этой провинции к Закавказью, и в частности к пролетарскому Баку, куда в ту пору стекалось на заработки множество немущих иранцев. Они, естественно, попадали в орбиту местного революционного движения, участвовали в революционных выступлениях, записывались в революционные кружки («Гуммет», «Адалиат»), набирались революционных, социал-демократических идей и по возвращении домой распространяли их среди своих соотечественников.

Это, несомненно, сыграло свою роль в ходе Тавризского восстания, вспыхнувшего сразу же после разгрома первого меджлиса. Его возглавили выдающиеся сыны иранского народа Сатар-хан — «избранный народом», как он себя называл, и его единомышленник и собрат по оружию Багир-хан. Оба были выходцами из простонародья.

Сатар-хан еще раньше принял революционное крещение: с небольшим отрядом он вел партизанскую борьбу против шахских властей. Багир-хан, каменщик, проявил в этой борьбе определенные способности полководца. Оба пользовались большой популярностью, авторитетом и любовью среди широких трудящихся масс, что, в частности, выразилось, помимо всего, в прозвищах «вождь народа» и «военачальник народа», которыми были удостоены Сатар-хан и Багир-хан.

Б. И. Ленин называл Сатара «вождем иранской революции», в буржуазных же кругах его окрестили «персидским Гарибальди» и «азербайджанским Пугачевым».

Когда в Тавризском восстании наступил критический момент (шах бросил все силы на подавление мятежа, и город оказался во вражеском окружении), иранские революционеры обратились к революционерам Закавказья с просьбой о помощи.

«Общеизвестно, что революция 1905—1911 годов в Иране возникла и протекала под воздействием разразившихся в Закавказье революционных событий, — пишет кандидат исторических наук М. Агаджанов в статье «Некоторые вопросы из истории тбилисской организации «Гуммет» в годы первой русской революции». — Большевики Грузии и Азербайджана в период иранской революции оказывали большую помощь иранским революционерам. В Тифлисе был создан специальный комитет содействия иранским революционерам. Тифлиссский и бакинский «Гуммет» были связующими звеньями между большевиками Закавказья и иранскими революционерами. Весной 1909 года Тифлиссский комитет РСДРП на одном из заседаний обсудил вопрос о приобретении оружия для иранских революционеров.

Большевистские организации Грузии и большевистская группа тбилисского «Гуммета» систематически отправляли оружие, марксистскую литературу революционерам иранского Азербайджана и оказывали им всяческую помощь»¹².

Именно в этот период, продолжает автор статьи, были созданы две организации по оказанию помощи восставшим иранским трудящимся — одна при Тбилисском комитете РСДРП под руководством И. В. Сталина, другая — мусульманская организация при «Гуммете», которой руководил выдающийся большевик, впоследствии известный деятель Советского государства Нариман Нариманов.

Иранским революционерам оказывали помощь также и тбилисские и бакинские коммунисты: Степан Шаумян, Алеша Джаларидзе, Серго Орджоникидзе, Мешеди Азизбеков, Мир-Башир Касумов, а также тбилисские гумметцы — Гайдар Али Таги-заде, Али Таги-заде, Ашраф Юсубашев и другие.

Царская жандармерия подтверждала, что центр помощи иранской революции находился в Тифлисе и главными его членами являлись иранские подданные: врач Нариманов, торговец коврами Садыхов, торговцы кожей Александров и Ризаев, портной Машади Махмуд, торговцы фруктами Тагир-заде и Ахундов.

По свидетельству старшего научного сотрудника Центрального государственного исторического архива Грузии М. Чавчанидзе, иранским революционерам помогал также известный грузинский большевик Миха Бочоридзе, чья революционная деятельность в 1907—1908 годах протекала в Баку, где он вместе с активными участниками большевистского движения Степко Индикрвали, Тома Чубинидзе и своей сестрой Маро участвовал в организации тайного штаба для посылок в Иран оружия.

Кавказские революционеры прибыли в Иран после разгрома первого меджлиса. Веками враждовавшие нации, в частности грузины и иранцы, армяне и иранцы, объединились под знаменем революции в борьбе за свободу.

Различные авторы называют разное число грузин и вообще кавказцев, участвовавших в иранской революции. В частности, такой, несомненно, добросовестный исследователь иранской революции, каким был М. Павлович (Волонтер), считает, что в иранской революции приняли участие 180 грузин.

Грузины-добровольцы сражались в Иране до прихода туда оккупационных войск бывшей царской России. Затем они были вынуждены покинуть страну. И, кроме шести или восьми человек, из них уже ни у кого не было возможности принять участие в походе на столицу Ирана — Тегеран.

Участие кавказцев, в частности грузин, в иранской революции некоторые буржуазно-реакционные историки пытаются представить в искаженном свете. Они даже позволяют себе утверждать, будто свободолюбивые кавказцы поехали в Иран ради денег.

Можно ли представить себе больший цинизм?! Не говоря уже о том, что люди готовы были жертвовать собой ради общего дела, от кого они должны были получить эти деньги, когда сами оказывали помощь восставшему народу Ирана?!

¹² М. Агаджанов. Некоторые вопросы из истории тифлиссского «Гуммета» в годы первой русской революции. — «Вопросы истории КП Грузии», сб. трудов Инст. ист. партии при ЦК КП Грузии, т. 17, с. 157.

Активный участник иранской революции М. Богданов-Марьяжкин рассказывает, что материальное положение добровольцев было тяжелым. Денег на руки им не выдавали. Только перед взятием Решта на всю группу (30 человек) выдали два тумана (четыре рубля). Вот и все. Что двигало ими, что их привлекало? Дружба, глубокое уважение друг к другу и стремление одержать победу над шахскими силами. Среди добровольцев не было никого, кто бы искал для себя особого положения. Каждый из группы «Гурджи» считал своим долгом помогать товарищу. Трусов среди них не было. Участие в иранской революции они почитали за честь.

Уходу кавказских революционеров в Иран, надо думать, определенным образом способствовали поражение первой русской революции и жестокая реакция, последовавшая вслед за этим. Несомненно, многие из участников революции не могли оставаться в стране и вынуждены были эмигрировать или уйти в глубокие подполье. Именно в это время иранской революции потребовалась помощь, и кавказские социал-демократы тотчас же откликнулись на призыв.

О многих грузинах — участниках иранской революции мы ничего не знаем потому, что они скрывались под чужими фамилиями или псевдонимами. Это вполне понятно, поскольку после поражения первой русской революции их преследовали не только на родине, но и за ее пределами. Газета «Голос Кавказа» писала в то время, что полностью установлена личность революционных солдат Тавриза, которые напали на русскую армию (русская армия вошла в Иран под провокационным предлогом защиты живших там русских подданных. — А. К.). Этими солдатами, по свидетельству газеты, руководили грузины и армяне, жившие там под вымышленными именами.

Царские власти хотели установить их подлинные фамилии. С этой целью тбилисское губернское жандармское управление обратилось с секретным письмом к русскому генеральному консулу в Тавризе и направило туда нескольких своих тайных агентов.

Кто были они, эти кавказцы? В. М. Богданов-Марьяжкин рассказывает, что группа «Гурджи» представляла собой сплоченный коллектив. Большинство его членов принадлежало к революционным партиям. Многие были участниками восстания 1905 года, испытали тюрьмы, каторгу и Сибирь. Были среди участников группы и подпольщики. Среди них — рабочие, слушатели тайных кружков, где они знакомились с произведениями Маркса, Ленина, Плеханова, Чернышевского, Герцена. Большинство входивших в группу составляли большевики, сравнительно меньше было меньшевиков и эсеров. Дашнаков в группе «Гурджи» не было. По национальному составу больше всех было грузины, затем шли русские, армяне и евреи. Всем им было в среднем по 18—20 лет.

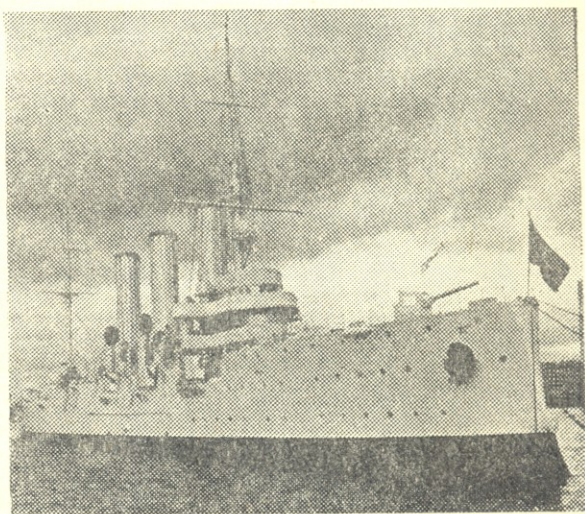
Вечная вахта „Авроры“

НАД КОРМОЙ этого корабля-легенды стылый невский ветер перебирает складки единственного в своем роде военно-морского флага: на его бело-голубом полотнище — изображение орденов Октябрьской Революции и Боевого Красного Знамени. Второго такого не носит на своем флагштоке никакой другой советский военный корабль. А ведь на нашем флоте есть немало боевых единиц, отмеченных и высокими наградами Отчизны, и громкой славой...

Но, впрочем, ведь и славы такой — поистине всенародной, без преувеличения всемирной — не было, нет и не будет никогда ни у какого другого корабля на нашей планете. Потому что корабль, о котором речь, называется «Авророй». И этим все сказано. Тут уж как в песне — и словечка ни прибавить, ни убавить.

Глубок смысл многозначительной детали: на ордене Октябрьской Революции, которым в канун полувекового юбилея Советских Вооруженных Сил одним из первых в нашей стране был награжден Краснознаменный крейсер «Аврора», изображен он сам! Неразъединимы, воедино слиты, навечно сплавлены два конкретных понятия — Великий Октябрь и крейсер «Аврора». Ведь именно она, «Аврора», историческим выстрелом своего шестидюймового орудия провозгласила на весь мир победу народа России в его революционном восстании против угнетателей и эксплуататоров. Неспроста крейсер этот по полному праву называют Первой Батареей Великого Октября...

Но не только раскаты выстрела, до основания потрясшего «весь мир насилья», разнеслись с борта «Авроры» незабываемой октябрьской ночью 1917 года.

По крутому трапу, ведущему с полубака крейсера на левый его шлюфт, сойдем под носовой мостик. Тут находится историческая радиорубка. У входа в ее помещение сияют слова, вырезанные на бронзовом щите:

«ПЕРВОЙ РАДИОСТАНЦИЕЙ НА СЛУЖБЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ БЫЛА РАДИОСТАНЦИЯ КРЕЙСЕРА «АВРОРА». ЧЕРЕЗ ЭТУ РАДИОСТАНЦИЮ ПЕРЕДАВАЛИСЬ ВОЕВЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА, А УТРОМ 7 НОЯБРЯ БЫЛО ПЕРЕДАНО НАПИСАННОЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ВОЗЗВАНИЕ «К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!», ВОЗВЕСТИВШЕЕ МИРУ О ПОБЕДЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Отсюда, из этой радиорубки, наряду со многими распоряжениями Военно-революционного комитета ушли в эфир Декрет о мире и Декрет о земле, принятые Вторым Всероссийским съездом Советов.

Что и говорить — могучим и всеокрушающим был гром, грянувший осенней октябрьской ночью с борта революционного крейсера «Аврора»! Это был истинно первый удар карающей силы, который в самое черное сердце поразил старый мир. Это был первый раскат грозы, вот уже более полувека грохочущей над нашей планетой, сметающей один за другим с карты мира последние опорные пункты империализма и колониализма, воодушевляющей трудящихся на последний решительный бой с угнетателями и эксплуататорами...

Он и сегодня разносится над нашей планетой, животворящий залп «Авроры». Это его священный огонь — революционную эстафету — несли пушки вьетнамских героев, орудия повстанцев в джунглях Мозамбика и Анголы. Отблески очищающего пламени исторического выстрела светят сынам и дочерям непокоренной Намибии, патриотам Чили и Парагвая, узникам родозийских гетто. Сплохои октябрьского зала «Авроры» освещают дорогу к счастью всем, кто пока еще не сбросил цепей колониализма, кто борется с ним не на жизнь, а на смерть.

...Флагман Великого Октября крейсер «Аврора» покоится сегодня на своей вечной стоянке у Петроградской набережной Большой Невки. Легко покачиваясь на мелкой речной волне, бережно прижатая швартовными тросами, «Аврора» словно только что возвратилась из дальнего похода. Сияют свежей эмалью высокие борта и стройные мачты трехтрубного красавца-крейсера, гордый стремительный контур которого неотделим от наших дум об исторической октябрьской ночи семнадцатого года.

Крейсер «Аврора» — единственный в мире боевой корабль, несущий флаг родного флота долгих семь десятилетий. Он и по сегодня находится на воинской вахте, вдохновенно правит свою высокую морскую и революционную службу.

Не зарастает народная тропа, пятьдесят восемь лет ведущая трудовой люд мира по крутым лестницам-трапам на борт «Авроры». Широкая человеческая река нескончаемо плещет на эту палубу, к этой рации, на этот полубак, где текучий алый шелк корабельного носового флага — гюйса — торжественно и величаво струится над броней исторической орудийной башни...

Поразительна судьба «Авроры», ее боевая и революционная история. С 1903 года находясь в боевом строю отечественного флота, этот крейсер непобежденным прошел через ад Цусимской битвы. В годы первой мировой войны крейсер сражался с кайзеровским флотом на Балтийском море.

Революционный дух команды превратил этот корабль в надежный бастион большевистской партии. Здесь сложилась когорта негнбимых коммунистов-ленинцев. «Аврора» была первым военным судном Балтики, который на своей фок-мачте поднял Красное знамя пролетарской революции. Не случайно именно экипажу «Авроры» 24 октября 1917 года Военно-революционный комитет отдал приказ занять важнейшую позицию у Николаевского моста и осуществить его захват, а затем произвести условный выстрел — сигнал к началу штурма резиденции Временного правительства — Зимнего дворца...

В годы Великой Отечественной войны корабль и его экипаж несли боевую вахту. Авроровские орудия, перенесенные с корабельной палубы на береговые позиции в районе Вороньей горы, вели меткий огонь по врагу. Бессмертный подвиг совершили в бою с гитлеровцами орудийные расчеты, которыми командовали лейтенанты А. Смаглий, А. Антонов и Е. Дементьев. Первый из них, управляя огнем исторического бакового орудия крейсера, до последнего снаряда сражался с прорвавшимися фашистскими танками. До последнего удара сердца! Так дрались с врагом все авроровцы...

И сегодня «Аврора», говоря по-морскому, — впередсмотрящий социалистической революции. «Аврора» — это подлинная школа ленинизма, живой пример самоотверженного и бесмечного служения правому делу Коммунистической партии. Ставшая святыней для каждого советского человека, для всех,

кому дороги дух и буква Великого Октября, его идеалы и принципы, она, 30
вет трудящихся под сень авроровского флага. И люди спешат прикоснуться к
бесценным реликвиям дважды орденосного революционного крейсера, трогате
щим душу и сердце, побыть среди экспонатов, ставших как бы частицами на-
шей жизни.

...С палубы на палубу, из отсека в отсек переходят посетители «Авроры»,
едва сдерживая волнение. Вот гильза исторического выстрела. Вот бронзо-
вые бюсты первого комиссара «Авроры» А. В. Бельшева, секретаря судкома
С. П. Захарова, комендора носового орудия Е. П. Огнева, который и произвел
выстрел-сигнал 25 октября 1917 года. Вот документы-предписания Военно-
революционного комитета экипажу «Авроры». Вот редчайшие фотодокументы.
Вот почетно-революционные, орденские и боевые знамена крейсера и его на-
грады. Вот портреты героев-авроровцев, совершивших 19 июля 1923 года ге-
роический подвиг на кронштадтском форту «Павел» и награжденных орденами
Красного Знамени. Вот волнующие экспонаты, среди которых великое мно-
жество подарков «Авроре», присланных и привезенных со всех концов нашей
планеты.

Надо сказать, что в числе моряков-авроровцев уже после революции нес-
ко поколения флотскую службу немало сынов грузинского народа. Были на па-
лубе славного крейсера ставшие впоследствии адмиралами Военно-Морского
Флота СССР С. Рамишвили и К. Сухиашвили. Долгих четыре года — с 1924
по 1927 год — плывал краснофлотцем на «Авроре» недавно скончавшийся в Бор-
жоми ветеран флота Яков Виссарионович Сванидзе. По трапам и отсекам Крас-
нознаменного корабля-реликвии в качестве курсантов высших военно-морских
учебных заведений и Нахимовского училища прошли буквально сотни юношей,
родившихся под грузинским небом.

...Нескончаема череда идущих на «Аврору» экскурсантов. Счет посетителей
дважды орденосного крейсера давно уже идет на миллионы. На борту «Ав-
роры» ленинградцы и многочисленные гости города-героя не только осматри-
вают боевые и революционные реликвии корабля и знакомятся с его удиви-
тельной летописью. На крейсере регулярно проводятся тематические комсо-
мольские собрания и пионерские сборы, встречи молодежи с ветеранами ре-
волюции. Молодые солдаты и матросы принимают на авроровской палубе воен-
ную присягу, клянутся быть верными часовыми любимой социалистической Ро-
дины. Воинам, вступившим в комсомол, билеты членов ВЛКСМ вручают на
борту «Авроры» ее старые ветераны.

Целую библиотеку из множества томов составили записи тех, кто посетил
этот великий памятник революции. Вот некоторые:

«Наша «Аврора»-Заря никогда не померкнет.
Группа рабочих Кировского завода».

«Часы, проведенные нами на крейсере «Аврора», станут отныне звездными
часами нашей жизни.
Студенты из Тбилиси Отар ГОБРОНИДЗЕ, Лия КАДЖРИШВИЛИ,
Дали МЕРКВИЛАДЗЕ, Мамука САХЕЛАШВИЛИ, Лаша ЦИХИС-
ТАВИ».

«Вступить на палубу легендарного крейсера — значит дать клятву до конца
жизни быть верным идеям Ленина.
Экскурсант из Тулы».

«Я счастлива, что посетила «Аврору».
Мать».

«Мы с честью выполним любой приказ Родины, будем достойны традиций
«Авроры».
Воины Военно-Воздушных Сил».

«Удивительно! Неповторимо! На всю жизнь!
Ирина БОБРОВИЦКАЯ и Михаил КОНОВАЛОВ из Куйбышева».

«Мы, подводники Северного Флота, клянемся всегда быть на курсе «Ав-
роры».

«На знамени «Авроры» — дыханье Октября.
Сибиряки».

«До последнего дыхания будем жить и служить Отчизне по-аврорэвски.
Воины-закавказцы КРУПИН, ГОРСКИЙ, ИСАКОВ».

Таких записей — не сосчитать!..

Чудесные слова оставили в книге почетных посетителей «Авроры» трижды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации И. Кожедуб, летчик-космонавт Юрий Гагарин, национальный герой Греции Манолис Глезос, генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан, жена и друг вождя германских коммунистов Эрнста Тельмана — Роза Тельман.

«С восхищением и признательностью посетил крейсер «Аврора», который дал сигнал к началу штурма Зимнего дворца и открыл путь победоносному восстанию и Октябрьской революции, — писал генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго. — Этот сигнал для России, для всего человечества явился началом новой эпохи — эпохи построения социализма».

Глубокие слова, безошибочный вывод!..

В корабельном музее «Авроры» множество даров крейсеру-герою. Нельзя пройти мимо подарка трудящихся французского города Сен-Дени: портрета автора «Интернационала» Пьера Дегейтера и фотокопии нот пролетарского гимна, написанных рукой автора. А вот знамена, под которыми дрались итальянские партизаны. Рядом — подарки летчиков французского авиаполка «Нормандия—Неман»; модель эсминца «Вихрь», изготовленная польскими военными моряками; они назвали свой корабль «младшим братом «Авроры»; бюст Георгия Димитрова, синий галстук немецкого пионера, памятная медаль, таджикский ковер с «Авророй» в центре...

Прекрасна бережно сохраняемая советским народом дважды орденосная «Аврора» — чудо-крейсер, на долю которого выпала поистине чудо-судьба. И хоть есть в ратном облике «Авроры» своя неповторимость, своя прелесть, все-таки очень не похожа она на современные ракетно-ядерные советские боевые корабли. Ну, взять хотя бы вот этот анахронизм ратного оснащения — стальной таран в носовой подводной части. Когда-то предназначался он для того, чтобы крушить врага в ближнем бою, наносить ему разящие удары, как говорят моряки, «ниже ватерлинии». Так ни разу и не удалось «Авроре» применить этот таран в бою...

Но легендарный крейсер сделал куда большее историческое дело — смертельно таранил антинародный режим российских угнетателей и эксплуататоров, нанес и наносит все новые и новые пробоины пускающему пузыри, дряхлеющему дредноуту империализма.

Пусть же будет нетленной слава того знамени и того дела, которым более чем пять с половиной десятилетий верой и правдой служит дважды орденосный крейсер «Аврора» — провозвестник счастья всего прогрессивного человечества. Корабль-Заря, Корабль-Светоч, Корабль-Впередсмотрящий...

(Борт ордена Октябрьской Революции
Краснознаменного крейсера «Аврора»).

Проблема прогресса искусства

IV

В общих чертах такова объективная основа прогресса в искусстве. Разумеется, именно эта основа является первейшей, решающей. Но ведь искусство создается людьми, наделенными исключительным талантом, способностью к художественному замыслу и образному выражению. Поэтому при обсуждении закономерности как общего исторического прогресса искусства, так и собственно национального художественного прогресса нельзя ограничиваться отмеченными выше эпохальными и национальными условиями, социальной и национальной исторической необходимостью. Здесь существенная роль принадлежит и субъективному фактору.

Известно, что люди, наделенные творческим талантом, почти бесследно исчезают для истории, если они сталкиваются с объективной общественной обстановкой. Но в то же время, какой бы высокоразвитой ни была эта обстановка, она не делает художником человека, в отношении которого сама природа проявила скудость. Разумеется, художественным талантом наделяет человека природа, но он либо бесследно пропадает, либо же проявляется (то есть заново рождается как художник) в соответствии с сущностью объективной социальной обстановки. Из этого, естественно, следует, что талант всякого художника является одновременно и продуктом общественных условий, следовательно, представляет собой и общественно-историческое явление.

Та же объективная обстановка обуславливает творческий метод художника и вообще все его мировоззрение. Но в каком виде, с каким совершенством и своеобразием воплощает тот или иной художник обусловленный эпохой художественный метод, направление и идеи или же саму эпоху и объективную закономерность искусства, полностью зависит от его художественного таланта и других субъективных особенностей (от его человеческой и творческой натуре, его духовного мира...); и поэтому именно в них находит свое объяснение. Иначе говоря, то, что относится к общей (типологической) стороне творчества художников, выражающей ту или иную эпоху или «эпохальное настроение», обусловлено объективной социально-исторической обстановкой. А то, что предстает перед нами в виде особенности творчества отдельных художников, то есть то, что отличает их друг от друга, представляет творческую индивидуальность.

Поэтому прогресс в искусстве невозможен без гениев и великих талантов. Этот вопрос имеет и другие аспекты в его связи с проблемой художественного прогресса, но останавливаться на всех них здесь нет необходимости.

Общий вывод, вытекающий из рассмотрения перечисленных вопросов, можно сформулировать следующим образом.

Подобно тому, как общественный прогресс не всегда связан с прогрессом в искусстве, и прогресс в искусстве не всегда основывается на общественно-национальном прогрессе. В некоторых случаях он возникает и на почве общественно-национального упадка, больших тягот и напряжений; однако и тогда он является тенденцией общественного развития и их прогрессивную сущность. В то же время прогресс в искусстве всегда предполагает наличие субъективных факторов соответствующего масштаба. Стало быть, он представляет собой результат единства и взаимодействия объективных и субъективных факторов. Все это делает вполне явной ошибочность того крайне одностороннего взгляда, который полностью отождествляет прогресс общества и прогресс искусства, будто «художественный прогресс должен соответствовать общественному прогрессу и его историческому пафосу»¹; или же «прогресс искусства представляет собой одну из сложных форм движения от низшего к высшему»².

V

Все сказанное выше может служить основой для рассмотрения основных черт прогресса искусства.

Известно, что всякое подлинно художественное творение, творческая индивидуальность каждого истинного художника определенным образом обогащают исторический процесс искусства, вносят в него разнообразие новизны и художественными открытиями, неповторимостью эстетического видения, глубокой тематического и идейной содержания, высоким художественным мастерством, что и знаменует собой прогрессивный шаг в искусстве. В то же время в любую эпоху мы встречаемся со слабыми художниками, с явно неполноценными или реакционными произведениями, с подражательством. Но если все это не типологично, их существование само по себе не означает ни расцвета, ни упадка искусства. Как первый, так и второй налицо лишь тогда, когда художественная культура эпохи, если и не целиком, то по крайней мере в основном, характеризуется подъемом или упадком. Именно поэтому прогресс проявляется в виде особенного подъема какой-либо одной или нескольких отраслей искусства, а само это явление представляет собой основную определяющую сторону художественной культуры всей эпохи. Здесь же следует отметить, что искусство характеризуется прогрессивностью, когда оно достигает совершенноного проявления своей общественно-эстетической сущности в том или ином масштабе, когда оно в людях как своей, так и последующих эпох возбуждает, укрепляет и углубляет наиболее тонкие, наиболее возвышенные чувства и стремления, вызывает подлинно эстетическое наслаждение, душевный подъем, радость; когда оно внушает ненависть к тому, что достойно ненависти, и любовь к тому, что заслуживает любви, стало быть, выражает художественную правду эпохи, развивает и разнообразит эстетическое видение, творческие приемы и художественное мастерство художественными открытиями и новизной художественного выражения всей объективной обстановки и прогрессивной сущности эпохи, ее идей, в качестве подлинного поприща творческих индивидуальных и событий большого общественного значения, в качестве пособника людей и важного фактора формирования их эстетических чувств и всей духовной жизни, одного из активных элементов общественно-национального процесса, а порой и как ведущей, направляющей силы всей жизни народа.

Разумеется, все это органически слито воедино, а для понимания сущности и основы этого единства существенное значение имеет приведенное выше положение К. Маркса о развитии производительных сил, «то есть богатства человеческой природы как самоцели»³.

В этом положении К. Маркса особое внимание обращает на себя органическая связь между развитием производительных сил и богатством человеческой природы. Это по существу означает и то, что развитие производительных сил выступает в качестве основы общественного прогресса тогда, когда она выра-

¹ Н. Парсаданов, О поступательном характере развития искусства, 1964, с. 86.

² Там же, с. 51.

³ Некоторые марксистские исследователи в своих комментариях к этому важнейшему положению К. Маркса проявляют тенденцию отождествления понятия богатства человеческой природы с понятием материального богатства общества. В частности, эта тенденция явно заметна в упомянутом выше исследовании В. Ванслова. Это, конечно, ошибка. Богатство человеческой природы подразумевает совершенно иную, определенную сферу, а именно: духовно-интеллектуальный мир человека, его творческие способности, вообще единство всех человеческих потенций, весь внутренний мир и богатство человека.

жает именно обогащение, развитие человеческой природы. Следовательно, развитие производительных сил не всегда создает надлежащие условия для общественного прогресса, а следовательно, и для обогащения, развития человеческой природы. Более того, в определенных случаях уровень производительных сил и его последствия могут сугубо ограничивать прогресс, вообще человеческого развитие. В качестве примера можно назвать буржуазный общественный строй. Вот что говорит К. Маркс: «...Чем же иным является богатство, если отбросить его ограниченную буржуазную форму, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, ...полным господством человека над силами природы, то есть как над силами так называемой природы, так и над силами его собственной природы? Чем же иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без всяких других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому-либо заранее установленному масштабу». И в этом случае развитие всех этих человеческих сил К. Маркс определяет как самоцель в развитии человечества.

Как видим, это положение К. Маркса имеет исключительно большое значение не только для понимания основы прогресса вообще, но и для постижения марксистского понимания богатства человеческой природы и непосредственной основы прогресса в искусстве.

Здесь же следует отметить и то обстоятельство, что именно в связи с отмеченной нами ограниченностью конкретно-исторического социального проявления развития производительных сил и материального богатства общества К. Маркс указывает на враждебность капитализма к художественной культуре. Разумеется, это не означает, будто он отрицает развитие искусства в эпоху капитализма в виде творчества отдельных гениальных художников. В данном случае имеется в виду указание на сущность капитализма в аспекте развития собственно искусства и на невозможность возникновения выдающихся художественных эпох в условиях господства капитализма (такого же взгляда придерживался и Гегель, но он объяснял этот исторический факт идеалистически, в соответствии со своей общей философской концепцией).

Разумеется, в определении свободного от ограниченности богатства К. Маркс имеет в виду общенародное богатство, богатство коммунистического общества, поэтому и указывает он на абсолютное проявление всех человеческих потенций, их полное раскрытие и развитие всех способностей человека, в том числе и творческих.

Но и в историческом прошлом бывали такие эпохи общественного развития, когда в определенной мере уменьшаются ограниченность самораскрытия личности и развития его способностей: определенный способ разделения труда дает относительно широкий простор развитию богатства человеческой природы и художественного таланта. Такими были, например, эпохи классического греческого искусства и Ренессанса.

Вторая половина приведенного выше определения основы человеческого прогресса — «развитие богатства человеческой природы» — подразумевает особенное значение и субъективного фактора, в частности и проявление собственно творческих способностей человека. А для того, чтобы проявились определенные способности, разумеется, необходимы люди, наделенные такими способностями. Итак, здесь мы имеем дело с субъективным фактором прогресса искусства, имеющим для него сугубо своеобразное и исключительное значение.

Затронутые нами вопросы имеют и другие аспекты, но и сказанное дает достаточно материала и основания для освещения исследуемой проблемы. Однако одно обстоятельство все же необходимо отметить: из рассмотренного положения К. Маркса логически вытекает вывод и о том, что общественный прогресс по существу выражается в движении вперед всех потенций и способностей, всей общественной сущности, всего природного богатства человека. А это, разумеется, невозможно без свободы человеческой личности, вообще без социальной и национальной свободы. Поэтому и подчеркивал Ф. Энгельс, что каждый шаг на пути развития культуры был шагом вперед в направлении к свободе.

Коснемся теперь тех основных черт общественного прогресса, которые не являются характерными для прогресса в искусстве.

1. Общественный прогресс представляет собой восходящий, поступательный исторический процесс, то есть последовательную смену формирования более сложных и высоких, более совершенных и широкомасштабных ступеней поступательного движения. В каждой конкретной разновидности этих ступеней или эпох с самого начала «дано свое противоположное», в виде тенденции, направленной

1 К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. I, 1967, с. 164—165.

ности или же зародыша последующего прогресса. Развитие этой тенденции, этого зародыша создает антагонизм, являющийся в свою очередь, противоречивой сущностью эпохи, вне которого, говоря словами К. Маркса, «нет прогресса». Такой закон, которому цивилизация подчинилась до наших дней. При этом все это не означает, будто развитие производительных сил, вообще история представляет собой беспрепятственное и прямолинейное поступательное движение, прогресс. Такой взгляд, по В. И. Ленину, «недиалектичен, ненаучен». Общественное развитие — это прерывистый, зигзагообразный процесс с подъемами и спусками, порой с «гигантскими скачками назад».

2. В сфере истории прогресс означает существенное развитие предшествующей ступени или же полное ее отрицание, при этом то, что становится жертвой прогресса, в обоих случаях выключается из «действенной жизни», становится достоянием истории, стало быть, рано или поздно совершенно исчезает с исторической арены. Разумеется, это совершается в принудительном порядке, в результате победы прогрессивного начала и его окончательного утверждения.

То же самое происходит и в сфере науки, вообще в сфере дискурсивного познания и техники. Кроме того, и здесь прогресс характеризуется такой же поступательностью, как и в развитии общества; все изжившие себя теории, изобретения или открытия сходят со сцены «действующей истории», то есть и здесь господствует разрушительный закон отрицания: каждая последующая эпоха прогресса укореняет новое, более истинное и более совершенное, а старое, отвергнутое становится достоянием истории. Таким образом, здесь прогресс предстает перед нами как поступательное движение, как бесконечный процесс, зигзагообразный, но по существу восходящий процесс обновления, более совершенного проявления творческих способностей людей.

Разумеется, эта одинаковость путей прогресса науки и техники и вообще интеллектуальной жизни человека и общественного прогресса не исключает их относительного различия. В первую очередь заслуживает внимания различие характера самого процесса смены старого новым, а также критерия самого прогресса; причем основу этого различия составляют те особенности, которые отличают общественную жизнь как таковую и отрасли духовно-интеллектуальной активности человека. Как уже видели выше, та же почва — глубокая специфическая сущность — обуславливает своеобразие прогресса искусства. Таким образом, отличительные особенности, которыми характеризуются проявления прогресса в истории общества и всех отраслей духовно-интеллектуального творчества человека являются результатом и выражением различия специфической сущности перечисленных исторических явлений (общественной жизни, науки, искусства и т. д.). Это вообще общепризнанный всеобщий закон прогресса, открытый К. Марксом.

VI

Мы уже ознакомились с определенной частью специфических черт, характеризующих прогресс искусства, но их следует упомянуть здесь в форме общих заключений; это необходимо для полноты картины, изображающей своеобразие прогресса искусства.

Несмотря на то, что первой основной чертой прогресса искусства является его неравномерное соотношение с развитием общества и его материальной основы (с развитием производительных сил), в конечном счете каждый период прогресса искусства обусловлен сущностью общественного развития в соответствующую эпоху.

Вторая основная черта: это своеобразие взаимной смены периодов прогресса и упадка в искусстве. В отличие от взаимной смены периодов исторического процесса в общественной жизни и во всех других формах общественного сознания периоды новых достижений в области искусства не упраздняют

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, с. 96. Иногда это положение К. Маркса неверно комментируется в специальной литературе. Например, в одном случае оно приводится В. Вансловым в качестве обоснования следующего общеизвестного факта: «Между общественным и художественным прогрессом не только существует единство, но возможно и противоречие» (В. Ванслов. Прогресс в искусстве, с. 98). Как видим, это совершенно иное противоречие. К тому же следует заметить, что в приведенной фразе и сам исторический факт этого противоречия в какой-то мере ограниченно понимается В. Вансловым: «Но возможно и противоречие...».

и не обесценивают достижение предыдущих прогрессивных эпох в искусстве. Здесь действует закон **сосуществования**. Стало быть, художественный процесс не представляет собой «кровавого» пути взаимной смены художественных эпох или направлений. Правда, каждая прогрессивная художественная эпоха — новое подлинно художественное творение ближе к социальному и духовно-идейному миру людей той же эпохи или национальности, к их эстетическим идеалам и вкусам, нежели художественные творения предыдущих эпох, но это все же относительное различие; подлинное искусство никогда не теряет своего значения и своей притягательности, вечно сохраняя привлекательность, познавательные и эстетические достоинства, а некоторые, наиболее выдающиеся из них могут, по словам К. Маркса, «в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом».

В искусстве все то, что действительно прогрессивно и художественно совершенно, вместе с тем и вечно, а все вечные ценности вечно сосуществуют. Разумеется, это относится к наиболее выдающимся художественным творениям всех эпох, в которых высокая художественность изображения выступает рядом с художественной правдивостью и ярко выраженной творческой индивидуальностью.

Несмотря на то, что, как сказано выше, прогресс искусства представляет собой обогащение и усовершенствование всех сторон, средств и приемов художественного творчества, возрастание творческой индивидуальности художников, углубление идейно-тематического содержания и т. п., это движение происходит не на развалинах предыдущих периодов прогресса и не во всех случаях или отношениях превосходит их в своих художественных достоинствах.

С этим связана третья отличительная черта прогресса искусства. Не все его эпохи равноценны по своим художественным достоинствам, социально-историческому значению и масштабности; к тому же в отдельных отраслях искусства возможно высшее проявление прогресса на более низких ступенях общественного развития, как об этом свидетельствуют наиболее выдающиеся произведения искусства греческой классики и эпохи Ренессанса. Отдельные примеры этого были названы выше. Итак, не только возможно, но и не раз бывало в истории искусства, когда его прогресс в более позднюю эпоху стоит ниже по своим художественным достоинствам, социально-историческому значению и масштабности в сравнении с прогрессом в более раннюю эпоху.

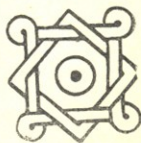
Четвертая отличительная черта: возможность обусловленности прогресса искусства, причем в своем весьма глубоком проявлении общественно-национальными тяготами и бедствиями.

Наиболее сложной является и пятая отличительная черта, выступающая в форме разнообразной взаимозависимости отдельных компонентов весьма многосторонней внутренней структуры самого прогресса искусства.

При этом следует повторно подчеркнуть, что отмеченные здесь особенности прогресса искусства не означают отрицания наличия общих черт прогресса в искусстве и в других сферах, включая восходящий, поступательный характер развития и непосредственное отражение самого общественного прогресса.

¹ Во избежание недоразумения поясняем, что и в области науки, техники становятся достоянием истории не все предшествующие достижения — в таком случае мы должны были бы отрицать накопление знаний и опыта в области науки и техники, что было бы нелепо, — а лишь те теории и технические приемы, которые уже превзойдены новыми теориями и техническими приемами. Разумеется, и в области искусства предаются забвению явно слабые и малохудожественные произведения, но здесь поступательное движение нельзя признать общим законом.

Окончание следует

Ц Е Н О Ю Ж И З Н И

ЭТА книга прекрасна. Прекрасна по идее своей, прекрасна и потому, как эта идея реализована, прекрасна по форме.

На черном фоне обложки, трагической по своей тональности, — три пламенеющих цветка. И название книги — «Огненные цветы», — видимо, подсказано замечательной строкой из стихотворения грузинского поэта, павшего на войне: «На склонах ночи взрывы, как цветы». Эта строка использована и в предисловии, где сказано: «Эта книга посвящена тридцатилетию победоносного завершения Великой Отечественной войны, памяти павших воинов, сражавшихся и павших на фронте. Это летопись духовной жизни тех, кто в страшное, тяжелое время, когда казалось, спасения почти не видно, жил, вдохновленный мечтой, думами о победе и страстью победить».

Где же они — выход и спасение, если к началу июля 1943 года на Курской дуге враг сосредоточил до 900.000 солдат, до 10.000 орудий и минометов, 2.700 танков, до 2.000 самолетов!

В это время двадцатипятилетний Мирза Геловани уверенно и определенно писал: «И ничего от смерти не спасет. Одно спасенье есть: убийство смерти». Никакой паники. В первую очередь — вера в себя.

Мирза Геловани видел ад.

Ты видел, как горели небеса —
горели и неслыханно и мутно,
и пуля прожужжала, как оса,
предпочитая друга почему-то.

Он пал ничком, царапая траву.
И, словно медсестра над павшим братом,
вдруг тень весны возникла наяву
над бледным днем, с бледнеющим
солдатом.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Мирза признался, что «видел ад» и с ужасом думал о том, что «светает, и начинается проклятие». Когда еще поэту такое приходило в голову? Утро — всегда дарует радость, свет, восход, а здесь

утренняя заря связана с ужасами и проклятиями: враг точен, когда берет на мушку. Во многих фронтовых стихах Мирзы Геловани ощущается предчувствие смерти. Но в этом нет ни паники, ни растерянности — трезвое, спокойное осмысление действительности. Надо быть безумцем, чтобы думать о собственной смерти, как о чем-то невозможном, когда рядом с тобой умирают десятки и сотни твоих друзей, товарищей, которых не успеваешь даже похоронить. Невольно возникает мысль о неизбежности смерти. И Мирза Геловани, «привыкший к смерти, как привыкают к дурному соседю», много пишет об этом: «И дни пройдут. Связь решето оград мох доползает до наших эпитафий», «желанием смерти я озабочен».

О, снег пришел! Совсем не белый.
Совсем иной лежит сугроб.
Не твой ли слышу шаг несмелый?
Не мне ль несешь ты снежный гроб?

Кругом война. Пурга. И обе кончиться
должны.
Но я — не кану ли в снега такой пурги,
такой войны?..

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Сегодня мы пытаемся проникнуть в психологию героя, в его человеческую природу и в преодоление страха, всегда сопутствующее подвигу. Это куда более естественное проявление, нежели схема супергероя. И вот в сознании Мирзы, перед глазами которого кружит «крылатый дымок сожженного снега», возникает как видение этот «сожженный снег, сожженный снег!..» А поэт в окопе выводит строки совершенно изумительного стихотворения «Галактиону».

Все стихотворение проникнуто поклонением божеству истинной поэзии, на которое способна только любовь. Прочитаем же это стихотворение про себя и постараемся почувствовать то, что мог чувствовать поэт, под пером которого родились эти строки:

Вам, перед кем преклоняюсь открыто,
вам написать и не мыслил я даже.

Помните Питер? И дни Джона Рида?
Битвы тех дней — не начало ли нашей?

Всякое сходство взорвалось на мне,
сгибло в огне, о броню раскололось.
Так исчезает — не слышишь в помине —
мой голосок, если слышен ваш голос.
Вы — как отец мне. Меня воспитала
скромная книга в лазурной обложке.
Смерть, изготовившись, рядышком
встала —

вот почему осмелел я немножко
и посвятил вдруг мгновения эти —
время любви, уступающей гневу, —
вам
да еще небесам Имерети.
Мудрому другу!
И милому небу!

1943 год, фронт.
(Перевод Ю. Ряшенцева)

Мирза Геловани погиб в звании капитана. Будем считать его командиром пошедших за ним в атаку грузинских солдат по перу. Это никого не принижает. Пусть командиром будет Мирза. У него не было робких соратников. «Что делать, на войну ушли многие, но ведь не все сумеют вернуться», — сказал Северьян Исиани, и эти строки как будто должны были облегчить участь вояков, смотревших в глаза смерти. Когда говорим об этом мы, живые, это святотатство, живым не пристало так говорить — что ж сделать, не всем суждено выжить! Для нас дороги все вместе и каждый в отдельности. И потому вера этого поэта в то, что солнце родины, так нежно хранимое в его душе, не отречется от него, не должна быть, как и имя его, предана забвению.

Вспомните облик Александра Довженко... А теперь представьте себе его лицо, когда он писал такие строки:
«Юноша мой, товарищ, добрый, сердечный и мужественный, забудь доброту свою!

...брат мой, спрячь доброту свою.
Ожесточай свою душу, ненавидь врага-людоеда.

Пусть захлебнется он от ненависти твоей, пусть погибнет от твоего огня.
Будь бездонно щедрым в воздаянии за зло, содеянное тебе!»

Это была наука ненависти.
Язык этой ненависти познали и грузинские поэты.

Много домов во мраке,
Капают кровь на лопнувшие кирпичи,
Сердце врага с занесенною саблей —
Громи!
Если не истребишь ты тирана-врага,
В мире мрак воцарится.
Истреби пресмыкающуюся —
Уничтожь!

(С. Исиани, подстрочный перевод)

Война, фронт, передовая породили другую эстетику, другие взаимоотношения, другой интим, другие художественные образы и формы.

«Как прекрасен звук пулемета: «так-так-так-так... Резко, отрывисто, с коротким откликом в горах», — пишет в дневнике Георгий Напетваридзе.

«Я уже научился вскидывать руку для приветствия. Есть какая-то большая внутренняя теплота и сердечность в этой воинской обязанности. Не знаешь, что за человек перед тобой: женат он или холост, какой национальности, способен он любить или ненавидеть, много ли он знает?... И все-таки приветствуешь «незнакомому» тебе командира, и он в ответ тоже вскидывает руку, молча, без всяких слов. Одно ясно — мы понимаем друг друга, мы одинаково подносим руку к козырьку».

И еще: «Афонин ест селедку. Он держит двумя пальцами селедочный хвост и вспоминает:

— Ох и водка же была в совхозе — чача, горячая как огонь! Сколько хочешь ее было. Только пей! Вот поеду к сыну, напьюсь в свое удовольствие...

Выпей, Афонин, обязательно выпей, когда придешь к сыну...»

Сколько боли в этой последней строке, тысяча вопросов, из которых главный: вернемся ли? Выживем? Увидим ли? А как эмоциональны и динамичны стихотворные строки Г. Напетваридзе:

Час наступит —
И седовласы,
Соберемся мы вновь на планете,
Вспомним давнюю юность.
И осень
Наступившую
И не заметим.
А пока...
Если гром нас разбудит,
Там мы будем, где гром и движенье.
А пока...
Дружный тост наш да будет
За того, кто погибнет в сраженьи!
Пусть же
Движется чаша по кругу,
Чтоб моглы мы поклониться на чаше
Жизнь в той битве
Отдать друг за друга.
А все вместе —
За Родину нашу.

(Перевод А. Ойслендера)

Думается, что прозаиком Г. Напетваридзе был бы значительно более интересным. Прежде всего на эту мысль наводят его фронтовые дневники. Маленький эпизод, пара деталей — и мгновенно ощущаешь атмосферу, видишь человека.

«Утром высовываю голову из окопа — цветет красивая сирень», «Не могу удержаться: привет, цветок!» — это Вла-

димир Убилава. «На Украинском фронте мне, — говорит он, — приснился Давид Гурамишвили. Он сказал: вам, сыны мои, доверил я отчизну, не дайте врагам терзать мою землю, ломать мою мельницу!» В грохоте пушек и рокоето танков предстает перед его глазами родная Одিশи.

Многого они не успели! Да и что можно было успеть за такую короткую жизнь!

Мне вспоминается Н. Майоров:

Есть дивные пейзажи и моря,
Цветут каштаны, выросли лимоны,
А между нами, впрочем, говорю,
Я не глотал еще воды соленой,
Не видел пляжа в Сочи, не лежал
На пестрой гальке в летнюю погоду,
Еще ни разу я не провожал
В далекий рейс морского парохода.

И его же:

Как пахнет женщиной вагон,
Когда та женщина не с нами...

Здесь же, в этом сборнике, получили прописку Сандро Жгенти, Важики Пхочели, Николоз Копалиани, Давид Паташвили, Аслан Кочиашвили. Книга эта — бессмертие их имен...

«Ованес, будь благословенно твое перо! Здесь есть армяне, и они рады тому, что я часто вспоминаю твое имя» (из дневника Г. Напетваридзе). И в книге наряду с грузинскими также армянские, азербайджанские, русские бойцы — славные ребята и хорошие поэты. Арчил Сулакаури очень продуманно составил эту книгу. В ней прослежен общий процесс, видна общая картина.

«Поэт поэту есть кунак». А эта дружба особая — замешанная на крови, бес-

сонных ночах, братских могилах. Вместе ушли, вместе сражались... И здесь, в этой книге, они все вместе, в армине Григорий Аюбян, Григорий Арлуц, Артшес Боренц, Григорий Гаруид, Грант Ваганян, Ефрем Лоренц, Амаяк Налбандян, Арсен Ованесян, Дереник Чарчхян, Теван Хачиян, Татул Гурияч, азербайджанцы Гусейн Натиг, Абдула Фарух... И это гостеприимство одновременно воспринимается и как поминание, и как праздник. С большим чувством ответственности к переводу стихов отнеслись А. Сулакаури, З. Лорджканидзе, О. Шаламберидзе, Б. Харанаули, М. Циклаури. Дж. Пхочели, Г. Алхазияшвили, Б. Шалвашвили, Б. Баларджишвили...

Было бы совершенно несправедливым не оценить по достоинству труд художника, оформлявшего эту книгу. Она сделана Важа Орбеладзе так, что еще издали обложка ее привлекает внимание читателей. Пожалуй, в ней не хватает лишь портретов тех поэтов, которые не вернулись с войны и из чьих произведений составлен этот сборник.

И в заключение снова строки из стихотворения Мирзы Геловани:

Вот где-то здесь источник ледяной.
Коль есть конец у всякого пути,
Пусть все не напечатанное мной
здесь оживет, как сам я, — во плоти.

Когда с судьбой поладить — не судьба,
уж как-нибудь я сам расправлюсь с ней.
Но и тогда — прорвись, моя мольба
о возвращенье, — влагой из камней.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Джумбер ТИТМЕРИЯ

Сдано в производство 1 сентября 1975 г. Подписано к печати 21 ноября 1975 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 80×108¹/₁₆.

Заказ № 3296

Тираж 4.000

УЭ 12 189

ТРЕТЬИЕ
ИЗДАНИЕ

33-1975

75-828
ბიბლიოთეკის
სისტემა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა